

ПЕТР ФЕДОРОВ:

*«Главное мое везение в том,
что я попал в хорошие руки»*

О творчестве педагога Натальи Росляковой читайте на стр. 94

Минувшее		
<i>Александр Ралот</i>	В Сибирь — добровольно!	4
Забывшие имена		
<i>Владимир Братченко</i>	Поэт Яков Полонский. Трудный путь к признанию	12
Судьбы		
<i>Светлана Марлинская</i>	Сестра жены поэта	31
Фантастика		
<i>Владимир Марышев</i>	Последний день	42
Это интересно		
<i>Евгения Гордиенко</i>	Константин Мельников. Человек, архитектор и дом	52
Посмеемся вместе		
<i>Александр Пономарев</i>	Бездарь	62
История одной картины		
<i>Ирина Опимах</i>	Картины и люди, или Подвиг скромной искусствоведки	65
Замечательные современники		
<i>Наталья Покачалова</i>	Петр Федоров: «Я делаю свою работу и не хочу халтурить»	73
Не придуманное		
<i>Коба Гаглов</i>	Кодекс воина. «Бутуз»	83
	Востриков	85
	«Басмач»	86
	Мэлс и Виталик	89
Страничка психолога		
<i>Татьяна Чернякова</i>	Стрессы и депрессия	90
Наши современники		
<i>Дарья Парчинская</i>	Наталья Рослякова: «Работа с детьми — мое призвание»	94
Житейские истории		
<i>Вадим Климов</i>	Святой отец	100
Неизвестное об известном		
<i>Юрий Осипов</i>	Антуан де Сент-Экзюпери	107
Поэзия		
<i>Владимир Фремо</i>	Стихи	116
Исторический детектив		
<i>Наталья Рыжкова</i>	Расследования поручика Прошина	122
Кроссворд. Эрудит		
		188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Киноактер Петр Федоров.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

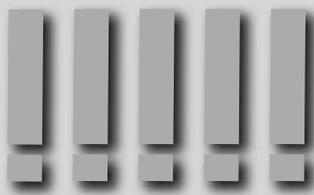
Зак. №

Цена свободная

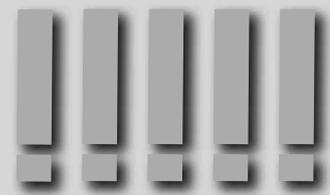
Номер подписан в печать: 18.11.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС

Дорогие читатели!

Ильф и Петров, Аркадий Аверченко, Михаил Зощенко, Джером-Джером, Михаил Жванецкий, Аркадий Арканов, Михаил Задорнов...

Список юмористов можно продолжать до бесконечности...

А вы умеете видеть смешное в любой ситуации, посмеяться над окружающим миром и над собой? Если да, этот конкурс именно для вас!

Мы живем в очень непростые времена, и чувство юмора помогает нам относиться ко многому добродушно-насмешливо и держаться, как говорится, «на плаву». К тому же, оно многое говорит о человеке.

Вот мы и решили на этот раз объявить для читателей новый конкурс:

«СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ, ИЛИ ПОСМЕЕМСЯ ВМЕСТЕ»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2026 года.

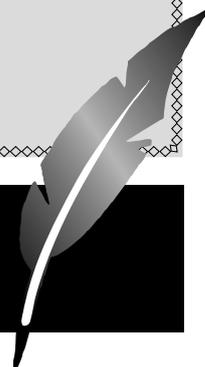
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы
в первом номере 2027 года, а победители получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Александр Ралот

В Сибирь — добровольно!

К двухсотлетию восстания
на Сенатской площади

Из указа императора Николая I:

«Жены ссыльных и каторжников, не желающих расторгать узы брака и отправляющиеся вслед за супругами в Сибирь, лишаются всех имущественных и наследственных прав. Для них устанавливается ограничение расходов на жизнь, вне зависимости от личного и семейного достатка. Они обязаны отчитываться

в своих расходах перед местными властями ежемесячно.

Также вводится запрет на возвращение в родные края. Жены лишаются надежды когда-либо вновь свидеться с оставленными ими детьми и родителями»...

...Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут...

Эти строки через два года после восстания на Сенатской площади Александр Сергеевич Пушкин посвятил своему другу еще по Царскосельскому лицу Пущину Ивану Ивановичу, который, как и его брат, был декабристом. Оба они по приговору суда отправились на каторгу, в ту самую «глубину сибирских руд». А письмо с этим стихотворением, соблюдая конспирацию, доставила им супруга Никиты Муравьева, графиня Александра Григорьевна.

1 июня 1826 года. Кабинет императора

Самодержец окунул остро заточенное перо в чернильницу, подписал объемистый документ, с минуту смотрел на него, взялся за серебряный колокольчик, чтобы вызвать дежурного офицера и передать ему бумагу, а перед этим внимательно перечитал указ еще раз.

Первое.

— Для отправки ссыльных создать «Особый комитет» по исполнению приговоров. Включить в него: начальника Главного штаба И. И. Дибича, начальника Третьего отделения и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, а также коменданта Нерчинских рудников С. Р. Лепарского.

Второе.

Осужденных отправлять партиями от двух до шести человек, в сопро-

вождении жандармов и фельдъегеря.

С целью скорейшего прибытия к месту исполнения наказания и сохранения секретности, обязательно везти их на телегах.

Третье. Места назначения.

Семьдесят человек — в Читинский острог, остальных на Зерентуйский рудник (Семьсот километров от Читы).

Четвертое.

Все осужденные должны впредь пребывать в кандалах «до высочайшего повеления». (А оно последовало лишь в апреле 1828 года!) По прибытии в определенные места содержать их исключительно в отдельных помещениях и под круглосуточной охраной, состоящей из местной воинской команды. Охранникам вменить в обязанности пристальное наблюдение за осужденными, дабы исключить возможность нежелательных контактов с преступниками или местными жителями!»

Шесть тысяч восемьсот верст узников везли исключительно по ночам, чтобы не привлекать внимание местных жителей. Добирались они по этапу до мест назначения больше двух месяцев. Император велел держать супостатов всех вместе, но выяснилось, что тюрьмы для нескольких десятков заключенных в этих забытых богом местах нет! Решили большую часть отправить в Читинский острог, а некоторым заменить каторгу на простое поселение.

В остроге тоже не знали, что делать с такой массой прибывших — не было у местных властей опыта с трудоустройством такого количества заключенных, поэтому отправляли декабристов кого куда: рыть канавы, добывать руду, что-то строить, валить лес, работать на мельнице и тому подобное. Лишь в тридцатом году при Петровском заводе построили тюрьму и там разместили всех каторжан.

Зимний дворец. Кабинет императора

Самодержец подошел к окну, отодвинул занавеску и посмотрел на снующих по площади верноподданных, затем повернулся к чиновникам, ждавшим царского указа, стоя возле дверей, и произнес:

— Запомните, господа! Я не собираюсь мстить родственникам заговорщиков, тем более их женам! Но я хочу, чтобы осужденные потеряли все! И не только материальные блага, но и супружеские узы! Надеюсь, вы меня поняли?

Из указа императора Николая I

«Жены государственных преступников отныне могут считать свой брак недействительным! В противном случае они лишаются всех дворянских привилегий и будут считаться обычными супругами мужей-каторжников». Далее. Отныне им запрещается вести прямую пере-

писку с родственниками, только через перлюстрацию местных надзирателей.

Также с получением денежных средств и иной материальной помощи. Оно будет дозволено исключительно с соизволения и через руки, местного начальника!

Десять женщин отказались от царской милости и предпочли остаться ближайшими родственниками «врагов народа».

Узнав об этом, царь несказанно удивился:

— Я понимаю причину революции во Франции, там сапожники и лавочники хотели в одночасье стать князьями. Но у нас, в России, княгини и баронессы добровольно отказываются от титулов и всех привилегий?! И ради чего? Чтобы остаться женами будущих лавочников и сапожников? Да еще и не факт, что после многолетнего пребывания на каторге они вообще будут в состоянии заниматься каким-либо ремеслом...

Одной из этих женщин была Екатерина Трубецкая, урожденная де Лаваль, которая послужила прототипом героини поэмы Некрасова «Русские женщины». Ее матушка вообще считалась самой богатой дамой империи. Родители распорядились судьбами семидесяти пяти тысяч(!) крепостных, имели собственные заводы на Урале, а ее отец, вдобавок ко всему, был статс-секретарем при императрице Екатерине Великой.

*Екатерина
Трубецкая*

Молодые Трубецкие буквально кичились своим состоянием, всячески выставляя его напоказ, но, тем не менее, Екатерина первая из жен осужденных выпросила у монарха разрешения отправиться к мужу.

Ехала очень долго. Только до Иркутска добиралась несколько месяцев. Тамшний губернатор приложил все силы, чтобы уговорить ее возвратиться, и велел своим подчиненным под разными предлогами задерживать ее в городе. Пять месяцев Трубецкая прожила в Иркутске, но ей все же удалось из него вырваться и ехать дальше, пока, наконец, она не добралась до места.

Трубецкой работал в тяжелейших условиях: на руднике, под землей. С утра до ночи возил тачки с породой.

Наконец, встретившись с ним, Екатерина упала в обморок, увидев перед собой исхудавшего, оборванного, заросшего и в кандалах бывшего блистательного князя и офицера...

Через несколько дней она спросила у мужа, указывая на проходившего мимо бродягу:

— Кто это?

— Иван Александрович Анненков, — буркнул супруг и покатил свою тяжелую тачку дальше.

Через некоторое время княгиня научилась стирать, топить печь, стряпать нехитрую еду и чинить изношенную донельзя одежду.

Позже им разрешили жить в бараке.

Еще один интересный факт: пока чета Трубецких жила в столице, у них

*Дом
Трубецких
в Иркутске*

не было детей. Екатерина даже ездила за границу к тамошним врачам-знаменитостям, но все без толку. А вот в здоровом климате Сибири они произвели на свет... аж семерых детей!

Через двадцать лет чете Трубецких разрешили наконец поселиться в Иркутске. Они построили там большой дом, который впоследствии стал центром культурной жизни города, а во времена Советского Союза местные власти открыли там «Музей декабристов».

Еще одной поистине героической женщиной, последовавшей за любимым, была Жанетта-Полина Гебль, родом из Лотарингии, модистка. Уже там, на каторге, она стала супругой Ивана Анненкова. В Россию она приехала, как сказали бы сегодня,

на заработки. Получила в столице приличную работу в модном магазине около Кузнецкого моста, и там однажды повстречала блестящего и весьма состоятельного кавалергарда. У его родителей было не одно, а несколько имений! А дедушка Анненкова был генерал-губернатором! Всю свою жизнь руководил пятью различными губерниями. Понятное дело, что вспыхнувшая между молодыми людьми любовь в глазах бомонда выглядела абсолютнейшим мезальянсом, однако очарованного красотой девушки офицера это несколько не смущало, и он предложил ей... тайно обвенчаться. Но Жанетта тогда благоразумно отказалась. Утверждала, что его батюшка изволит сильно прогневаться и обязательно проклянет их обоих... Ну а после того как «изменника

*Анненков
Иван Александрович*

*Жанетта-
Полина Гебль*

престола» отправили на каторгу, смелая француженка написала на высочайшее имя письмо, прося разрешить ей разделить судьбу с ее незаконным супругом. Она также писала, что добровольно отказывается от французского гражданства и готова до конца своих дней следовать всем российским законам как простая крестьянка.

Император, прочитав послание, чуть было не прослезился. Дал свое монаршее добро и, более того, узнав, что у модистки совсем нет никаких средств, велел выделить ей необходимую для столь длительного путешествия сумму.

Девушка к тому времени уже родила дочь, которую оставила на попечение свекрови и, не зная ни слова по-русски, отправилась на «край света», чтобы встретиться с люби-

мым. Долго добиралась до Читы, и уже там молодые обвенчались по русскому обычаю. (Причем осужденному сделали огромную поблажку: с него, на время, сняли ножные кандалы).

Через тридцать лет из Сибири вернется православная Прасковья Егоровна Анненкова. Она оставила после себя письменные воспоминания, которые легли в основу известного фильма. Ну а Александр Дюма, прочитав эти записки, написал свой роман «Учитель фехтования». Политики в нем никакой нет, а вот любви — предостаточно! Тем не менее, роман в Российской империи был запрещен вплоть до Октябрьской революции, и его смогли прочитать лишь в 1925 году, да и то с огромными купюрами. В Советском Союзе посчитали, что в тексте довольно

*Сергей
Волконский*

*Мария
Волконская*

много места отведено сочувствию кровавому царскому режиму. И лишь двадцать лет назад его, наконец-таки, переиздали в первоначальном виде.

Зимний дворец. Кабинет императора

— Ну что там у тебя? — буркнул самодержец, обращаясь к стоявшему по стойке «смирно» дежурному офицеру и не отрывая взгляда от очередного документа.

— Осмелюсь доложить, Ваше Высочество — прошение от дамы. Желает отправиться в Сибирь, вслед за мужем.

— Еще одна сумасшедшая? Кто такая? Какого сословия? — все так же не поднимая головы, поинтересовался государь.

— Мария Волконская, урожденная Раевская, дочь прославленного героя войны с Наполеоном, двадцати одного года от роду, супруга осужденного князя Сергея Волконского...

(к слову сказать, именно он послужил прототипом Андрея Болконского в знаменитом романе Льва Толстого)

— Дети есть? Сколько?

— Вышла замуж незадолго до восстания, затем уехала в имение мужа, где и благополучно разродилась, произведя на свет ребеночка женского полу, — скороговоркой выпалил офицер. — Свекор и свекровь известие об аресте мужа тщательно скрывали до нынешних дней, а как прознала, сразу же изволила написать это прошение на ваше высочайшее имя.

Пишет, что она венчанная жена и обязана разделить с суженым все тяготы...

— Довольно! — бесцеремонно оборвал его самодержец. — Повелеваю не препятствовать. Пусть подписывает бумаги и отправляется. Ребенка с собой не брать ни в коем случае! Пусть воспитывают бабка с дедом! И чтобы назад оттуда — и не думала! Только в один конец! До окончания дней своих! Таких молоденьких дур учить надобно, и наглядно! Чтобы другим не повадно было!

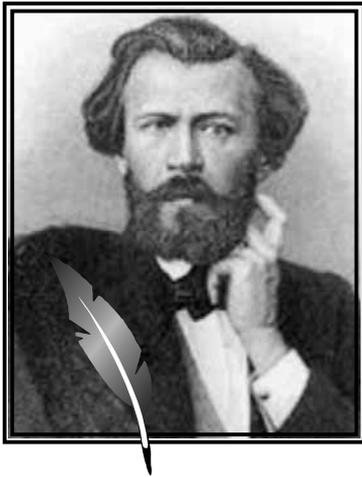
В Сибири Мария Волконская даст жизнь еще двум своим детям —

мальчику и девочке. Несмотря на суровые условия, дети выживут. И ее сын (рожденный на Петровских рудниках) будет дружен с Некрасовым, которому расскажет о страданиях матери. После чего поэт и издаст свою знаменитую поэму «Русские женщины».

После указа об амнистии назад вернулись пятеро (вместе с мужьями): Фонвизина, Нарышкина, Розен, Аннекова и, конечно, Волконская. Трое возвратились уже вдовами. А княгиня Трубецкая уезжать не пожелала. Так и жила, до самой смерти в этой «страшной» Сибири. □

*Памятник
Трубецким*

Владимир
Братченко

Поэт Яков Полонский

Трудный путь к признанию

Жизненный и творческий пути поэта Якова Петровича Полонского сложились непросто. Его судьба, если быть предельно кратким, вполне описывается русской пословицей «Терпенье и труд все перетрут». Этот великий труженик был благородным, честным, доверчивым и душевным человеком, заслуженное признание и почет к которому пришли лишь в конце его долгой жизни. Наряду с Аполлоном Григорьевым и Афанасием Фетом, он был поэтом пушкинского направления. Литературное наследие Полонского велико: несколько сборников стихотворений, многочисленные поэмы, романы и рассказы. На стихотворения Полонского создано сто двадцать восемь музыкальных произведений, над которыми трудились шестьдесят семь композиторов. В их числе Чайковский, Даргомыжский, Кюи, Рахманинов, Танеев, Иванов, Гречанинов. А сам Полонский был одним из создателей русского цыганского романса. Его «Песня цыганки», более известная как «Мой костер в тумане светит...», стала поистине народной.

Яков Петрович Полонский родился 7 декабря 1819 года в Рязани в небогатой дворянской семье. Его мать, Наталья Яковлевна, образованная женщина, родом из знатной семьи, много читала, записывала в тетради стихи, песни и романсы и привила сыну любовь к поэзии. Но когда мальчику было десять лет, она умерла. Отец находился в постоянных командировках, и воспитывать детей стали бабушка и тетка.

В гимназии Яша учился неважно. Зато учителя и сверстники безого-

ворочно признавали его настоящим поэтом. В 1837 году гимназию посетил цесаревич Александр. Яше поручили написать приветственное стихотворение, и с этой задачей он прекрасно справился. Поэт Василий Андреевич Жуковский, сопровождавший наследника, похвалил юного поэта и вручил ему золотые часы — подарок от будущего императора России. Это незабываемое событие Полонский считал началом своей литературной деятельности. Завершив в 1838 году учебу в гим-

назии, он на телеге, запряженной парой лошадей, с тетрадкой своих стихов отправился в Москву поступать в университет. Денег на снятие комнаты у него не было, он с трудом разыскал дом своей бабушки, которая его приютила.

Вступительные экзамены юноше дались нелегко, но в университет его все же приняли, но не на философский факультет, куда он стремился, а на юридический. В первые же дни учебы он познакомился с Аполлоном Григорьевым. В доме его родителей снимал комнату его товарищ, тоже студент, Афанасий Фет. Все трое безумно увлекались поэзией, писали стихи, читали их друг другу, засиживаясь до поздней ночи. Фет вспоминал: «Едва ли я был один из первых, почуявших оригинальный талант Полонского. Я любил встречать его у нас наверху еще до прихода многочисленных и задорных спорщиков, так как надеялся услышать новое его стихотворение, которое читать в шумном сборище он не любил».

Яков не окончил еще и первого курса, как умерла бабушка. Летние каникулы он провел в Рязани, а когда вернулся, стал искать новое жилье. «И где, где я тогда в Москве только не жила! — вспоминал он. — Раз, помню, нанял какую-то каморку<...> на Дмитровке и чуть было не умер от угара... Жил у француза Гуэ, фабриковавшего русское шампанское, на Кузнецком мосту; жил на Тверской в меблированной ком-

нате у какой-то немки... Выручали меня грошовые уроки не дороже 50 копеек за урок».

Но бытовые невзгоды не слишком его беспокоили. Он продолжал сочинять стихи и решил получить поддержку и признание своего таланта у какого-нибудь авторитетного литератора. Выбор пал на Виссариона Белинского, который в это время жил в Москве и сотрудничал с журналом «Москвитянин». Ему на суд и послал Яков свои стихи. А вскоре, благодаря тому же Белинскому, который теперь работал в журнале «Отечественные записки», на страницах этого журнала, в сентябре 1840 года, впервые появилось стихотворение Полонского «Священный благовест торжественно звучит...»

Занятия в университете очень мешали творчеству поэта, тем более что юриспруденция его не слишком сильно интересовала. Провалив экзамен по римскому праву, Яков остался на третьем курсе на второй год, что привело к непредусмотренным расходам. Но мир, как известно, не без добрых людей. В университете он подружился с Николаем Орловым, сыном декабриста, генерала Михаила Федоровича Орлова. В этом доме он стал своим человеком, мог приходить в любое время и даже ночевать на поставленном для него диване. Здесь он познакомился с Иваном Сергеевичем Тургеневым, с которым всю жизнь они были добрыми друзьями. Генерал с сочувствием отнесся к подающему надежды поэту

и рекомендовал его князю Василию Мещерскому в качестве учителя грамматики для его сыновей. Князь дал согласие и назначил Якову жалование в пятьдесят рублей в месяц. Для бедного студента это было целое состояние. Но вскоре жить у Мещерских ему стало невмоготу. Он писал своему другу Николу Орлову, который на год раньше окончил учебу и уехал служить в полк на юг России: «Откровенно скажу: дорого бы дал, чтобы не жить у них. Мне здесь душно, как в тюрьме ...» Пришлось искать новое место жительства.

В 1843 году Полонский перешел на последний, четвертый курс. «Я еще в университете, — писал он Орлову: — Хожу по утрам на лекции в чужом короткорукавном сертучишке и в изорванной фуражке, как точно вырвавшийся из кабака. Забулдыгой этаким пробираюсь в университете сквозь толпу незнакомых мне студентов-товарищей, никому не подаю руки, никому не кланяюсь, забиваюсь на заднюю скамейку, высиживаю положенные часы и отправляюсь домой».

В мае 1844 года начались выпускные экзамены. Яков успешно сдал их, в том числе опостылевшее римское право. А когда сдал последний экзамен, вышел в свет его первый сборник стихов под названием «Гаммы». В сборнике было тридцать два стихотворения, такие дивные, как «Зимний путь», «Дорога», «Пришли и стали тени ночи...» Журнал «Отечественные записки» написал одобрительный отзыв о сборнике.

Получив диплом, Полонский стал размышлять о своей дальнейшей судьбе и решил отправиться в Одессу. С рекомендательным письмом он поспешил к И.Ф. Золотареву, служившему в канцелярии генерал-губернатора. Иван Федорович приветливо встретил Якова Петровича и подыскал для него семью, куда он нанялся домашним учителем. Кроме того, он получил неплохую должность в одесском таможенном ведомстве. Жалование было скромное, но вместе с доходами от репетиторства обеспечивало поэту вполне благополучное существование, тем более что жизнь в Одессе была значительно дешевле, чем в Москве. Однажды, прогуливаясь по Приморскому бульвару, Полонский встретил Александра Бакунина, однокашника по университету. Жил Александр один и предложил Якову поселиться у него. Вскоре у поэта появились друзья и почитатели его таланта. На замечательной Дерибасовской улице жил не менее замечательный одессит, младший брат великого Александра Сергеевича Пушкина Лев Сергеевич, очень похожий на своего брата. Ему было лет под сорок, но, несмотря на разность в возрасте, они стали друзьями. Новые друзья помогли поэту издать написанный им в Одессе сборник «Стихотворения 1845 года». Один экземпляр книжки был направлен редактору журнала «Современник» Плетневу с сопроводительным письмом Льва Сергеевича: «В Полонском я вижу талант. Обрати внимание

на этого молодого человека». «Современник» дал стихам положительный отзыв, а вот Белинский в «Отечественных записках» опять был суров: «Стихотворения 1845 года уже хуже стихотворений, изданных в 1844 году. Это плохой признак». Нелицеприятный отзыв мэтра, признавался Полонский, пошел ему на пользу.

Летом 1845 года в Одессе ходили слухи о назначении генерал-губернатора М.С. Воронцова наместником на Кавказе, и Полонский писал Орлову: «Вся Одесса в волнении, и я вряд ли останусь здесь. Хочется быть на Кавказе».хлопотать за него взялся Золотарев, который был назначен помощником директора канцелярии наместника. В августе, уже из Тифлиса, он сообщал, что «назначены новые штаты здешней типографии и при ней редакции журнала.<...> Вероятно, к декабрю дело наше прояснится, и тогда — милости к нам просим. Вы получите формальный вызов, прогоны и подорожную, как у нас водится». Однако лишь в конце весны следующего года Полонский получил подтверждение, что Золотарев добился для него места помощника редактора газеты «Закавказский вестник» и 6 июня 1846 года на пароходе «Дарго» покинул Одессу. Путешествие из Одессы в Тифлис затянулось на двадцать суток. Двое суток он плыл до Керчи, где, после трех суток ожидания, на военном судне четверо суток плыл до города-крепости Редут-Кале. Да-

лее, вместе с другими попутчиками, четверо суток плыли в нанятой лодке вверх по течению реки Риони. «Ночевали в имеретинских хатах, сам в медном чайнике варил себе чай — пополам с тиной. Раз ночевал в лодке».

В жаркий полдень 25 июня Полонский прибыл в Тифлис и остановился в квартире Золотарева, который, получив известие о смерти отца, уехал в Москву. Планы Полонского преобразовать журнал «Закавказский вестник» были отвергнуты начальством, но в газете «Кавказ» предложили вести отдел фельетонов и, совершенно неожиданно, заняться статистикой города Тифлиса, а потом и всего Тифлисского уезда.

Поначалу близких друзей у Полонского не было. Он писал Бакунину: «Мои товарищи по службе почти все свободное от службы время просиживают за картами. Я не играю. Разговоров почти никаких, кроме городских пересудов, полученных чинов и орденов. Я слышу оригиналом».

Но его неожиданно отправили в отдаленный район у турецкой границы, назначив управляющим соляными рудниками. К первому сентября надо было готовить статистику по Тифлису для «Кавказского календаря на 1847 год». А это было, пожалуй, похуже, чем изучать римское право. Золотарев из Москвы все не возвращался...

Весной 1847 года Полонский получил предписание объехать весь

*С первой женой
Еленой
Устюжской*

Тифлисский уезд с целью «собрания статистических фактов». О перипетиях своего путешествия он писал Бакунину. «Верхом я уже объездил верст 300, <...> посещал каждую деревню. Едва не потонул в реке Иоре, ночевал в пещерах, голодал в Караязской степи, ел с пастухами печеные на углях какие-то грибы».

Затем последовали полные незабываемых впечатлений поездки — сначала на юг, потом в северную, гористую, часть уезда. Ему приходилось ночевать в татарской кочевой юрте, слушая песни ашуга под аккомпанемент чунгури, ночевать у духоборов в их чистых, выбеленных мазанках, и везде он делал многочисленные зарисовки предметов крестьянского быта, одежды, орудий для сельского хозяйства. Со-

бранной статистикой Полонский был недоволен. Участковые начальники откровенно говорили ему, что «цифры в предъявляемых ими отчетах писаны просто наобум — как вздумается». Яков писал друзьям: «Смех и горе! <...> Даже сам князь Воронцов не знает, сколько здесь жителей».

Пока он отсутствовал, в Тифлисе свирепствовала холера, и его друг Лада-Заблоцкий умер.

Наконец вернулся из Москвы Золотарев. Полонский перебрался в другую квартиру, но их рабочие кабинеты находились рядом, и Николай Федорович заметил, что Яков Петрович под разными предлогами частенько исчезает из канцелярии. И однажды поэт нашел у себя на столе записку: «О, Яков, Яков, безалаберный, беспутный,

рассеянный поэт, фельетонщик, рисовальщик. <...>Ты меня не надуешь... Ты или влюблен без памяти, или...» Николай Федорович оказался прав. Гуляя по парку, Полонский познакомился с молодой красавицей-армянкой. Звали ее Софья, она была замужем, но пьяница-муж где-то пропал. Полонский считал ее самой красивой женщиной Тифлиса, и на какое-то время она обворожила поэта. Но вскоре он понял, что Софья не принесет ему счастья. Он написал ей: «Дай бог тебе еще лучшего друга, который бы все переносил от тебя с терпением, к чему я не способен, и давал бы тебе больше денег, чего я не в силах. Но все-таки посвятил ей стихотворение: «Не жди меня, не жди!/Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою/Часы, когда душе простора нет в груди...». <...>

Величественные красоты Кавказа произвели неизгладимое впечатление на поэта. Он полюбил этот край, полюбил и Тифлис с его живописными тенистыми садами, шумными базарами, живописными набережными вдоль реки Риони, любил поехать в недорогом духане и даже посещал знаменитые серные бани. Поэт пребывал в приподнятом творческом настрое, стихи, как из рога изобилия непрерывным потоком лились из-под его пера и печатались в «Закавказском вестнике» и в газете «Кавказ». Позднее двенадцать стихотворений, выбранные им самим, вошли в сборник «Сазандар». Названия

их говорят сами за себя: «Горная дорога в Грузии», «Грузинская ночь», «Грузинская песня», «Кахетинцу», «В Имеретии», «Над развалинами в Имеретии», «Тамара и певец ее Шота Руставели», «Старый сазандар» и другие. Сборник имел огромный успех у читателей. Прозаик Г.Л. Данилевский сообщил Полонскому: «В Москве я был в восторге за Вас! Вашему «Сазандарю» вся Москва до сих пор аплодирует... Ваш стих, по выражению молодой московской литературы, начинается там, где стих Пушкина поставил свою последнюю букву!..» Кавказские стихи принесли Полонскому всероссийскую известность.

Как-то в городской библиотеке он обнаружил мемуары французского путешественника Шардена, который посетил Кавказ более ста лет назад. Полонский вспоминал: «Читая мемуары, наткнулся на презабавительное описание имеретинского двора того времени и тогдашних интриг придворных, которые все почти вращались около единого центра — центром этим была красавица царица Дареджана, коварная, страстная и властолюбивая. Вся жизнь ее — ряд злодейств, обманов и приключений». Сюжет вдохновил поэта, и он принялся срочно писать драму «Дареджана, царица Имеретинская», имея в виду поставить ее на сцене строившегося в Тифлисе, по распоряжению князя Воронцова, нового театра. Полонский читал драму в доме Нины Александровны

Грибоедовой, вдовы знаменитого поэта, и в доме самого наместника. В апреле 1851 года состоялось открытие театра. Это был, вспоминает Полонский, «многолюдный, торжественный и блестящий бал.<...> Граф Сологуб прочел стихи мои по случаю открытия, <...>которые были встречены публикой с большим сочувствием.<...> Князь наместник, со свойственною ему улыбкою, пожимал мне руку, снисходительно за эти стихи поблагодарил меня».

Однако с постановкой драмы на сцене театра произошла непредвиденная заминка: всесильный наместник неожиданно объявил, что постановка возможна только после получения разрешения из Санкт-Петербурга. Полонский принял решение взять отпуск и ехать в столицу за разрешением, тем более что его давно звал отец приехать в Рязань и прислал ему деньги на дорогу. В конце мая Яков Петрович отправился в дальний путь. Прощаясь с Грузией, он написал: «Неприступный, горами заставленный,/Ты, Кавказ, наш воинственный край,/Ты, наш город Тифлис знойно-каменный,/Светлой Грузии Солнце, прощай!

Навестив в Рязани отца, Полонский отправился в Москву, где, первым делом, он встретился с Аполлоном Григорьевым, который работал в журнале «Москвитянин», и прочел ему «Дареджану». Затем поехал в Петербург и с рекомендательным письмом от князя Воронцова сразу направился к директору император-

ских театров Гедеонову. Директор принял Полонского холодно и посоветовал обратиться в Третье отделение, то есть, в царскую охранку. Там рукопись приняли и месяца через два сообщили Якову Петровичу, что «драма не может быть допущена на сцену по той простой причине, что в ней «действуют цари и царицы». А в заключение посоветовали написать что-нибудь другое, «а лучше ничего не писать». Стало ясно, что в Питере не «пробиться», и Полонский отправил рукопись Григорьеву с просьбой опубликовать в журнале «Москвитянин». Прошло еще пару месяцев тревожного ожидания, прежде чем Яков Петрович получил известие, что журнал опубликовал пьесу, и ему выплатили гонорар в размере 97 руб. 75 коп. Но успеха «Дареджана» не имела. «Современник» дал краткий отзыв: «Г-н Полонский человек, несомненно, даровитый, он пишет очень хорошие стихи,/<...> но это еще не значит, что г-н Полонский может создать драму». К этому времени Полонскому перестали высылать жалованье, и надо было возвращаться в Тифлис. Однако «вернуться на Кавказ я не мог, — вспоминал Яков Петрович, — на дорогу не хватало денег, занять было не у кого — и я послал в Тифлис просьбу об отставке — признаюсь, не без невольного сожаления». За умеренную цену в пятнадцать рублей в месяц он снял комнату на гонорар, полученный за «Дареджану». Но надо было искать работу, и, наконец,

ему удалось устроиться в «Санкт-Петербургские ведомости», где он получил еженедельную рубрику «Петербургская летопись» и публиковал фельетоны на злобу дня, получая 50 рублей в месяц.

Неожиданно объявился его друг Игнатий Уманец и обратился к нему с необычной просьбой: съездить в Одессу, встретить там его невесту и отвезти ее в Елисаветград, где Уманский задумал обвенчаться с ней тайно от родителей. Полонский, добрая душа, согласился помочь другу. Взяв

и с другими рассказами, над которыми Полонский работал с большой тщательностью. Но цензор, с которым Яков Петрович был уже почти в приятельских отношениях, оставался неумолим. Аргументация была проста: «Нельзя, и все тут!»

Осенью 1853 года журнал «Отечественные записки» опубликовал стихотворение Полонского «Песнь цыганки», более известное как «Мой костер в тумане светит...». Стихотворение имело небывалый успех, которого не ожидал ни сам

Бытовые невзгоды не слишком беспокоили Якова. Он продолжал сочинять стихи и решил получить поддержку и признание своего таланта у какого-нибудь авторитетного литератора. Выбор пал на Виссариона Белинского. Ему на суд и послал Яков свои стихи. А вскоре благодаря тому же Белинскому на страницах «Отечественных записок» впервые появилось стихотворение Полонского «Священный благовест торжественно звучит...»

отпуск, отправился в Одессу, с трудом разыскал невесту, выполнил «задание», а вернувшись в Петербург, обнаружил, что на его месте уже работает другой фельетонист. Поэт не сильно огорчился, это был не его жанр: «Мне не дал Бог бича сатиры... /И для немногих я поэт». Зато порадовал некрасовский «Современник», опубликовавший его рассказ «Тифлиссские сакли». Правда, из него, возмущался Золотарев, «цензура сделала настоящий тришкин кафтан, обрезала, окорнала, изуродовала». То же самое случилось

поэт, ни редакция журнала. «Помню, в каком восторге я был, услышав в первый раз «Мой костер в тумане светит», — признавался Афанасий Фет. В таком же восторге, много лет спустя, был и наш замечательный поэт Евгений Евтушенко: «Самое феноменальное стихотворение Полонского «Мой костер в тумане светит...» Здесь все, до строчки, до запятой, — гениально. Ни у одной цыганской песни нет таких дивных слов, как эти... Да разве есть хоть один русский, у кого эта песня не течет в жилах». Это незамыслова-

тое, душевное стихотворение было настолько, что называется, певучим, что многие композиторы положили его на музыку. Появившиеся позднее в Москве, Нью-Йорке, Варшаве, Риге граммофонные компании записывали «Песнь цыганки» в исполнении великих оперных и эстрадных артистов. Но настоящую популярность песня обрела, когда ее исполнил советский опальный певец Вадим Козин. Грампластинка с его записью разошлась по городам и весям нашей необъятной страны, и песня, потеряв связь с ее создателями, стала народной. Автор музыки, как считают музыковеды, был Яков Федорович Пригожий, руководивший многими русскими и цыганскими хоровыми коллективами. Похожую судьбу имело и стихотворение «Затворница»: «В одной знакомой улице/Я помню старый дом,/С высокой, темной лестницей,/С завешенным окном». А еще один из шедевров русской лирики, стихотворение Полонского «Колокольчик», появился в седьмом номере журнала «Современник» за 1854 год. Сам поэт считал это стихотворение своим любимым: «У меня ли не жизнь!... чуть заря на стекле/Начинает лучами с морозом играть,/Самовар мой кипит на дубовом столе,/И трещит моя печь, озаряя в угле,/За цветной занавеской кровать.../»

1855 год ознаменовался для Полонского большой творческой удачей: впервые в Петербурге вышел сборник его стихов «Я.П. Полонский.

Стихотворения». Сборник получил всеобщее одобрение. «Отечественные записки» написали: «Содержание его стихотворений взято из окружающего нас обыденного мира. Но г-н Полонский придает новый колорит предметам, освещает их новым светом, смотрит на них иначе, нежели смотрели другие». Николай Алексеевич Некрасов, с которым у Полонского были сложные отношения, отметил, что «произведения г. Полонского, кроме достоинства литературного, постоянно запечатлены колоритом симпатичной и благородной личности».

Яков Петрович был частым гостем в доме у известного петербургского архитектора Штакеншнейдера. По вечерам за чайным столом здесь собирались известные писатели и поэты. Дочь хозяина дома, Елена, особенно тепло отзывалась о Полонском: «Поэтов изображают с лирой в руках, но у Полонского в руках не лира, а золотая арфа. Он так чуток, так передает для простых смертных неуловимые звуки человеческого сердца или природы, что кажется чем-то нездешним, небывалым; он, кажется, в самом деле имеет дар слышать, как растет трава». А с хозяйкой дома, Марией Федоровной, у поэта сложились особые, доверительные отношения. Полонского приглашали и в другие высокопоставленные дома, но это требовало дополнительных расходов, а обеспечить себе достойную жизнь литературным трудом было невозможно. На него

обратил внимание петербургский губернатор Николай Михайлович Смирнов и предложил ему стать учителем своего девятилетнего сына Миши. Жалованье — полторы тысячи рублей в год! Полонский, конечно, согласился и переселился в дом Смирновых, где главенствовала супруга Смирнова Александра Осиповна. Полонский вспоминал: «Больная, нервная, озлобленная на мир, <...> беспрестанно звала меня читать ей жития святых».

Лето 1856 года Полонский с Мишей провели на даче. Здесь Яков Петрович увлекся соседкой по даче Терезой, и чуть было не увел ее прямо из-под венца. Прогуливаясь в парке, он часто встречал ее, а однажды подруга девушки сказала Якову Петровичу, что Тереза просит его написать для нее стихотворение, что на самом деле было плохой выдумкой. Не подозревая, что она выходит замуж и уже назначен день свадебного бала, Полонский исполнил «просьбу Терезы». «Для меня вы — светлый сон./ Встретить вас — и не встречаться,/ Видеть вас — и не видаться,/ Право, лучше пожелать/Снов подобных не видеть».

Тереза была в смятении. На свадебном балу Полонский пригласил ее на танец, и она, протягивая ему руку, сказала — все будет так, как вы желаете». Вернувшись с бала, Яков Петрович всю ночь провел в раздумьях и принял решение: «Роман мой кончен. Будь я богат, я, может быть, и протянул бы его. Кто знает, быть мо-

жет, я и накануне свадьбы увез бы ее...» К счастью, светского скандала удалось избежать.

Лето 1858 года семья Смирновых отдыхала в Баден-Бадене. В свободное от занятий с Мишей время Яков Петрович занимался рисованием. Особенно он любил делать зарисовки руин замка. Однажды на прогулке Полонский повстречал уже известного в то время писателя Льва Толстого, который приехал играть в знаменитом казино. Яков Петрович вспоминал: «Я не мог оторвать его от рулетки, я боялся, что он все проиграет, <...> но, слава богу, к вечеру отыгрался и сидел у меня до 2 часов полуночи».

Как и следовало ожидать, Александра Осиповна стала проявлять недовольство Полонским. Она пришла к убеждению, что лучшие воспитатели — это немцы. Неприятный процесс расставания взял на себя глава семейства. Он поднялся в комнату Якова Петровича и эдак по-приятельски заявил: «Какой вы учитель? Вы художник! Предлагаю вам отправиться в Женеву и там начать учиться живописи. А если у вас нет денег, я вам дам. Когда-нибудь отдадите...» От такого предложения Полонский отказаться не мог. Он поблагодарил Смирнова, и стороны мирно расстались, довольные каждый по-своему.

В Женеве Полонского принял в свою школу художник Дидэ. Здесь, с десяти утра до пяти вечера ежедневно, Яков Петрович постигал

тонкости классической живописи. Но вот однажды утром хозяйка квартиры принесла ему письмо от Майкова, который сообщал, что известный в Петербурге богач граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко решил издавать литературный журнал «Русское слово». «Я предложил ему тебя, — писал Майков. <...> Он был в восторге». В восторге был и Полонский.

Прожив в Женеве всего три месяца, и так и не выяснив, есть ли у него талант к живописи, Яков Петрович в декабре 1858 года отправился в Италию. К этому времени в Рим прибы-

отчаяние. О русской литературе он знает не больше гимназиста 4 класса». Из Рима всей компанией отправились в Неаполь. Здесь Полонский, чтобы испытать себя, поднялся на Везувий и, достигнув вершины, победоносно бросил в кратер свою визитку. Далее были веселые поездки в Сорренто, Ливорно и Флоренцию. В конце мая компания прибыла в Париж. В *Opéra de Paris* Полонский встретил Тургенева, а потом навестил его в отеле. Иван Сергеевич был болен, и у его кровати сидела Полина Виардо. Яков Петрович запомнил такой момент: Турге-

Величественные красоты Кавказа произвели неизгладимое впечатление на поэта. Он полюбил этот край, полюбил и Тифлис с его шумными базарами, живописными набережными вдоль реки Риони, посещал серные бани. Поэт пребывал в приподнятом творческом настрое, и стихи потоком лились из-под его пера.

ли и супруги Смирновы. Это было их свадебное путешествие, причем у графини уже третье. Супруги были молоды, графу было двадцать пять лет, а красавица жена — на два года старше. Их сопровождала целая свита: сын графини от первого брака, брат и сестра графини, две ее компаньонки, доктор, горничная и два лакея. Узнав графа Кушелева поближе, Полонский заколебался. Он писал Марии Федоровне: «Граф Кушелев по временам кажется мне так глуп, что внутренне прихожу в

нев «притянул меня к себе за руку и прошептал мне на ухо<...>: «Ничему не верь, что она говорит, — ведь это леди Макбет»».

Как-то раз Яков Петрович зашел в Кафедральный собор Александра Невского и там познакомился с оставшим русским офицером Шеншиным, который пригласил его к себе на чашку чая. Через пару дней Полонский явился по указанному адресу, и тут его ждал сюрприз: в гости к офицеру зашла девушка, которая сразу произвела на поэта

«невыразимо приятное впечатление». Звали ее Елена. Хозяин уговорил гостью что-нибудь спеть или сыграть на клавесинах. Наслаждаясь ее пением, Яков Петрович засиделся в доме Шеншина допоздна. Когда он шел в гостиницу, пение Елены продолжало радостно звучать у него в голове, и вдруг ему показалось, что «божий голос шепнул: «Вот та, которую ты искал всю свою жизнь, и кроме нее для тебя никого нет на свете»».

В середине июня граф Смирнов и компания выехали в Россию, прихватив с собой и Александра Дюма. А Полонский, под предлогом подлечить зубы, снял комнату и остался в Париже. Лена познакомила Якова Петровича со своими родителями. Ее отец, Василий Кузьмич Устюжский, женатый на француженке, был церковным старостой. Лена давала уроки музыки и помогала матери управляться с младшими сестрами и братьями. По-русски она не говорила, но понимала достаточно хорошо. Полонский почти ежедневно посещал дом Устюжских, и вскоре родители поняли, что поэт влюблен в их дочь, и она отвечает ему взаимностью. Но вновь, как и прежде, Якова Петровича стали одолевать страхи и сомнения: ведь Лене было восемнадцать лет, а ему — сорок. Однако на этот раз он проявил решительность и, получив благословение родителей Лены, Яков Петрович Полонский и Елена Васильевна Устюжская обвенчались в церкви, отпразд-

новали свадьбу и через пару недель отбыли в Россию. Граф Кушелев предлагал молодоженам поселиться в его доме, но Мария Федоровна решительно выступила против этого: «Вы остановитесь у нас на все время, которое сочтете нужным, чтоб избежать содома у Кушелевых».

Для нового журнала Полонскому необходимо было подобрать надеж-

Вторая жена — Жозефина Рюльман

ных помощников. Но это сделал сам хозяин. Он назначил трех редакторов: Полонского, Григорьева и некоего Моллера, который, как узнал Яков Петрович, уже собрал «целую мириаду мне совершенно неизвестных поэтов и литераторов, и всем уже выдано из графской конторы 2268 р. 20 к.» Каждый редактор мог

действовать самостоятельно, однако все держалось на авторитете Полонского. Он вел переговоры по закупке бумаги, договаривался с типографией и книжными магазинами, решал повседневные вопросы. Наконец, преодолев все неурядицы и разногласия, первый номер журнала «Русское слово» в январе 1859 года вышел в свет. Журналом заинтересовались серьезные авторы, сам Достоевский прислал рукопись «Дядюшкин сон».

Однако Кушелев был недоволен всеми тремя редакторами, и считал, что он сам может руководить журналом. В записке Полонскому он так и написал: «Вовсе не желаю играть роль купца-издателя ... умею быть и главным редактором». Правда, на это он не решился, но неожиданно, ни с кем не посоветовавшись, подключил к работе «пробивного» человека, к журнальной деятельности не имевшего никакого отношения. Узнав об этом, Полонский был возмущен и заявил Кушелеву: «Должен ли я искать другого места или оставаться при «Русском слове», с уверенностью, что ни жена, ни ребенок мой не умрут с голоду?» Разногласия удалось уладить, и в мартовском номере была опубликована сказочная поэма Полонского «Кузнечик-музыкант», в которой, в шутовском стиле, Яков Петрович описал положение поэта в высшем обществе. Весной 1860 года Елена Полонская родила сына, а буквально накануне родов случи-

лась большая беда: Полонский упал из экипажа и серьезно повредил ногу. Все лето он провел на даче у Шеншина. Его лечили всяческими методами, однако нога не заживала и сильно болела. Жена трогательно ухаживала за ним, помогала одеваться, обмывала и всячески старалась подбодрить. Врачи сделали ему две операции, но прошло более двух месяцев, прежде чем он начал ходить. Работать в журнале «Русское слово» Полонский отказался. Он писал Афанасию Фету: «Я хотел быть независимым редактором в выборе статей и сотрудников, или не быть ничем — и не мараить своего имени». Кушелев с сочувствием отнесся к затруднительному положению Якова Петровича и предложил платить ему 150 рублей в месяц до мая следующего года с условием, что тот будет печататься только в «Русском слове».

Отношения Полонского с Марией Федоровной неожиданно разладились: ее чрезмерная опека стала утомлять Якова Петровича, и дальше жить у Шеншиных он не захотел. Друзья помогли ему снять квартиру, и Яков Петрович был счастлив: «Наконец я не в чужом доме, а у себя, это чувство для меня почти совершенно новое» Но, как известно, беда не приходит одна, и семья Полонских пережила большое горе: тяжело заболел сын, и после трех суток страданий шестимесячный малыш скончался.

В марте 1860 года Яков Петрович

благодаря хлопотам Тургенева и Майкова получил место секретаря в Комитете иностранной цензуры с жалованием восемьдесят рублей в месяц. Не густо, но жить можно. Однако злодейка-судьба уготовила Полонскому еще одно, жестокое испытание: заразившись тифом, заболела жена. Болезнь развивалась стремительно. Полонский был в отчаянии: «Моя Елена<...>лежит без памяти, изредка бредит, зовет меня.<...> Она на пути к смерти». Врачи боролись за ее жизнь, но спасти не смогли. Долгое время поэт пребывал в тяжелой депрессии. Друзья, как могли, старались помочь ему пережить горе. Тургенев писал из Парижа: «Как часто и с каким сердечным участием я вспоминал о тебе, как глубоко сочувствовал жестокому горю, тебя поразившему. Надобно, однако, жить, пока дышишь; в особенности надо жить тому, которого так любят, как любят тебя все те, которые тебя знают».

Вскоре Комитет по цензуре переехал в здание университета, и Полонский получил там служебную квартиру. Жизненные беды не сделали Якова Петровича озлобленным, не привели в отчаяние, а творчество постепенно вернуло его к жизни. Он начал писать роман в стихах «Свежее предание». Журнал братьев Достоевских «Время» сообщал: «В следующей, июньской книге «Времени» мы печатаем одно из замечательнейших произведений нашей текущей литературы: первые три главы

из романа в стихах Я.П. Полонского «Свежее предание». Мы говорим об этом произведении как о событии в литературе». А в 1867 году в журнале Михаила Каткова «Русский вестник» была опубликована поэма «Братья», возможно, самое значительное произведение Полонского. С некоторых пор Полонский стал замечать, что «молодежь, в том числе мой сын, прямо заявляют мне, что поэзия их мало занимает, она отошла уже на последний план, или уступила место иным вопросам — политике и социологии». Действительно наступило время, когда умами читающей публики завладели великие писатели и мыслители Л.Толстой, Ф. Достоевский, И. Тургенев, И. Гончаров, А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов. Полонский тоже писал прозу. В 1859 году вышел его сборник «Рассказы», публиковались романы: «Признания Сергея Чалыгина», «Женитьба Атуева», «Дешевый город». Однако особого успеха они не имели. Были также работы мемуарного характера: «Мой дядя и кое-что из его рассказов», «Старина и мое детство», «Школьные годы (Начало грамотности и гимназия)», «Мои студенческие воспоминания», «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину».

По приглашению семьи Тютчевых летом 1863 года Полонский гостил в их имении в Орловской губернии, и в том же году в комитете открылась должность младшего цензора. Тютчев, который был председате-

лем комитета, предложил Полонскому занять это место. Яков Петрович колебался: натерпевшись столько неприятностей от цензоров, стать самому цензором?! Он решил посоветоваться с Некрасовым. Николай Алексеевич посмеялся над ним и назвал его Дон-Кихотом. «Вам дают место в 2500 рублей жалованья, — убеждал он Полонского, — а вы, бедный человек, будете отказываться?» Объясняя свое решение, Полонский вспоминал: «Наконец решил взять это неприятное для себя прозвище — ради своей свободы, которую дает оно. Как секретарь, я не могу ни на один день покинуть Петербург, цензор же совершенно волен».

Тринадцатого мая 1866 года, спустя шесть лет, как ушла из жизни Елена, на календаре у Полонского появилась коротенькая записка: «Был в первый раз у Конради. М-лле Рюльман». А тридцать первого мая была уже такая записка: «Для моего сердца готовится или новое горе, или новая радость...» Сердце Якова Петровича на этот раз покорила двадцатидвухлетняя Жозефина Антоновна Рюльман. Она была сирота и жила в доме известного философа и публициста профессора Петра Лавровича Лаврова, служа компаньонкой у жены Лаврова, а после ее смерти — у его матери. Девушка обладала какой-то особенной, холодной красотой, за что ее называли «Ледяной красавицей». Профессор был влюблен в Жозефи-

ну и пребывал в мучительных сомнениях, не решаясь сделать ей предложение. Пикантную ситуацию взялся разрешить упомянутый доктор Конради, который был частым гостем у Лавровых. Но Яков Петрович опередил профессора, написав ему: «В несколько строк я заключил все мое будущее — я никогда не женюсь, если она откажет». Доктор передал Жозефине его письмо, и та дала согласие. 17 июня они обвенчались в церкви. Все произошло так стремительно, что ни он, ни она не успели осознать, счастливы они, или нет. Елена Шеншина отмечала: «Первое время Жозефина была холодной и молчаливой как статуя. Потом обошлось, они сжились. Голубиная душа отогрела статую, и статуя ожила». Статуя ожила и подарила Полонскому сначала мальчика, затем девочку, а когда Якову Петровичу было уже пятьдесят шесть лет, — еще одного мальчика. С рождением детей семейный бюджет Полонских стал испытывать серьезное напряжение, и Яков Петрович был вынужден вновь пойти домашним учителем в семью железнодорожного магната Полякова, который предложил ему неслыханное жалование — пять тысяч рублей в год. Как бы оправдываясь, Полонский писал Тургеневу: «На этот новый шаг в моей жизни я смотрю как на выгодное для себя несчастье — как на такое несчастье, которому многие завидуют, и которого я стыжусь».

В семье Полякова Якова Петровича уважали и даже любили. Но совмещать учительство с работой в комитете оказалось затруднительно, да и нога не давала покоя, поэтому Яков Петрович все же расстался с Поляковым.

Доктора советовали поэту поехать на итальянский курорт Монсуммано подлечить там разболевшееся колено в сталактитовых пещерах. Помог Тургенев: «Позволь мне, в силу нашей старинной друж-

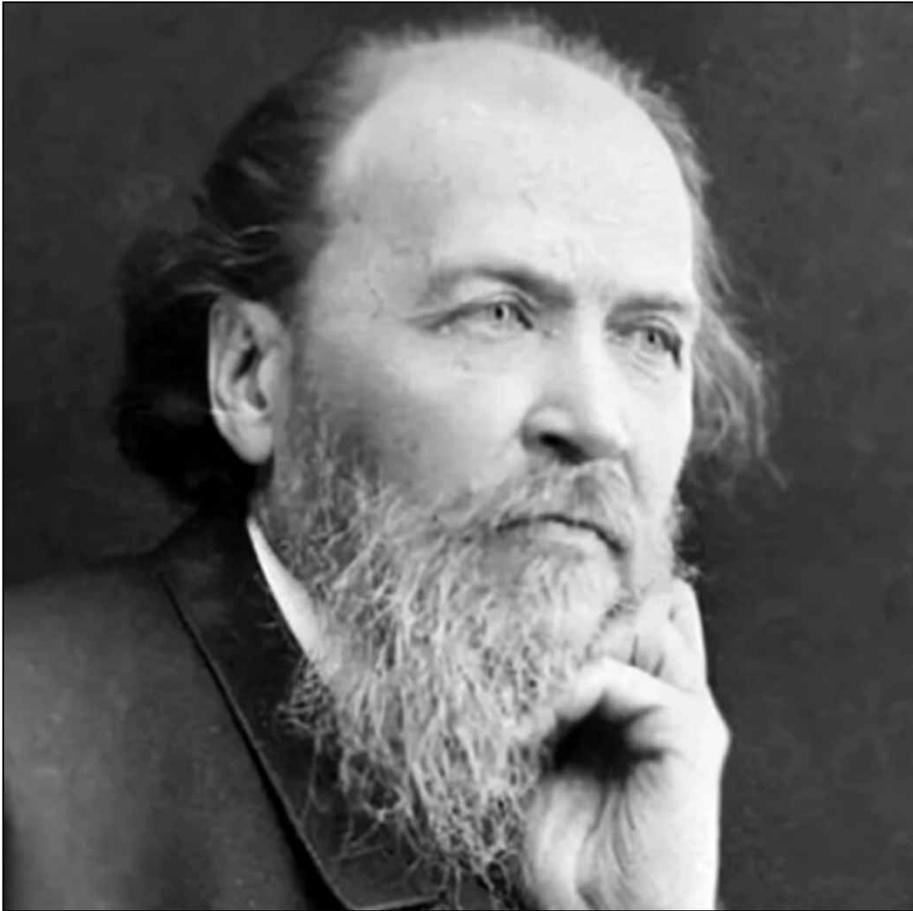
В 1882 году за сборник стихов «На закате» Яков Петрович получил престижную Пушкинскую премию Императорской академии наук, а в 1883 году совершенно неожиданно был награжден орденом Святого Владимира III степени. Друзья поэта «раскопали», что пятьдесят лет назад Полонский, будучи гимназистом, написал свое первое стихотворение, и задумали организовать пышный юбилей по этому поводу. Затея была явно не по душе Полон-

Осенью 1853 года журнал «Отечественные записки» опубликовал стихотворение Полонского «Песнь цыганки», более известной как «Мой костер в тумане светит». Стихотворение имело небывалый успех, которого не ни сам поэт, ни редакция журнала. А уже в наши дни поэт Евгений Евтушенко писал: «Самое феноменальное стихотворение Полонского «Мой костер в тумане светит. Здесь все, до строчки, до запятой — гениально. Ни у одной цыганской песни нет таких дивных слов, как эти...»

бы, предложить тебе на поездку 350 рублей серебром. Меня это не разорит, а, напротив, доставит великое удовольствие помочь больному приятелю».

Лечение дало положительный результат, а 4 апреля 1876 года Полонского произвели в чин действительного статского советника. Теперь его полагалось величать «ваше превосходительство». Яков Петрович иронизировал: «С бюрократических вершин, Бог весть за что, слетел ко мне тому назад ненужный чин».

скому. Он писал Майкову. «Я давно знаю, что вы готовите мне какое-то торжество по случаю моего полувекового союза с Музой. А что, если отказ мой покажется вам обидным, или вы примете его за симптом своего рода самолюбия? Без твоего дружеского совета я ни на что не решаюсь». Майков решительно отверг попытки поэта отказаться от юбилея. На торжество, которое состоялись десятого апреля 1887 года в зале Благородного собрания, прибыло более ста пятидесяти гостей.

Было много выступлений, адресов и телеграмм, но особенно приятным было послание от поэта Дмитрия Минаева: «Твоя задумчивая муза,/ Поэта нежная сестра,/ Не знала темного союза/ С врагами света и добра.<...> И не была у сильных мира/Ни приживалкой, ни рабой».

После юбилея Полонскому объявили, что его (и еще несколько таких же счастливых) желает видеть император. Увидев человека на костылях, Александр III сам направился к Полонскому со словами: «Позвольте узнать вашу фамилию». Полонский так растерялся, что забыл свою фамилию. Помог церемониймейстер: «Это известный поэт, Ваше величество, Яков Петрович Полонский».

«Не окажете ли честь мне и моему семейству позавтракать с нами?» — спросил император. «Нет, покорно благодарю, Ваше величество, — ответил поэт, — я только что позавтракал, а дважды обременять желудок не имею привычки». Александр III от такой неслыханной дерзости даже растерялся и молча удалился.

Летом 1881 года Полонский с семьей гостил в имении Тургенева Спасское-Лутовиново, куда приехал и Лев Николаевич Толстой. Полонский записал в своем дневнике такое высказывание Толстого: «Если я чему удивляюсь, то это тому, что в России нет еще революции. Девять десятых всего народа не знают, чем они будут кормить детей своих, —

что может быть ужаснее? Положение так натянуто, что достаточно одного лишь повода».

Однако Якову Петровичу было чуждо всякое насилие, он не имел никакого отношения к революционерам-террористам, но явно сочувствовал этим бунтарям. Узнав об аресте Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова, Полонский писал: «Что мне она — не жена, не любовница,/ И не родная мне дочь. /Так отчего же ее доля проклятая/ Ходит за мной день и ночь?» Якова Петровича называли «незлобивым поэтом», но когда он видел социальную несправедливость и жандармский произвол, он не мог оставаться «незлобивым» и недвусмысленно заявил о гражданской ответственности поэта: «Писатель, если только он/Есть нерв великого народа,/Не поражен,/ Когда поражена свобода».

Полонский побывал во многих странах Европы, объездил вдоль и поперек Кавказ, а в июне 1889 года, в сопровождении дочери, отправился в путешествие по Волге. На обратном пути они остановились в Саратове, где его навещил Николай Гаврилович Чернышевский.

Лето 1890 года Яков Петрович провел в усадьбе Афанасия Фета в Курской области. В альбоме для гостей он записал такой великолепный экспромт: «Полонский здесь не без привета/ Был встречен Фетом, и пока/ Старик гостил у старика,/ Поэт

благословил поэта./ И, поправляя каждый стих,/ Здесь молодые музы их/ Уютно провели все лето».

Увы, годы давали о себе знать: Полонский стал очень рассеянным. Среди друзей ходила шутка: «Вчера Яков Петрович, ложась спать, положил костыль в постель, а сам встал в угол и прислонился к стенке». Правда, теперь костыли были не нужны, по квартире он передвигался в кресле, а на улицу его выносили. Тем не менее творческая работа не прекращалась. Он писал Тургеневу: «Мне кажется, что тот год, в который я не напишу ни строчки, ни одного стиха не состряпаю, будет последним годом моей жизни».

В 1890 году вышел его последний сборник стихотворений «Вечерний звон», за который поэт во второй раз получил Пушкинскую премию Императорской академии наук. Он активно участвовал в редактировании десятилетнего издания своих сочинений, опубликовал свой новый роман «Проигранная молодость», до 1896 года продолжал работать в Комитете иностранной цензуры, а после увольнения занял руководящий пост в Совете главного управления по делам печати. В декабре 1886 года Яков Петрович был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Он признавался, что его главный недостаток — излишняя откровенность. И вот на склоне лет Яков Петрович взял на себя смелость вступить в полемику с Львом Николаевичем Толстым. Он возражал против

содержащегося в книге Толстого «Царство божие внутри нас» вывода, что «христианство в его истинном значении разрушает государство». Полонский считал, что такая постановка вопроса есть путь к анархии. Также он выступил против толстовской проповеди непротивления злу. При этом Яков Петрович трогательно заботился о том, чтобы своей критикой не обидеть Льва Николаевича: «Вы и Ваши идеи и Ваши поучения для меня не одно и то же ... Любя Вас и поклоняясь Вам как гениальному художнику, я не могу рядом с Вами идти даже в царство божие». Толстой ответил: «Хороший и добрый человек, как вы, никак не может за это разлюбить человека. Пожалуйста, дорогой Яков Петрович, простите и не нелюбите меня. Любящий вас, Л. Толстой.»

В течение многих лет в квартире супругов Полонских каждую пятницу собирались известные художники, писатели, поэты и музыканты. Эти встречи получили название «Пятницы». Приходили без всяких приглашений, кто раньше, кто позже, а расходились, как правило, поздно. В дружеской обстановке гости делились последними новостями, высказывались на любую тему. Полонский был у них, как в наши дни сказали бы, неформальным лидером. Под пыхтенье самовара Яков Петрович читал свои стихи. А в одну из таких пятниц в квартире появился приехавший из Москвы Антон Павлович Чехов. Он еще не был достаточно

известен в Питере, Яков Петрович его не узнал, а фамилию не расслышал. Когда Чехов подошел попрощаться, Полонский понял свою оплошность, принялся извиняться, но Антон Павлович его успокоил: «Я ведь не Наполеон Бонапарт, чтобы меня узнавали». Иногда появлялись совершенно неизвестные личности. Одного такого посетителя спросили, зачем он ездит к Полонскому. Тот ответил: «На душе скверно: для нравственной дезинфекции».

18 октября 1898 года Яков Петрович Полонский скончался, его «тромбонный» голос замолчал, но его стихи, песни и романсы продолжают звучать и поныне. Гроб с его телом доставили в Рязань и для прощания установили в церкви рязанской гимназии, а 25 октября перевезли в Львовский монастырь и там предали земле. В 1959 году прах Я. П. Полонского из Львова перенесли на территорию Рязанского кремля.

После смерти Полонского Жозефина Антоновна продолжила «Пятницы». Она уже была известным скульптором. В 1885 году на академической выставке за бюсты своего мужа и И.С. Тургенева она получила малую серебряную поощрительную медаль. Выполненная в бронзе, копия бюста Тургенева была установлена на его могиле. В 1888 году она стала почетным вольным участником Императорской академии художеств. Скончалась Жозефина Полонская в 1920 году в возрасте 75 лет. □

Светлана Марлинская

Сестра жены поэта

Если бы младшая сестра Наталья Гончарова не вышла замуж за «солнце русской поэзии», вряд ли кого-нибудь заинтересовала бы судьба обычной уездной барышни, красивой, но не слишком родовитой и богатой, едва не оставшейся старой девой. Никого не заинтересовала бы и баронесса фон Фризенгоф, которой она стала после довольно позднего замужества. Но она была свояченицей самого Пушкина и поэтому получила свою долю внимания пушкинистов и свой персональный ушат грязи, на который не поскупились современники. Правда, высший свет был к ней достаточно снисходителен: Александра Николаевна была пожалована во фрейлины императрицы. Но и только.

А жизнь стремительно утекала сквозь пальцы; пусть старшая и младшая сестры были не слишком счастливы в браке, но они были замужем, имели детей. А к Александрин прочно пристало клеймо «сожительницы Пушкина», хотя одному Богу ведомо — почему. И второй, диаметрально противоположный ярлык ангела-хранителя домашнего очага Пушкиных, настоящей хозяйки дома, воспитательницы детей. Хотя на самом деле и чужой дом, и дети сестры интересовали ее весьма умеренно, если вообще интересовали. Просто незамужняя девушка в те времена должна была жить с кем-то из родственников.

Попробуем проследить подлинную судьбу одной из сестер Гончаровых, с которой так несправедливо обошлась людская память.

Средняя из дочерей Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых Александра, будущая баронесса Александрин, как и все дети Гончаровы (их было шестеро — три брата и три сестры), получила хоро-

шее, но вполне заурядное домашнее образование. Детство и юность провела в родовом поместье Полотняный Завод. Она была красавицей, точнее, была бы признана таковой, если бы все лавры не достались

младшей сестре. Темноволосая, темноглазая, с классически-правильными чертами лица, с тончайшей талией. Прекрасная музыкантша и великокопная наездница. Большая любительница чтения — в отличие, кстати, от обеих сестер. И — невероятно несчастная из-за того, что всю молодость провела сначала под гнетом деспотичной маменьки, а затем — в тени младшей сестры.

Детство и юность были также омрачены припадками безумия отца. Он получил тяжелую травму головы, упав с лошади, и навсегда впал в помешательство — обычно тихое, но порой по-настоящему опасное для окружающих. Он мог броситься на жену с ножом во время обеда, начало которого ничего такого не предвещало. Но были и редкие минуты просветления. Тогда Николай Афанасьевич, человек тонкий, умный, получивший образование за границей, играл на маленькой скрипке. Мать семейства, бывшая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, блестящая красавица и умница Наталья Ивановна Загряжская, пожалуй, больше других страдала из-за трагедии с мужем, круто изменившей всю жизнь семьи.

Гордая и своенравная, она взяла все управление большим имением, фабрикой и конным заводом на себя. Но это бесконтрольное самовластье сильно испортило ее характер. Детям она почти не уделяла внимания, будущее дочерей ее мало заботило, точнее, совсем не волновало. Она с огромной неохотой согласи-

лась на замужество младшей, Таши, как ее звали в семье.

А вот с Александриной вышло иначе. Серьезные ухаживания калужского соседа-помещика Александра Юрьевича Поливанова, человека серьезного и интересного, отставного подполковника, уездного предводителя дворянства, закончились ничем: матушка невзлюбила кандидата в зятя, помешала и ухаживанию, и сватовству, вбив себе в голову, что Поливанову нужно слишком большое приданое. Не помогло и заступничество Пушкина: только сильно испортило его и без того нелегкие отношения с тещей. Все это происходило в 1831 году — Александрине было 20 лет.

У нее начались приступы черной меланхолии, выражавшиеся в сильных мигренях, приступах плохого настроения и тихой подавленности. Когда приступ проходил, она становилась почти прежней: очень остроумной, веселой, метко язвила в отношении калужских знакомых, веселилась на уездных балах, посвящала долгие часы конным и пешим прогулкам, собирала гербарии, рисовала и... страдала от бессонницы и страха навеки остаться старой девой в провинциальной глуши.

Наверное, именно несостоявшееся замужество Александрины послужило основным мотивом для решения Натальи Николаевны взять обеих сестер к себе в Петербург, где, по ее мнению, им легче было найти подходящую партию вдали от деспотичной матери. Старшая, Екатерина, была

куда спокойнее, но и ей никто не спешил делать предложение руки и сердца. Так как ни особой красоты, ни большого приданого у нее не было, зато была странная, мягко говоря, родня.

Пушкин был не в восторге от решения жены, но возражал довольно вяло. Он сам достаточно натерпелся от непредсказуемого характера тещи и понимал, что с такой матерью у девушек практически нет шансов достойно устроить свою жизнь.

ный ущерб Александре Николаевне», — отмечали современники. «Они красивы, его невестки, — писала сестра поэта Ольга Павлицева о сестрах Гончаровых, — но они ничто в сравнении с Натали». Но всякое сравнение условно.

Сами же сестры не страдали от недостатка внимания со стороны окружающих.

«Ну, Нина, посмотрела бы ты на нас, так глазам не поверила, — писала Екатерина Николаевна гвер-

Сестры Гончаровы приехали в Петербург в конце 1834 года, полные самых радужных надежд. Поначалу все, казалось, складывалось удачно. Александра была внешне очень похожа на Натали, только той небольшое косоглазие придавало неповторимый шарм, а у Александрины оно совсем не украшало лицо. Люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что это предательское сходство служит в явный ущерб Александрине. При этом все же обе сестры не страдали от недостатка внимания со стороны окружающих

Сестры Гончаровы приехали в Петербург в конце 1834 года, полные самых радужных надежд. И первоначально все, казалось, складывалось в высшей степени благоприятно. Александра, или, как ее называли в семье, Александрина, была внешне очень похожа на Наталью, только той небольшое косоглазие придавало неповторимый шарм, а у нее оно совсем не украшало лицо. «Люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в яв-

нантке, — так мы теперь часто бываем в большом свете, так кружимся в вихре развлечений, что голова кругом идет, ни одного вечера дома не сидим. Однако мы еще очень благоразумны, никогда не позволяем себе больше трех балов в неделю, а обычно — два. ... Я несравненно больше люблю наше интимное общество у Вяземских и Карамзиных, так как если мы не на балу или в театре, мы отправляемся в один из этих домов и никогда не возвращаемся раньше часу...»

Из письма А.Н. Гончаровой брату Дмитрию:

«Графиня Строганова вывозит меня повсюду; я уже была на нескольких балах, в театре и прошу тебя верить, что я в высшей степени блистательна».

Из письма Натальи Николаевны подруге:

«Мадам Александра всю масленицу танцевала. Она произвела большое впечатление и прекрасна как день».

Наталья Николаевна умолчала о том, что сестер нужно было сопровождать при каждом выходе в свет. Графиня Строганова была редким исключением, в основном все заботы ложились на плечи младшей сестры, которая из-за этих выездов обрела незаслуженную репутацию большой любительницы светских развлечений.

Кроме того, были и материальные трудности. Сестры получали от брата по три тысячи рублей ежегодно: более чем достаточно для провинции, но явно мало для столичной жизни.

Поначалу предполагалось, что обе сестры станут фрейлинами. Пушкин летом 1834 года писал жене:

«...Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. <...> Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку (Е. И. Загряжскую) нельзя вам всем навалиться».

Тем не менее, Екатерина вскоре после переезда именно стараниями тетки получила фрейлинский шифр, но, вопреки обычаю, не переехала во дворец, а продолжала жить у младшей сестры. Так что на материальной стороне жизни высокое назначение старшей сестры никак не сказалось, скорее, наоборот, усугубило уже имевшиеся трудности: статусу надо было соответствовать.

Вот строки из очередного письма Александры Николаевны к брату:

«Несмотря на всю нашу экономию в расходах, дорогой братец, деньги у нас кончаются. У нас, правда, есть немного денег у Таши и я надеюсь, нам этого хватит до января, мы постараемся дотянуть до этого времени, но, пожалуйста, дорогой братец, не заставляй нас ждать денег долее первого числа. Ты не поверишь, как нам тяжело обращаться к тебе с этой просьбой, зная твои стесненные обстоятельства в делах, но доброта, которую ты всегда к нам проявлял, придает нам смелости тебе надоедать. Мы даже пришлем тебе отчет в наших расходах, чтобы ты сам увидел, что ничего лишнего мы себе не позволяем...»

В Петербурге Александра Николаевна познакомилась с братом А. О. Смирновой Аркадием Россетом и увлеклась им. В октябре 1836 года, в начале нового петербургского сезона, С. Карамзина писала:

«...возобновились наши вечера, на которых с первого дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончаро-

*Александра
Гончарова*

ва рядом с Александром, Александрина — с Аркадием».

Но и этому браку не суждено было состояться: Россет был беден, а трагические события в семье Пушкиных навсегда отбили у него охоту связывать свою жизнь с Александрин. Да и ходившие по Петербургу слухи о слишком близких отношениях между ней и Пушкиным не могли не оказать своего действия. Хотя молва, приписывавшая Наталье Николаевне несколько скандальных романов, и в случае с ее сестрой ничем конкретным не подтверждалась. Да, Александрина тепло относилась к своему прославленному зятю, причем это отношение началось задолго до переезда в Петербург. Еще до брака

младшей сестры она, как и все барышни того времени, вела литературные альбомы, выписывала в них понравившиеся стихотворения, цитаты из любимых книг. Альбомы эти сохранились. Больше всего в них стихотворений А.С. Пушкина, которые уездная барышня знала наизусть и безмерно ими восхищалась. Современники считали, что Александрин «была влюблена в него заочно». Нужно хорошо понимать эзопов язык девятнадцатого века, с его тонкими понятиями кокетства, «влюбленной дружбы», галантности и определенного кодекса поведения, чтобы не делать далеко идущих выводов. Но большинство пушкинистов впоследствии их сделало:

«влюбленная дружба» превратилась в скандальный адюльтер.

Доказательства? Крестик (или просто цепочка) Александрин, найденная в постели родственника. Есть сотни причин, по которым они могли там оказаться, но очень уж заманчиво было превратить просто близкие и хорошие отношения в любовную связь. Что и произошло, изрядно испортив репутацию девушки не только в настоящем, но и в будущем времени.

Параллельно возникла легенда о том, что свояченица, якобы, взяла на себя все заботы по ведению дома и хозяйства, а также воспитанию детей. В этой версии вообще нет ничего правдоподобного: Александрин была слишком занята светской жизнью, личными проблемами и периодическими приступами тяжелой меланхолии.

Александра писала брату Дмитрию в 1835 году:

«Одна моя Ласточка (лошадь) умна, за то и прошу ее беречь!.. Никакой свадьбы. Пусть она следует примеру своей хозяйки. А что? Пора, пора! А пора прошла, того и гляди — поседеешь... Знаешь ли ты — я не удивлюсь, если однажды потеряю рассудок. Не можешь себе представить, как я чувствую себя изменившейся, скисшей, невыносимого характера. Право, я извожу людей, которые меня окружают. Бывают дни, когда я не могу произнести ни одного слова и тогда я счастлива...»

Подобная тоска присуща, наверное, каждой женщине, ценящей уют

и теплоту домашнего очага, заботу близких, их внимание. Но время шло, а своего дома все не было. Зато была усиливавшаяся напряженность в доме Пушкиных в связи с появлением Дантеса и его скоропалительным браком с Екатериной Гончаровой, влюбленной в него до безумия.

Александрина, кстати, не попала под обаяние блестящего кавалера, пыталась вразумить старшую сестру и как-то поддержать младшую, тяжело переносившую разговаривавшийся вокруг ее имени скандал. Возможно, именно эти темы были основными в долгих — за полночь — беседах с Пушкиным, оказавшимися, увы, бесполезными.

Известно и письмо Александры Николаевны к брату Дмитрию, написанное буквально накануне дуэли, где она характеризует свои отношения с «дядей и племянником» (так она называла Геккерна и Дантеса) как очень холодные.

После роковой дуэли и отъезда Екатерины с мужем за границу отношения между сестрами прервались окончательно. Александрина осталась с младшей сестрой и даже уехала вместе с ней в Полотняный Завод, фактически поставив этим поступком крест на своей личной жизни. Почти тридцать лет — возраст по тем временам более чем зрелый — и уединенная жизнь в провинции... какие уж тут надежды на замужество?

Как и в юности, она много гуляла — пешком и верхом, часами музи-

цировала, а остальное время проводила с сестрой и ее детьми. Именно в это время она действительно стала для Натальи Николаевны опорой и поддержкой, а не девицей на выданье, которую нужно беспрестанно вывозить в свет. И вместе с ней соблюдала траур об ушедшем, причем не показной, а совершенно искренний.

Осенью 1838 года сестры с детьми вернулись в Петербург. И по протекции все той же своей тетки Е.И. Загряжской Александрина в январе 1839 года была пожалована во фрейлины императрицы и большую часть своего времени проводила при дворе, во всяком случае, первое время, очень для нее непростое: младшая сестра вновь собиралась замуж, чего Александрина не могла ни понять, ни принять.

Тем не менее, брак Натальи Николаевны с генералом П.П. Ланским состоялся. Общественное мнение молчаливо осудило его: предать память великого поэта, трагически погибшего на дуэли, и променять его на «обыкновенного генерала». Но этот брак оказался куда счастливее первого: Петр Ланской жену боготворил, к ее детям относился великолепно, а появление собственных детей окончательно скрепило этот союз.

Все бы хорошо, но... Но явное недовольство сестры изрядно отравляло жизнь Натальи Николаевны Ланской и мучило ее куда больше, чем полное отсутствие отношений со старшей сестрой, Екатериной, баронессой фон Геккерн.

Из воспоминаний Араповой, дочери Натальи Николаевны во втором браке:

«Привыкшая никогда не разлучаться с матерью, она мучила ее своей ревностью, за которой, может быть, таилось чувство зависти. Живя в доме зятя, она чуждалась его общества, обращалась с ним сухо и свысока и днями сидела у себя в комнате, требуя, чтоб мать не оставляла ее в одиночестве. Доходило до того, что мать никогда не решалась ни прогуляться, ни прокатиться вдвоем с мужем, чтобы не навлечь на себя сестрин гнев... Тетушка со своей стороны искренно любила мать, но как-то по-своему: эгоизм преобладал в ней».

Александра Николаевна прожила в доме сестры восемь лет, вплоть до своего замужества в 1852 году. Но ничто не изменилось в ее характере, возможно, даже неустроенность своей собственной судьбы еще больше ожесточила ее.

«Я в таком мрачном настроении, — писала она брату 10 апреля 1846 года, — в таком глубоком сплине, что я покидаю тебя, дорогой Дмитрий, чтобы не очень докучать тебе... Что касается меня, то я живу и прозябаю как всегда. Годы идут и старость с ними, это печально, но верно. Ничто не вечно под луною, и все иллюзии исчезают».

Характер «тетушки Ази» накладывал мрачную печать на весь дом, причем приступы меланхолии учащались. Но Наталья Николаевна прощала ей все из-за той преданно-

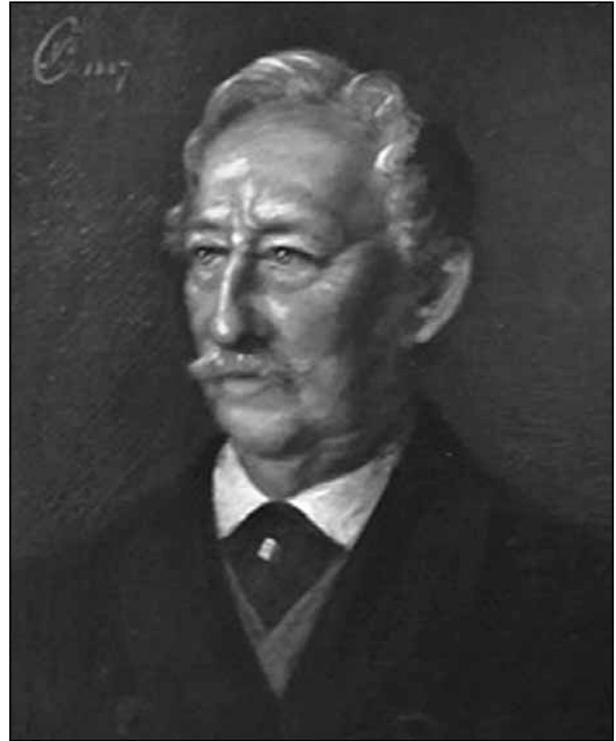

Александра Гончарова

сти и любви, с которой Александрина ухаживала за нею и ее детьми в самые тяжелые годы.

Как эта преданность совмещалась с откровенной неприязнью к новому мужу младшей сестры — непонятно. Казалось бы, Александра Николаевна могла только радоваться тому, что ее младшая сестра, вдова с четырьмя детьми, вышла вторично замуж за весьма достойного человека. Но, увы! Как и потомки впоследствии, Александрина считала поступок сестры предательством памяти великого человека.

Из-за постоянных — скрытых и открытых — стычек Александры Николаевны с генералом Ланским мир в семье сохранить было трудно, но Наталье Николаевне это удавалось. Она считала, что в случае замужества сестры все неровности ее ха-

Густав Фогель фон Фризенгоф

рактера сгладятся, а если брак вознаградится детьми — тем более. (Хотя с годами надежда на брак Александрина становилась все более эфемерной). Красавица и умница почему-то никак не могла добиться простого личного счастья. И все чаще сама разбивала зарождавшиеся отношения с «подходящими женихами»: ни один из них не был Пушкиным, то есть блистательным и признанным властителем дум.

Планка стояла слишком высоко, хотя вряд ли Александрина отдавала себе в этом отчет. Но быть невесткой великого поэта и стать — невесткой «простого генерала»... Разочарование в изменении собственного положения в свете оптимизма не добавляло.

Но судьба — большая мастерица на неожиданности.

Александрина была очень дружна с супругой австрийского дипломата барона Густава Фогель фон Фризенгофа, Натальей Ивановной Ивановой, которая до замужества была воспитанницей их тетки Софьи Ивановны де Местр. По некоторым предположениям, Наталья Ивановна была незаконнорожденной дочерью Александра Ивановича Загряжского. Если это действительно так, то она и Гончаровы были двоюродными сестрами. Когда Наталья Ивановна тяжело заболела, кузина Александрина терпеливо и преданно ухаживала за ней до самой смерти в 1850 году.

Внимательность и заботливость Александрины, ее несомненный ум и все еще сохранившаяся красота произвели впечатление на ставшего вдовцом Фризенгофа. И не просто впечатление — пожилой дипломат страстно влюбился в подругу своей покойной жены. Через год он сделал предложение сорокалетней Александрине и она его приняла. Опубликованные записки барона фон Фризенгофа к Александре Николаевне в бытность его женихом показывают, что чувство было серьезным и глубоким, хотя и он, и Александра Николаевна были уже не молоды, особенно по понятиям того времени...

Вот одна из таких записок:

«Правда ли, дорогая подруга моего сердца, что ты меня любишь как и раньше. Я был бы счастливейшим из мужчин, если бы был совершенно в этом уверен».

Подписи на записках тоже очень трогательны:

*«Мадемуазель Александрине Гончаровой, самой лучшей из невест»,
«Любимейшей из невест».*

Как тут не вспомнить бессмертные строки Тютчева: «О, как на склоне наших лет нежнее мы любим и суеверней...»

В 1852 году Александра Николаевна стала баронессой Фогель фон Фризенгоф и уехала с мужем за границу, в Австро-Венгрию. Больше в Россию она никогда не возвращалась, хотя поддерживала связь частыми письмами младшей сестре.

Времена меланхолии и нервных припадков остались позади: семейная жизнь баронессы Александрины была абсолютно счастливой. Она поселилась в замке мужа в Бродзянах, много времени и сил отдавала воспитанию пасынка — Грегора, который на всю жизнь сохранил к ней уважение и теплые чувства.

А в 1854 году у нее родилась дочь Наталья, названная в честь любимой младшей сестры и крещенная в Вене по православному обряду. Само по себе это было чудом: первый ребенок, благополучно появившийся на свет у матери далеко не первой молодости. Счастлив был и барон, души не чаявший в дочери, необыкновенно похожей на мать.

Со старшей сестрой, баронессой Д'Антес, и в дальнейшем с ее семьей фон Фризенгофы отношений не поддерживали. А вот с младшей, генеральшей Ланской, Александрина переписывалась до самой смерти той в 1863 году, и сохранила дружескую привязанность

ко всем ее детям, особенно к детям Пушкина.

В усадьбе Бродзяны, где летом жила Александра Николаевна, а позже в замке мужа ее дочери, герцога Ольденбургского — Эрлаа сохранился обширнейший архив с письмами и документами, но, как и архивы многих знатных семейств Европы, он закрыт для публичного доступа — письма и дневники считаются семейным достоянием.

Годы семейного счастья для Александры Николаевны были долгими, прочными и счастливыми. Она прожила с мужем 37 лет. Ей повезло в жизни, как это ни парадоксально, больше, чем другим сестрам Гончаровым. Намного больше, если не воспринимать брак Пушкина с прекрасной Натали как подарок судьбы, ибо это, скорее, было тяжким испытанием.

Александрина жалела только о том, что не удалось выучить дочь русскому языку, о том, что многое, ей дорогое и близкое, оставалось непостижимым и для Натали, и для двух ее детей, которых бабушка безумно баловала. Но они никогда не прочли непереводаемых подчас строк гениального поэта, не сумели почувствовать всего их очарования, не могли понять очевидного преклонения баронессы перед покойным зятем.

В ее обширной библиотеке сохранились книги на русском языке, в том числе сочинения А. С. Пушкина. Вспоминала ли она свою затянувшуюся петербургскую молодость, беря их в руки?.. Конечно, да... Со-

жалела ли о чем-то? Вряд ли. Петербург Пушкина, пушкинская эпоха все более отдалялись, становились чем-то зыбким, почти нереальным, особенно из-за границы.

Баронесса часто принимала участие в званых обедах и приемах, в музыкальных вечерах, устраиваемых герцогской четой. Любила представления домашнего театра. В пьесах часто играла небольшие роли.

Она успокоилась с годами, и это спокойствие было заслуженным и совсем не показным.

Воспоминаний Александра Николаевна не оставила. Перед смертью уничтожила большую часть личных бумаг, а позднее дочь по ее просьбе сожгла оставшееся. Единственный рассказ о петербургских событиях, исходящий от Александры Николаевны, известен по письму Густава фон Фризенгофа, написанному, вероятно, по ее поручению в 1887 году (в то время она была уже парализована). Письмо адресовано ее племяннице А. Араповой, собиравшей материал для своей книги о матери, и содержит рассказ о событиях, предшествовавших последней дуэли и смерти Пушкина.

Но племянница предпочла опираться на куда более «романтичные» воспоминания других очевидцев. А ее сообщение о том, что Пушкин «не допустил» Александру Николаевну попрощаться с ним перед смертью, опровергается воспоминаниями Данзаса:

«Пушкин пожелал видеть жену, детей и свояченицу свою Алексан-

дру Николаевну Гончарову, чтобы с ними проститься».

Почему-то в это верится больше. И уж совершенно не верится в высказанное той же Араповой предположение, что перед злосчастной дуэлью и Пушкин, и Дантес были влюблены в Александрину. Никаких доказательств этой влюбленности нет, кроме теплого отношения Пушкина к свояченице и несколько преувеличенной светской любезностью Дантеса, который вообще имел привычку почти автоматически вполочиться за каждой хорошенькой женщиной...

*«Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль у разъезда на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце».*

Парадокс заключался в том, что ему нравилось беседовать именно с умными женщинами (одна дружба с княгиней Голицыной чего стоит!), но в жены себе он выбрал, прежде всего, красавицу. Чтобы все завидовали? Возможно. Странно, что не подумал: будут не только завидовать, но и стараться отбить эту «драгоценность». А при его бешеной ревности... Случилось то, что случилось...

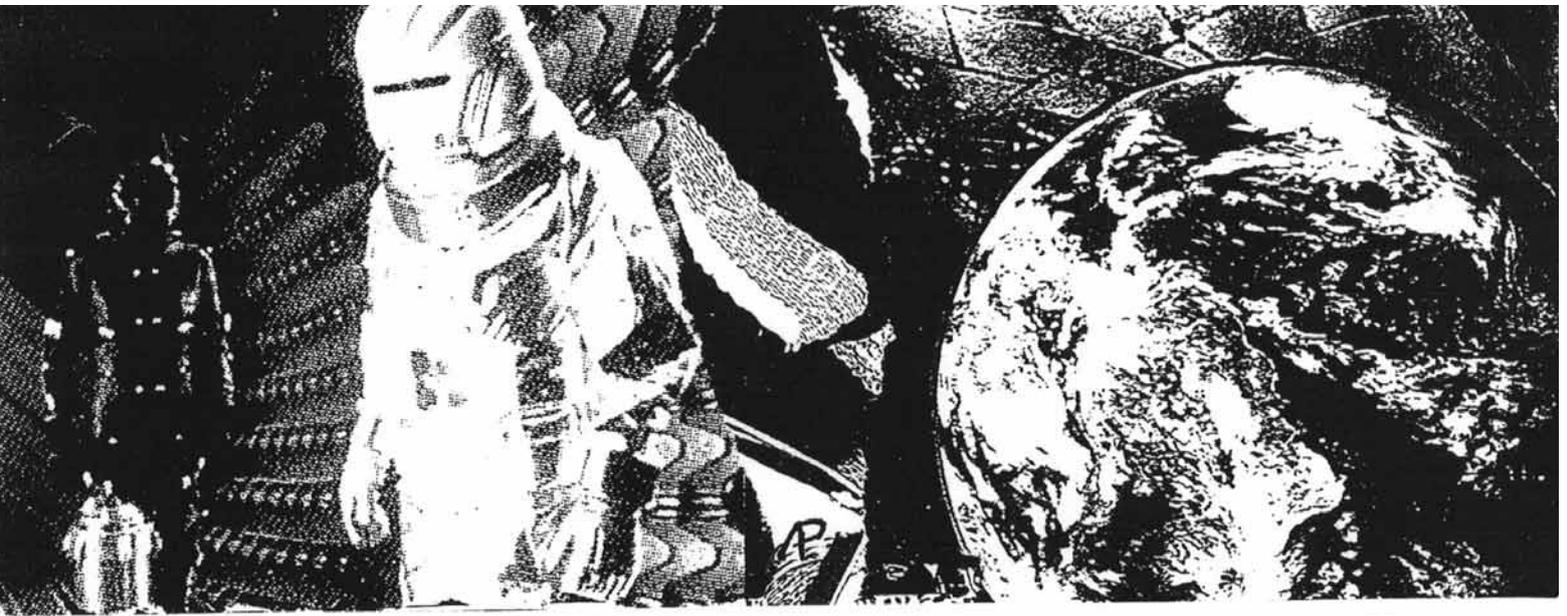
Александрина прожила в доме сестры восемь лет, вплоть до своего замужества в 1852 году. Характер тетушки «Ази» накладывал мрачную печать на весь дом, но Наталья Николаевна прощала сестре все из-за преданности и любви, с которыми Александрина ухаживала за нею и ее детьми в самые тяжелые годы

А теперь пофантазируем немного и представим себе, что за Пушкина вышла замуж не Натали, а Александрина. Почему бы и нет? Тоже красавица, хотя и не такая, как младшая сестра, умная, тонкая, рассудительная. Идеальная жена для Александра Сергеевича, разве нет? Увы, нет. Внутренние достоинства чаще всего скрыты, к тому же, в девятнадцатом веке ум у женщины считался скорее недостатком. Сам Пушкин полусерьезно в стихах откещивался от интеллектуалок:

Баронесса Александра Николаевна Фогель фон Фризенгоф, урожденная Гончарова, скончалась «80-ти лет от роду в последнем десятилетии прошлого века», как было написано в одной из газет, в рубрике светской хроники.

Долгая по тем временам жизнь и очень разнообразная. Но кому она была бы интересна, если бы не родство с Пушкиным?

Поправьте меня, если я ошибаюсь. □

Последний день

Не доходя до Присутствия, они разделились: Федул подался в сторону, приотстал, и Марьин сразу потерял его из виду — правда, спиной чувствовал, что он где-то неподалеку.

Присутствие подавляло. Нет, не размерами: по этой части оно даже уступало мэрии, которая простояла тут лет сорок, а потом ее, играючи, за сутки снесли пришельцы. Угнетающе действовала на психику форма инопланетной постройки. Здание напоминало варварски обтесанную серую глыбу — многочисленные грани переходили одна в другую без какой-либо системы, под безумными углами. Уродливая крыша топорщилась вздыбленными плоскостями. Но особенно раздражали ряды черных зеркальных окон. Казалось, за каждым стоит кошмарное чудовище и, невидимое снаружи, разглядывает спящих по улице рабов.

Ограда была рифленой и словно сделанной из тонированного стекла, отчего казалась хрупкой. Но проломить этот несерьезный с виду заборчик не смог бы и танк.

Рядом с будкой, где постоянно дежурила охрана, возвышались две панели, похожие на обращенные друг к другу огромные ладони. Марьин встал между ними, и раздалось еле слышное жужжание — пропускная система сняла индивидуальные характеристики его мозга, сверила с базой данных и разрешила вход.

До этого момента все шло заведенным порядком, установленным не людьми, но четким, ясным, гарантирующим безопасность и кусок хлеба. Сейчас

двое отчаянных собирались этот порядок взорвать. При мысли о том, что их ждет в случае провала, на дне сознания зашевелился страх. Подавляя его, Марьин прокрутил в голове события уходящего дня.

Утро началось обыденно. Позавтракав, Марьин достал из шкафа форму, брезгливо повертел в руках, затем стал надевать на себя. «Шакалья шкура, — подумал он, застегивая ремень. — Как меня еще не грохнули какие-нибудь неуправляемые мстители? Хотя... В свое время не успели, а теперь уже некому».

До приезда машины оставалось минут семь. Он стоял и смотрел на жену, пытаясь отделаться от мысли, что может ее никогда больше не увидеть. А жена не отрывала взгляд от телевизора. На экране красавчик-ведущий рассказывал о том, какие знукиане добрые, богатые, щедрые и отзывчивые.

«Вот погань, — подумал Марьин, — надо же так убежденно врать — будто сам в это верит. А ведь не зомбированный, как она, как почти все тут...»

Жене промыли мозги давно, и помешать этому было невозможно. Все равно, что идти против танка, держа в руке бутылку, но не с зажигательной смесью, а пустую. Самого Марьина тоже могли лишиться воли и сделать марионеткой, но он тщательно все рассчитал и выбрал другой путь. Путь шакала. А официально — Добровольного Помощника, или, сокращенно, дэпэшника. Дело в том, что по странному закону природы шакалить с промытыми мозгами оказалось нельзя. Тупо принимать власть пришельцев — да, полноценно прислуживать им — нет. Для эффективного холуйства требовалась та самая свобода воли...

Ведущий выдал еще пару напыщенных фраз, и на экране появились знукиане. Всего по плечо среднему человеку, щуплые, с желтоватым пухом на удлинённых головах, одетые в неизменные лиловые туники, они казались ходячими недоразумениями. Но эти «недоразумения» разгромили армии ведущих земных держав и сейчас планомерно добивали их остатки. Правда, не напрямую, а руками своих наемников гарфов — тоже гуманоидов, но огромных и массивных, ростом за два метра, а весом центнера в полтора.

Теперь о том, какие они славные ребята, рассказывали сами знукиане. По-русски, но сухо и монотонно — так и не научились окрашивать чуждую речь эмоциями. Марьин эту манеру не переносил. Зато жена слушала заворожено — ее искалеченный мозг не улавливал фальши.

Марьин скривился, как от зубной боли, и посмотрел в окно. Длинная, похожая на крокодила, знукианская машина подкатывала к подъезду. Вернее, подплывала, паря над землей — колес у нее не было.

«Крокодил» плавно опустился на асфальт. Марьин поцеловал жену, немного постоял рядом, вбирая в память каждую черточку, и с тяжелым сердцем вышел на улицу. Жена даже не обернулась...

В машине его уже ждали четверо дэпэшников. Кириллыч, старый знакомый Марьина, как всегда, расселся вальяжно и бодро топорщил колю-

чие усы. Остальные трое, совсем молодые, держались скованно, словно им жала форма.

Минут через двадцать управляемый автоматикой «Крокодил» пересек городскую черту и последовательно высадил сначала не улыбочивую молодежь, а затем — Марьина с Кириллычем. До самих плантаций им предстояло добраться своим ходом.

Кириллыч был болтуном, каких поискать. Вот и сейчас, заполучив собеседника, он с ходу атаковал его:

— С тобой, извини, со скуки сдохнуть можно. Молчит и молчит, только и слышно, как мысли в башке ворочаются. О чем хоть думаешь-то?

— Да так, — неопределенно ответил Марьин. — О разном.

— Тогда наводящий вопрос. Как тебе наша работенка? Только честно. Не бойся, не сдам, мне просто тебя понять хочется. Ну чего опять молчишь? Сказать нечего?

— Я лучше послушаю... умного человека.

— И то дело! — расплылся в улыбке Кириллыч. — Так вот, работа у нас нужная и правильная. Плантации — это так, второстепенное. Главное — помочь роду человеческому сойти со сцены. Потому что мир сошел с ума, и лечить его бесполезно. Можно только переселить больного в могилку, да побыстрее, чтобы не мучился. Жили бы душа в душу, по совести, так уже к звездам бы летали и других уму-разуму учили. А вместо этого одна возня и грызня, каждый свою правоту доказывает. Теперь на знукиан посмотри. Думаешь, они нас своим оружием прогнули? Да хрен там! Сплоченностью взяли. Мы себе идейки всякие придумываем, ругаемся из-за них, деремся, глотки друг другу режем. А у этих все задачи давно поставлены, только бери и выполняй. Хоть те же грибы возьми. Глобально к делу подошли, аж дух захватывает! Завтра захотят всю Галактику к рукам прибрать — и получится, будь уверен. А у нас — как в анекдоте: «Доктор сказал: «В морг, — значит, в морг». Ничего другого не заслужили.

«Тебя бы первого в могилку-то и переселить, — мрачно подумал Марьин. — И осиновый кол сверху не помешает». Но вслух сказал:

— Красиво излагаешь, заслушаться можно. Вот только... Ну ладно, всех в морг, а сам куда денешься? О себе подумал?

— А то! — Кириллыч самодовольно потрогал усы. — О себе — в первую очередь. Я для хозяев человек полезный и жить собираюсь долго, причем на всю катушку. А что здесь будет после меня, останется ли кто-нибудь из нашего брата — с того света все равно не увидишь. Верно, молчун? Еще вопросы есть?

— Нет, — коротко ответил Марьин.

Они подошли к плантации «Северо-Восток 1», и Кириллыч сразу преобразился. Напустил на лицо важности, сдвинул брови и, выпятив грудь, вразвалочку двинулся к рабочим. Ну конечно, нужно всем показать, какой ты крутой начальник. А то вдруг разболтаются...

Марьин прошел дальше: он был надзирателем другой плантации — «Северо-Восток 2». Минут через пять показалась и она.

Инопланетные грибы походили на огромные, в полтора человеческих роста, конусовидные сморчки. Они были иссиня-черные, а в глубине изрывших шляпки ячеек мерцали зеленые пятнышки. Сейчас они особо не впечатляли, зато ночью горели ярче светлячков. На этих грибах знукиане построили мощную индустрию. Они производили из них деликатесы, делали изысканные напитки, путем глубокой переработки получали уникальную губчатую органику, которая применялась в самых разных областях. Вот только на скудной почве Знука грибы росли невыносимо медленно и даже в конечной стадии развития выглядели хилыми уродцами. Чтобы снимать приличный урожай, надо было вкладывать в плантации совершенно немыслимые суммы. И тут подвернулась Земля — сказочно плодородная, к тому же, с неисчерпаемой, даже избыточной рабсилой. От слова «раб»...

Марьин должен был следить за тем, кто как справляется с заданием, оценивать трудолюбие в баллах, отстающих заносить в черный список, а самых безнадежных гнать в шею и находить им замену в обширной базе данных.

Рабочие вкалывали по-черному. Грибы были капризны, и даже чудодейственную земную почву требовалось постоянно рыхлить, по сложной схеме подавать питательные вещества, выводить продукты распада, регулировать уровень подземных вод. А еще — травить прожорливых вредителей, по неосторожности завезенных со Знука.

Марьин вглядывался в лица своих подопечных, пытаясь уловить хотя бы смутные признаки недовольства. Ни малейших! Но едва он отворачивался, ему начинало казаться, что спину жгут ненавидящие взгляды и в воздухе разливается чуть слышное: «Мразь... Иуда...» Резко оборачиваясь, Марьин видел все те же безучастные лица. А затем попытка повторялась. «Гад... — шелестело сзади. — Шакал... Все равно сдохнешь...»

Много раз Марьину хотелось собрать вокруг себя эти послушные человеческие оболочки и попытаться донести до них жуткую правду. Правда состояла в том, что людей на Земле было намного больше, чем требовалось для бесперебойного выращивания грибов в любых объемах. Как ни считай, полумиллиарда хватало за глаза. Да и то на первых порах — потом, с ростом автоматизации, число рабочих можно сократить на порядок. Остальных, не занятых в грибоводстве, знукиане собирались постепенно стерилизовать. Поистине гуманное решение: вроде не убиваешь никого и избавляешься от забот о лишней мыслящей биомассе...

Пришельцы настолько презирали человечество, что даже не скрывали эти планы от своих живых орудий — дэпэшников. При поступлении на службу каждого из них ради удобства учили говорить по-знукиански — просто-

напросто вкладывали в головы готовые знания. И Марьин использовал их по максимуму.

Выбрав для себя позорную шакалью шкуру, он тут же начал искать у хозяев уязвимое место и спустя какое-то время, собрав воедино обрывки подслушанных разговоров, открыл поразительную вещь. Если гарфы были беспринципными наемниками-одиночками, то знукиане входили в Конфедерацию с центром на планете Ярсат и формально подчинялись ее правилам. А они строго-настрого запрещали геноцид любых разумных рас! Конечно, законы на то и существуют, чтобы их обходить, и это любителям грибов-переростков до сих пор удавалось. Но любое болото можно попытаться взбаламутить...

Замысел вызревал постепенно. Как и все дэпэшники, Марьин был вхож в Присутствие — местную штаб-квартиру пришельцев. Где-то в лабиринте ее помещений скрывался гиперпередатчик — портал мгновенной переброски в любые миры Конфедерации. Оставалось придумать, как до него добраться. И Марьин разработал план. По окончании рабочего дня он должен был зайти в Присутствие, чтобы лично получить новые инструкции, но точное время знукиане не назначили, и это позволило ему запланировать еще одну встречу.

Федул уже топтался возле почтамта, держа руки в карманах и хмуро разглядывая прохожих. С недельной щетиной, в замызганных камуфляжных штанах и мешковатой, не по размеру, спецовке, он смахивал то ли на грузчика из какой-то задрипаной конторы, то ли на бомжа.

Фамилия его была Федулов — это знали все, а вот имени никто не помнил. Федул и Федул — чего еще заморачиваться? Он не обижался.

Этот невзрачный мужичок считался одной из местных достопримечательностей, и судачили о нем изрядно. Говорили, что много лет он служил по контракту в горячих точках, а когда вернулся домой, лишился и заработанных денег, и квартиры. История была темная. Похоже, связался с аферистами, хотел с их помощью подняться, пошел ва-банк — и потерял все.

Он быстро опустился — попал в компанию бомжей со стажем, ютился где придется, пил всякую мерзость и однажды чуть не отдал концы. Потом Федула заметил его старый знакомый, ставший удачливым бизнесменом, пожалел и устроил охранником в свой загородный коттедж. Но спустя какое-то время на бизнесмена наехала братва, и он, поразмыслив, дал деру за границу. Его недвижимость принялись делить, но увязли в спорах — слишком много сошлось интересов. А пока претенденты выясняли отношения, Федул, по слухам, так и жил в маленькой комнатке для охраны. На какие шиши — непонятно, но промывки мозгов он пока избежал и время от времени выбирался в город. Известность ему принесли фраза «я тишину люблю» и уникальная способность появляться там, где возникала заварушка. В этом Марьин имел случай убедиться. Однажды на его глазах трое парней, что-то не поделив с четвер-

тым, сбили его с ног и принялись пинать. Марьин еще взвешивал свои шансы в возможной драке, а Федул уже вывернулся из подворотни и негромко, словно извиняясь, сказал:

— Ребята, я тишину люблю.

После чего без видимого напряжения отшвырнул одного парня налево, другого — направо, а третьему заломил руку за спину, да так, что тот завопил благим матом и согнулся пополам.

Эта сцена не просто впечатлила Марьина: вдруг подумалось, что экстравагантный любитель тишины может стать настоящим союзником. Не болтуном, не мечтателем, а тем, кто возьмет и сделает.

Вскоре он завязал с Федулом первый разговор — осторожный, на отвлеченную тему, почти ничего не значащий. Ошибиться было нельзя — в мире под властью инопланетян такая промашка стоила головы.

В конце концов, прощупав друг друга, насколько возможно, они убедились, что мыслят одинаково, и условились о встрече, решавшей все.

— Привет, — сказал Марьин.

— Здорово. — Федул протянул ему правую руку, а левую так и не вынул из кармана. Прижатая к боку, она словно придерживала что-то за пазухой.

— Ты твердо решил? — испытующе глядя на него, спросил Марьин.

— Тверже не бывает.

— Не страшно?

— Страшно стать таким, как вот эти... покачал головой Федул и кивнул на тротуар, по которому жиденькой струйкой текли прохожие. — Я живу на отшибе, до меня еще не добрались, но все равно когда-нибудь придут. Поковыряются в мозгах и превратят в такой же шагающий труп. А мне не в кайф ходить и смердеть. Если уж тебя завалили, то лежи и не рыпайся. Так честнее.

— Хорошо. Тогда пошли...

Кусок гофрированной ограды бесшумно сдвинулся вправо. Марьин шагнул в открывшийся проем, но тут же остановился и, будто вспомнив о чем-то важном, начал шарить по карманам.

— Черт, — бормотал он, морща лоб, — где же оно... вот гадство!..

И тут из-за его спины неожиданно прошмыгнул Федул. Рванул на груди спецовку и взял в руки короткий «калаш».

Из будки вывалились два охранника и тут же открыли огонь. Но там, куда они целились, Федула уже не было. Он бросился наземь, перекатился на пару метров в сторону и, не вставая, одной очередью срезал обоих гарфов. Они еще грузно опускались, роняя оружие, а Федул уже вскочил, подхватил ближайший «лучевик» и бросил Марьину:

— На!

Затем развернулся к Присутствию, из дверей которого появились еще четыре массивные фигуры, и автомат в его руках застучал вновь.

Гарфы попадали, словно напорвшись на натянутую проволоку, и больше в дверях никто не появился — видимо, охранники закончились.

То, что бомжеватый мужичонка положил страшных пришельцев как в тире, могло показаться или сказочным везением или ловким фокусом. Но Марьин знал, что никакого фокуса нет. Настоящую боевую технику с силовыми полями и прочими наворотами бросали туда, где сохранялись очаги сопротивления. А в таких апатичных, давно покоренных городах держали только стражей порядка, да и то по минимуму. Конечно, все могло обернуться гораздо хуже, но сейчас гарфам хватило одного землянина-профессионала...

Выкинув опустевший рожок, Федул отработанным движением вставил новый и крикнул:

— Дуй в их логово, а я тут прикрою, если снаружи полезут.

— Возьми гарфовскую пушку! — бросил на бегу Марьин.

— Ха! — оскалился Федул и любовно хлопнул по рукоятке автомата. — Мой АКМС всех пушек стоит!

«Глупо», — подумал Марьин, но переубеждать не стал.

Пришельцы были так уверены в надежности периметра, что даже не подумали снабдить охранными системами сам вход в Присутствие. Зачем, если внутри все свои? Это их и подвело. Марьин перепрыгнул через труп гарфа, из-под которого расползалась лужа крови, и ворвался в здание.

— Лежать! — заорал он по-знукиански и очертил широкую дугу стволом «лучевика».

Пять или шесть тщедушных фигур в лиловых туниках замерли, словно примерзнув к полу, две попятились, еще две начали медленно приседать. За их спинами вспыхнул зеленоватый овал опустившегося лифта, и из него в фойе шагнул... Кириллыч. Увидев направленный ему в живот «лучевик», он сразу все понял и поступил так, будто мысленно отработывал эту сцену месяцами: плюхнулся на колени и завизжал немислимимым фальцетом, от которого у Марьина засвербило в ушах:

— Не стреляй! Я не сам... выхода не было... у меня жена, дети... их кормить надо... — Кириллыч в ужасе вертел головой, будто надеясь, что кто-то из знукиан придет на помощь, но тем было точно не до него.

— Христом Богом прошу! — еще пронзительнее заверещал он.

— Бога вспомнил, тварь? — Марьина подмывало нажать спусковую кнопку и поджарить гниду. Удерживало лишь сознание того, что и сам он, нацепив для маскировки шакалью шкуру, взял на душу немало грехов. — А ну, пошел обратно!

Кириллыч мелко закивал и попытался встать, но ноги не слушались, и он, продолжая елозить коленями по полу, начал отползать к лифту.

С трудом пересилив желание плюнуть, Марьин отвернулся от дэпэшника и переключился на его хозяев. Те казались на одно лицо, но он все же выцепил взглядом знукианина повыше рангом: четвертый окружной советник Бруллох — достаточно крупная шишка, сгодится в заложники.

— Пошли! — бросил Марьин, направив на господина советника ствол. Но Бруллох не шевельнулся — то ли не мог заставить себя подчиниться туземцу, то ли впал в ступор.

Марьин недобро усмехнулся и, подняв «лучевик», выстрелил в подвешенный под потолком ромбовидный плафон. Тот вспыхнул, затрещал, вниз полетели горящие ошметки, и Бруллох, вздрогнув, поспешно шагнул вперед.

— Веди меня к гиперпередатчику, — приказал Марьин. — Я должен попасть на Ярсат. Ты настроишь аппаратуру, включишь и дождешься отправки. Если сделаешь все правильно, останешься жить.

Знукианин колебался.

— Ну! — Марьин схватил его за грудки и рывком притянул к себе. — Не хочешь идти — поползешь. Сейчас я подпалю тебе ноги. Начинать?

— Н-нет... — трясущимися губами выдавил Бруллох и со странным звуком и показал рукой направо: — Нам туда...

Подобно другой знукианской технике, гиперпередатчик был уродлив. Он выглядел как помятый пятнистый цилиндр, облепленный разномастными вспомогательными устройствами. Некоторые из них мигали разноцветными огоньками.

Марьин следил за небольшой панелью, расчерченной на серые квадратики. Ровно двадцать — по четыре в пяти рядах. Больше половины уже горели ровным желтым светом, время от времени вспыхивал еще один.

«Аппарат будет готов к работе, когда зажгутся все», — объяснил Бруллох.

Оставалось дожить до этого момента — к Присутствию, конечно, уже мчался целый отряд гарфов. А может, и не один.

Словно напоминая Марьину, в каком он цейтноте, за окном раздалась автоматная очередь. Тут же засветился следующий квадратик, но с панели слепо тарасились еще четыре серых. Целый ряд...

Автомат застучал опять — и вдруг захлебнулся. «Федула больше нет, — понял Марьин. — Любителя тишины приняла вечная тишина».

На душе стало пусто и мерзко. Несколько секунд он просидел в полной прострации, затем повернулся к Бруллоху:

— Какая на Ярсате атмосфера? Дышать смогу?

— Да.

— Там понимают по-знукиански?

— Это не проблема. Переводчики входят в комплект всех личных устройств.

«Отлично, — подумал Марьин. — Потребую встречи с самым главным по делам отсталых планет. Так и так, истребляют нас в попрание всех законов. Не допустят к главному — есть чиновники помельче. Кого-то знукиане наверняка подмазали, но не всех же! Только бы до них добраться...»

Пол завибрировал от топота множества ног. Затем в стене появилась светящаяся точка. Она быстро росла, наливаясь жаром.

Этого следовало ожидать. Гиперпередатчиком знукиане дорожили, а потому снабдили зал, где он был смонтирован, мощной металлической дверью. Бруллох по приказу Марьина намертво заблокировал ее изнутри, так что штурмующим было проще и быстрее вспороть лучами стену.

Марьин перевел взгляд на панель и, увидев, что последний квадратик окрасился желтым, выдохнул: «Есть!» Но передатчик почему-то не раскрылся. Вместо этого раздался противный квакающий звук, а в верхней части цилиндра, под самым обрезом, вспыхнули непонятные багровые знаки.

— Что за хрень? — пробормотал Марьин по-русски, но Бруллох его понял.

— Неполадка. Так бывает. На устранение потребуется...

— К черту! — взревел Марьин, но тут же, опомнившись, перешел на знукианский: — Что можно сделать прямо сейчас?

— Аппарат не готов к передаче материальных объектов, — пролепетал Бруллох. — Он способен отправить только мыслеграмму или голосовое сообщение.

— Как? Показывай!

— Вот. — Бруллох робко протянул руку к небольшому грушевидному устройству. — Все готово. Можете говорить, можете думать...

Марьин приблизил к прибору лицо и, старясь умерить бешеные удары сердца, медленно и четко заговорил по-знукиански:

— Я — житель планеты Земля. Мы подверглись агрессии со Знука. Нас поработили и собираются уничтожить. Требуем помощи!

Стену резали уже в нескольких местах. Скоро ползущие друг к другу огненные змеи соединятся, и гарфы ворвутся в зал.

Какое-то время из прибора доносились только треск и шипение. Затем сквозь помехи пробился еле слышный голос:

— Вас понял. Координаты установлены. Будет организована проверка. Ждите.

Выбитый одним мощным ударом кусок стены рухнул на пол. Марьин увидел блеснувший в проеме ствол и успел выстрелить первым. Хотя большого смысла это уже не имело.

Сейчас главный день в его жизни закончится. А вместе с ним — и сама жизнь. Но теперь умирать было не страшно... □

Мельников Константин Степанович

Евгения Гордиенко

Константин Мельников

Человек,
архитектор
и дом

В Москве, по адресу Кривоарбатский переулок, 10 находится дом, который называют домом Мельникова. И хотя архитектор Константин Мельников, как и его потомки, там давно не живет, имя у дома остается тем же. Потому что это едва ли не единственный дом, выстроенный им для себя, по собственному проекту и за собственные средства.

Сейчас работы Мельникова часто относят к конструктивизму. Но сам архитектор не любил, когда его классифицировали, причисляли, относили к какому-то определенному направлению. Вообще не любил вписываться в рамки, но старался быть всегда впереди — в авангарде.

Будущий архитектор родился в 1890 году в сельском поселении под Москвой, носившем романтическое название «Соломенная сторожка». На деле же это был барак, где жили сторожа, охранявшие уголья учебного заведения — Петровской лесной и земледельческой академии (сейчас это территория Тимирязевского района). Отец, Степан Илларионович, работал дорожным инженером, мать, Елена Григорьевна, занималась домом и детьми. Поскольку семья была религиозной, родители отдали Константина в церковно-приходскую школу, где учителя довольно быстро

заметили его талант к черчению и рисованию. Чтобы развить эти способности, мальчика по окончании духовной школы отдали в обучение в мастерскую по росписи икон. Но иконопись показалась будущему архитектору скучной и монотонной, поэтому в мастерской он продержался только лишь месяц.

Вскоре Константин устроился на работу в Торговый дом инженера Владимира Чаплина, который, заметив талант ребенка, нанял для него учителя рисования. Через год работы и учебы Мельников решил поступить в Московское училище ваяния

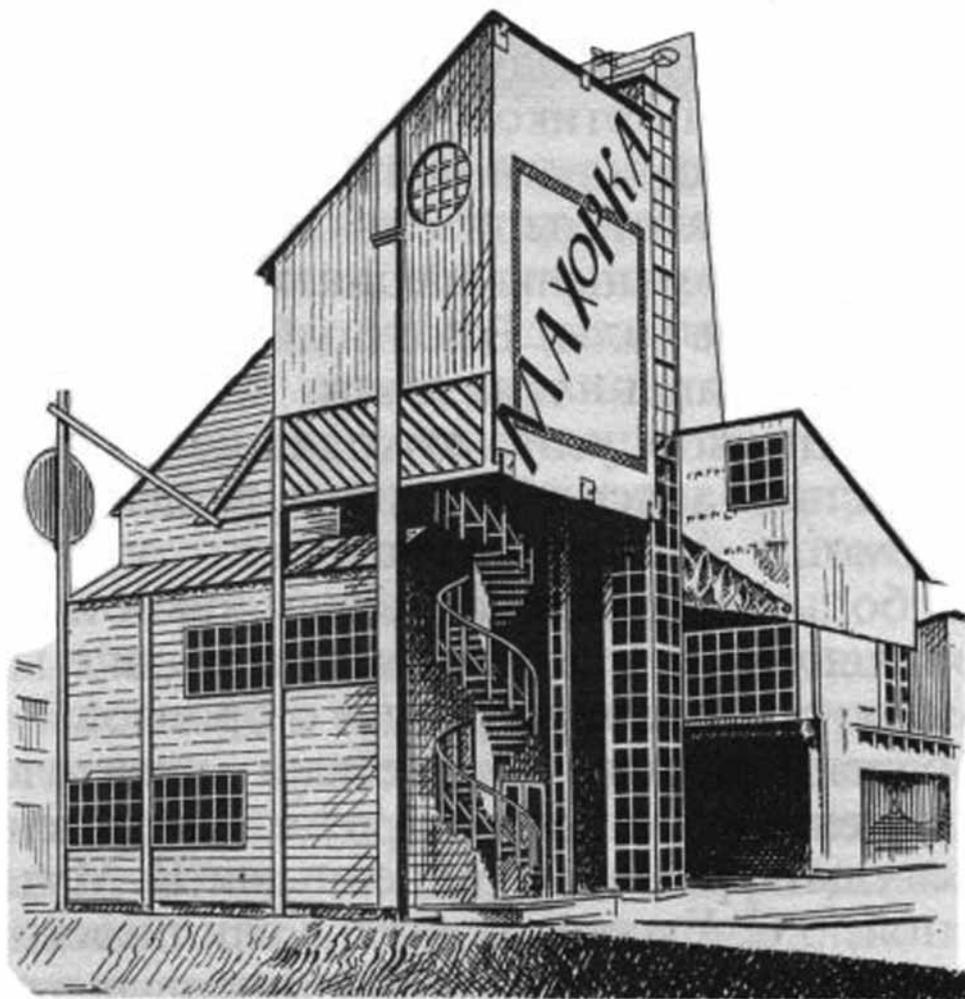
и зодчества. Экзамены по художественным дисциплинам он сдал блестяще, но провалил русский язык, поэтому весь следующий год усердно занимался с репетиторами, и в 1905 году был зачислен в училище. Там он учился целых 12 лет на двух отделениях — живописном и архи-

тектурном, и окончил училище одновременно с наступлением революции — в 1917 году.

Его наставниками в училище были Константин Коровин, Николай Клодт, Сергей Иванов, Фома Богданович-Дворжецкий и Иван Жолтовский. Уже во время учебы Мельников

*Павильон
«Махорка»*

Справа:
*Гараж
Интуриста*

участвовал в работе московских архитекторов, на старших курсах стал разрабатывать схему строительства фасадов для автомобильного завода АМО братьев Рябушинских. Подряд по возведению предприятия взяла на себя компания Чаплина, где уже трудился Константин, но это была первая и последняя его работа «по найму». Дальше он трудится уже самостоятельно.

Ему виделась Москва будущего, та, которая возникнет на обломках старой, дореволюционной. И у него были все возможности для возведения этой самой Москвы. Сам он говорил так: «Я не собираюсь

открывать законы, я не верю в их существование. Гений... преодолевает все, что останавливает обыкновенные умы. Меня не заботит, если я не точен к термину «новое», новое — то, что должно жить в веках; я легко беру задачу преподнести современности новое такое, которое для Архитектуры будет открытием».

Первым его капитальным проектом стали Торговые ряды и главное здание Ново-Сухаревского рынка. А в 1923 году он создал здание, которое открыло его как архитектора не только для родной страны, но и для мира.

Изначально от оформления павильона «Махорка» на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года в Париже никто не ждал чего-то выдающегося, пока... в столицу Франции 26 января не приехал Мельников (в феврале ему привезли готовые заранее собранные части здания). Он вспоминал: «Территория, на которой мы построили павильон, была не только мала (29,5 на 11 метров), но и в высшей степени неудобна для строительства. Через площадку проходили трамвайные пути, которые, по условиям, поставленным нам парижскими властями, запрещалось убирать. Следовательно, размеры здания были лимитированы не только в горизонтальной, но и вертикальной плоскости». Возводили павильон в течение месяца,

над ним трудились девять рабочих. И вместо планируемого заказчиком простого одноэтажного куба появилось творение архитектора: танцующие по высоте и формам объемы, винтовая лестница, четкие геометрические формы, плакаты, включенные в экстерьер и интерьер, небывалые площади остекления, перенос опор со стен на консоли...

Сначала проект, разумеется, не поняли, однако на защиту Мельникова встал Щусев, непререкаемый в те годы авторитет. В результате павильон СССР взял Гран-при!

Практика подкреплялась у Мельникова теорией: архитектор был идеологом пространств нового типа, выступал за то, чтобы придумывать такие конструкции, которые можно было бы менять в процессе пользования зданием. Он был уве-

Жена — Анна Мельникова

рен, что можно создать здание, в котором каждый этаж будет вращаться в любом направлении вокруг оси.

Французы, оценившие работу Мельникова на выставке, пригласили его спроектировать гараж для Парижа вместимостью в 1000 машин. Во Франции архитектор с семьей прожили два года, а потом вернулись на родину.

В 1924 году Мельников выступил автором саркофага Владимира Ленина в Мавзолее, создав нечто совершенно доселе невиданное — в своем стиле. Саркофаг был в форме четырехгранной удлиненной пирамиды и полностью выполнен из

стекла. Изначально он задумывался еще более сложным: «Архитектурная идея моего проекта состояла из четырехгранной удлиненной пирамиды, срезанной двумя противоположно наклонными внутрь плоскостями, образовав при пересечении строго горизонтальную диагональ. Таким образом, стеклянный верх саркофага получил естественную прочность от прогиба. Найденная конструктивная идея исключила необходимость обрамлять стыки стеклянных частей саркофага металлом. Получился кристалл с лучистой игрою внутренней световой среды, намекавшей на сказку о спящей царевне». Проект пришлось упростить, но эта работа стала для Константина Степановича в дальнейшем своеобразной «охранной грамотой», которая оказалась очень нужна, так как окончание его «официальной карьеры» совпало как раз с тем моментом, когда он решил построить собственный дом.

Это была его мечта — построить дом для своей семьи, включающий в себя и архитектурную мастерскую.

В 1927 году Мельников начал писать письма с просьбой предоставить участок в центре Москвы. Ему предложили несколько вариантов, из которых он выбрал участок в Кривоарбатском переулке. Землю он получил бесплатно — дом планировался как «жилье будущего» и мог стать «пилотом», который впоследствии можно было бы демонстрировать.

*Клуб
имени
Русакова
в Москве*

Если затрагивать финансовую сторону вопроса, то дом строился на деньги заказчика — он же архитектор. При этом платить ренту и налоги Мельникову не было необходимости. Собственных средств не хватало, и уже после строительства государство выдало Мельникову ссуду под процент — прообраз ипотеки, но выданной постфактум.

В качестве проекта он использовал собственный, который не победил в конкурсе на строительство ДК им. Зуева.

Материалы для строительства Мельников выбрал традиционные: кирпич, дерево, стекло, штукатурку. Поначалу дело у рабочих шло неважно, но со временем они поняли задумку архитектора, и дело пошло быстрее.

В рамках строительства были применены собственные разработки Мельникова: кладка стен, устройство деревянных перекрытий, калориферная система отопления и вентиляции здания. Несмотря на то,

что снаружи это был авангардный дом, в сути своей он оставался домом-усадебой с задним двором и огородом. И строился он с учетом того, что жить тут будет семья: сам архитектор, его жена Анна Гавриловна и двое детей подростков — сын и дочь.

Многим кажется удивительным, что внутри мельниковского дома на самом видном месте стоял киот с венчальными иконами и свечами. Но это только снаружи дом выглядел как что-то очень современное. Внутри же он отражал мир своего хозяина и его семьи — людей в целом патриархального уклада, традиционного московского быта. Даже мебель там была та, что была у Мельниковых до переезда в новый дом — антикварная, московская, уютная. Эта мебель очень нравилась Константину Степановичу, она стала основой домашнего уюта и отражала его вкус. А Анна Гавриловна сама изготавливала кружевные изделия, занавески, кружевные

детали убранства интерьера — на свой вкус.

Мельников очень хотел, чтобы дом стал серией, и экономически это было даже оправдано, но наступали времена бетона, а он предпочитал строить из традиционных материалов.

Конструктивизм и авангард уходили, как прежде ушел модерн, наступа-

ла эпоха сталинского ампира. По этой причине, а также по той, что собственный дом в центре столицы с надписью над входной дверью «Константин Мельников. Архитектор» многим казался вызовом, карьера Мельникова резко остановилась. С началом сталинских репрессий как архитектор он практически перестал работать, так как заказов ему не давали. Чтобы

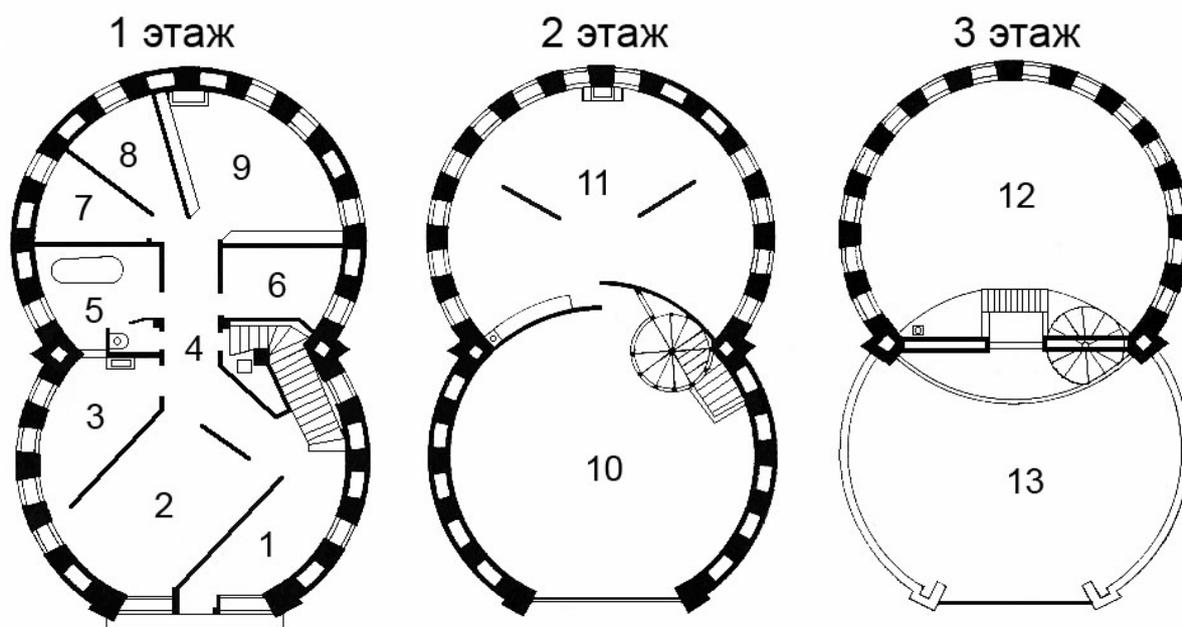
прокормить семью, Константин Степанович вспомнил, что он по образованию еще и живописец, и стал брать заказы на портреты. А еще он подрабатывал печником, так как хорошо разбирался в этом деле — ведь в своем доме печь он сложил самостоятельно.

Во время войны от бомбы, попавшей в Театр Вахтангова, стоя-

щий неподалеку дом Мельникова потерял все стекла, но сам устоял, лишь слегка «подпрыгнув» и опустившись ровно на то же место.

В середине шестидесятых государство словно вспомнило о несправедливо забытом архитекторе: Мельникову без защиты диссертации дали звание доктора архитектуры, а в 1972 — почетное звание заслуженно-

го архитектора РСФСР. Увы, вспомнило поздно, так как через два года после этого Константин Степанович скончался. Вскоре ушла из жизни и его жена Анна Гавриловна, с которой они прожили вместе больше 60 лет, поженившись совсем еще юными.

Андрей Вознесенский писал о них — и о доме:

Двое любовников кривоарбатских двойною башенкой слились в объятьях...

Как он любил вас, Анна Гавриловна!

И только летчики замечали, что стены круглые говорили, сливаясь кольцами обручальными.

До самой смерти Мельников рисовал портреты своей жены — она запечатлена у него во всех возрастах...

А что же стало с домом Мельникова? Он погряз в судебных разбирательствах наследников — они определяли свои доли во владении домом. В итоге пришлось вмешаться государству: появился му-

зей Мельниковых, который сейчас закрыт — в нем идут реставрационные работы.

В плане дом Мельникова представляет собой нечто среднее между восьмеркой и знаком бесконечности. И хочется надеяться, что стоять после реставрации он будет если не вечно, то хотя бы очень долго...□

Бездарь

В кабинете главного редактора журнала «Наш век» сидел известный в городе литератор Гарниров Лев Николаевич и пил чай с сушеными финиками, когда в дверь робко постучали, а затем в ее проеме блеснула запысинами голова мужичка средних лет.

— Кого еще нелегкая принесла? — буркнул редактор. — Ну заходите, что ли, раз вы и так наполовину уже здесь, не создавайте сквозняк. Извините, мэтр, я тут прервусь на секундочку, — кивнул он развалившемуся в кресле именитому собеседнику.

Внезапный гость, не замешкавшись, проскользнул внутрь помещения и, смущенно теребя нос, произнес:

— Я, так сказать, насчет рукописи своей побеспокоить. Пьеса «К черту на кулички», помните? Уже третий месяц пошел, как вы ответ дать обещались.

— Раз обещали — дадим. Кто вы тут у нас, освежитесь-ка в памяти.

Посетитель с надеждой в голосе отрапортовал:

— Мухин я, Мухин Платон Иванович.

— Та-ак-с... — Редактор потер ладони и начал озираться по сторонам в поисках рукописи. — Куда ж она задевалась, проклятущая? — Затем пошарил взглядом по полкам, прошелся по стеллажам... — Ума не приложу, хоть убей! А вы точно нам ее передавали? Может, в какое другое место отнесли?

— Не, куда раньше отнес, отовсюду вернули уже, — ответил мужик, простодушно улыбаясь, — вы — последние. Посмотрите повнимательней, прозрачная такая папочка с желтым корешком.

Наконец искомая папка была найдена на подоконнике под электрочайником.

— Ваша?

Мухин согласно кивнул.

— Ну, тогда забирайте вашу макулатуру, бога ради!

Редактор брезгливо смахнул пыль с папки и передал ее визитеру, стараясь держать рукопись таким образом, чтобы в глаза не бросалось сальное пятно в нижнем углу титульной страницы.

Мужик, осознав, что ему только что дали от ворот поворот, безвольно опустил глаза и ссутулился.

— И примите дружеский совет профессионала, — добавил редактор, горько усмехнувшись, — не пишите больше, займитесь чем-нибудь стоящим. Резьбой по дереву, там, макраме, йогой. Можете также смело прыгать с парашютом, играть на гитаре, плести корзины. В общем, занимайтесь чем угодно, но только окажите любезность себе и окружающим — не пишите.

Мужик, все так же уныло сутулясь, медленно вышел.

— Так, на чем мы с вами остановились? — повернулся редактор к литератору, когда за несчастным автором захлопнулась дверь. — Ах, да. Вот уже третий месяц пошел, как все мы с нетерпением ждем вашу новую работу, но воз, как говорится, и ныне там. Что же мешает вам сдать, наконец, рукопись? Разве мы не перечислили вам аванс? Перечислили. Причем, даже дважды. А еще мы трижды напрасно резервировали под вас полосы в нашем издании, а в прошлом месяце так вообще выпуск тиража задержали. Читатели в недоумении, спонсоры волнуются. Поэтому в данной связи у меня к вам только один вопрос — когда?

Гарниров отставил кружку и, прочистив горло, произнес:

— Пьеса пока в работе.

— Мы это уже слышали.

— Остались последние штрихи.

— И это мы тоже знаем. Вы мне, пожалуйста, конкретику, конкретику дайте.

— На следующей неделе предполагаю приступить к контрольной вычитке...

Литератор блефовал. На самом деле он вовсе не собирался вычитывать пьесу, потому как вычитать там возможно было всего четыре слова: «Акт первый, действие первое».

Но это была еще только половина беды. А главное заключалось в том, что автор твердо знал нечто, о чем не подозревал больше никто: маститый мэтр напрочь исписался. Ни единой мысли за последние полгода, ни единой строчки, ни одной паршивенькой буквы. Ничего!

— ...И можете даже не сомневаться, что через месяц все увидят ее на страницах вашего уважаемого издания, — добавил Лев Николаевич убедительным тоном.

«Повеситься, что ли?» — мелькнула у него шальная мысль, когда он, галантно раскланиваясь, выходил из кабинета.

Расставшись с редактором, Гарниров, мрачнее тучи, направил стопы напрямиком в туалет. В животе у него пронзительно урчало. То ли на нервной почве, то ли финики были старыми.

Когда он растерянно огляделся в поисках туалетной бумаги, его блуждающий взгляд ненароком упал на урну, из которой торчал желтенький сальный корешок: «Опаньки! Да это же пьеса того никчемного писаки! Так вот где, значит, нашло последний приют графоманство. Очень символично. Ну что ж, за неимением гербовой...»

Литератор вытащил двумя пальцами папку. Внезапно в нем проснулся профессиональный интерес или, если хотите, профессиональная ревность, и он, устроившись поудобнее, углубился в чтение.

Так незаметно пролетели полчаса. В дверцу кабины уже раз десять требовательно стучали, а он все никак не мог заставить себя оторваться от рукописи и уже не помышлял наложить на себя руки...

Ровно через месяц, как и предсказывал мэтр, в журнале «Наш век» вышла пьеса, которая произвела настоящий фурор в областной литературной среде. Все сошлись во мнении, что это, безусловно, лучшее творение Гарнирова, так сказать, вершина его творческой мысли. В мэрии по этому поводу закатили большой прием, на котором присутствовал весь культурный бомонд. Ах, да, пьеса называлась «К бесу на каравай».

Пока виновник торжества скромно принимал поздравления, редактор, светясь от блаженства, трубил со сцены в микрофон, что за последние двадцать лет он не то чтобы не издавал — не читал более яркого и самобытного произведения, чем «К бесу на каравай». Ему рукоплескал зал. Аплодисменты изредка прерывались хлопками, которые издавали откупориваемые бутылки шампанского...

А в это же самое время в малогабаритной квартире, затерявшейся где-то на окраине города, сидел, обхватив руками плешивую голову, невос требованный драматург Мухин и в поисках вдохновения, а может, пытаюсь уйти от действительности, пил горькую. Рядом с ним на кушетке прикорнула его жена, держа в руках последний выпуск «Нашего века», и тыкала в строчки длинным пальцем.

— Читал уже новую пьесу Гарнирова? Нет еще? Ознакомься, не поленись. Заодно поучись у классика, как писать следует. А еще лучше, вообще заканчивай эту бодягу, озаботься чем-нибудь общественно полезным, наконец, карьерой займись, ремонт вон на кухне сделай. Гарниров — настоящий талант. Подумай, кто ты рядом с ним? Жалкий бездарь, бездарь. Без дара, короче! Бросай ты это дело, не твое оно вовсе. Себя вон истрепал, меня всю измучил. Горе ты мое луковое, — всхлипнула она и прижала понурую голову «бездаря» к груди... □

Ирина Опимах

КАРТИНЫ И ЛЮДИ, или Подвиг скромной искусствоведки

Николя
Ларжильер.
*Портрет
придворной дамы*

В ноябре 2024 года все коллекционеры и галерейщики, искусствоведы и историки ждали сенсацию — организаторы аукциона «Кристи» объявили, что на торги будет выставлен женский портрет кисти Николя де Ларжильера, известного придворного живописца эпохи Короля-Солнце Людовика XIV. Его портреты в стиле ван Дейка украшают коллекции Лувра, Версаля, Уффици и других известных музеев. Предварительная цена картины — 50-80 тысяч евро. Имя продавца «Кристи» не раскрывало.

В истории этой картины сплелись судьбы самых разных людей, низость и героизм, корысть и бесстрашие, откровенное воровство и честное служение высокому искусству и высоким нравственным идеалам... А главная героиня этой истории — скромная французская искусствоведка Роза Валлан.

До аукциона чудесный портрет очаровательной дамы с белоснежной кожей и завитыми волосами видели на фотографии, сделанной в мае 1945 года в знаменитом замке Нойшванштайн, любимом замке короля Людвига II Баварского: картину и еще два полотна старых европейских мастеров бережно несут американские солдаты. Только что они обнаружили эти сокровища в подвалах, куда нацисты свозили украденные в европейских музеях и у частных коллекционеров полотна. Теперь картины спасены и могут быть возвращены прежним владельцам. И все это — благодаря специальному армейскому подразделению, целью которого был поиск произведений искусства, похищенных немцами в годы Второй мировой войны.

У этой картины Ларжильера интересная история. Ее владельцем был весьма незаурядный человек, барон Филипп де Ротшильд — большой жизнелюб, театральный продюсер и, по совместительству, успешный винодел (в 1922 году он принял на себя управление семейным виноградником «Шато Мутон-Ротшильд», благодаря чему бордо стало одним из самых популярных вин в мире). Картина досталась ему по наследству — от отца Анри де Ротшильда. В конце 1930-х годов, понимая, чем ему, еврею, грозит вторжение немцев во Францию, он упаковал самые дорогие картины в два ящика и спрятал их в укромном месте в провинции Бордо. В 1939 году гитлеровские войска вошли в Париж, и Ротшильд бежал из своего поместья. Немцы, не обнаружив его в шато, в бешенстве расстреляли его портрет. Ротшильд хотел скрыться в Северной Африке, но ему не удалось это сделать. Его арестовали и конфисковали все, что он имел, — и виноградники, и дома, и произведения искусства. К счастью, в апреле 1940 года Ротшильда все же выпустили из тюрьмы...

А вот у его жены Элизабет все сложилось гораздо трагичнее — она попала в гестапо, после чего ее отправили в концлагерь, и она, как и многие другие узники гитлеровских «фабрик смерти», там умерла.

Барон же бежал в Англию, где присоединился к движению «Свобод-

ная Франция» — французским войскам под управлением де Голля, а в 1944 году он даже участвовал в исторической высадке союзных войск в Нормандии. (Ирония судьбы — после окончания войны пленные немцы восстанавливали его поместья и ухаживали за его виноградниками). Но все это было уже позже...

Два ящика, спрятанные ранее Ротшильдом, были, конечно же, обнаружены, и их отвезли в музей Же-де-Пом. (В этом музее с 1909 года проходили выставки произведений искусства из фондов Лувра и музея Оранжери, а в 1922 году, когда туда были переданы из Люксембургского музея картины зарубежных импрессионистов, музей стал самостоятельным). Именно здание этого музея немцы выбрали для хранения конфискованных и отнятых у государственных музеев и у частных коллекционеров произведений искусства. Всего было конфисковано 650 000 произведений искусства, но в Же-де-Пом попало около 22 000. Что-то предназначалось для германских музеев и личных коллекций вождей Третьего Рейха (например, Геринга, который очень любил произведения старых европейских мастеров), что-то выставлялось в свободную продажу, ну а некоторые картины, признанные «дегенеративной живописью» (например, ряд картин Пикассо, Дали и других представителей модернистских направлений), просто были со-

жжены в Париже на кострах 27 июля 1942 года. В огне тогда погибли — к счастью, не все — картины Пикассо, Дали, Миро и многих других выдающихся художников XX века...

Попадавшие в Же-де-Пом картины тщательно изучались членами специального отряда нацистских искусствоведов, дабы определить их дальнейшую судьбу. Самые ценные отправляли в Германию.

Все делалось в большой тайне, но немцы не подозревали, что их преступления тщательно фиксирует незаметная сотрудница музея Роза Валлан. Тайком копируя опись и фотоархив отряда, она отслеживала, куда направляют каждое из конфискованных произведений искусства, и аккуратно записывала в свою тетрадку.

Роза Антония Мария Валлан родилась 1 ноября 1898 года в городке недалеко от Гренобля. Окончив школу, она училась в педагогическом колледже в Гренобле, потом, увлекшись искусством, в Лионской национальной школе изящных искусств, а затем — в Высшей школе изящных искусств в Париже. Ее все больше и больше привлекало искусствоведение, и, получив диплом по истории искусств и археологии, она устроилась на работу в Национальную галерею Же-де-Пом. Роза составляла каталог музея, работала над организацией выставок, писала статьи в журналах. В начале войны она уже была хранительницей музея. Ма-

Роза Валлан

ленькая незаметная женщина (никто и не догадывался, что она прекрасно знает немецкий язык) выполняла какие-то поручения нового руководства музея, превратившегося в перевалочный пункт, и — фиксировала преступления гитлеровских любителей искусства.

Все французы были изгнаны из музея — немцам не нужны были свидетели их мародерства. Но Розу они оставили — уж очень она была невыразительна, неприметна, не опасна. Может, и понадобится для чего-нибудь...

Каждый раз, когда она видела, как немцы отправляют украденные картины в Германию, в ее душе поднима-

лась волна гнева. Но она понимала, что не должна ничем выдать себя. Сохраняя внешнее спокойствие, она сидела за своим столом, перелистывала какие-то бумаги, подслушивала разговоры — и телефонные тоже, и — записывала маршруты, названия картин, имена их новых владельцев, географические названия. Как-то один из немцев застал ее за составлением списков. «Что вы делаете?» — спросил нацистский искусствовед в погонах. Мило улыбнувшись, Роза ответила: «Это — просто каталог». Не раз ей приходилось присутствовать при визите в музей Геринга. У этого страстного коллекционера, обладателя великолепной галереи старых мастеров, жадно загорались глаза при виде всего того, что немцам удавалось собрать в Же-де-Пом. Он хотел все! Больше 20 раз он приезжал в Же-де-Пом и каждый раз отбирал лучшее... Также хотел все и другой страстный коллекционер искусства — рейхсляйтер Альфред Розенберг. Но у Геринга и Розенберга был могучий соперник — сам Гитлер, этот неудавшийся художник, мечтавший о грандиозном музее своего имени в Линце. Этот музей должен был превзойти все музеи мира, там будут храниться сокровища мирового искусства, настоящие шедевры, творения великих европейских живописцев... Музей Фюрера станет самым богатым музеем мира!

И вот немецкие искусствоведы в погонах — а они прекрасно разби-

рались в искусстве — отбирали полотна, которые должны были быть отправлены в будущий музей Гитлера в Линце и в уже существовавшее собрание Геринга. Ведь там им будет лучше, чем в музеях покоренной Европы. С частными коллекциями Германии и Австрии уже все было сделано, теперь нужно было разобратся с французскими...

Всю полученную информацию о перевозке произведений искусства

Май 1945 г. Американские солдаты несут украденные фашистами картины, спасенные из подвала замка Нойшванштайн. На заднем плане — Джеймс Роример, будущий директор нью-йоркского музея Метрополитен

(около 20 000 картин, ювелирных изделий, антикварной мебели и скульптур) Роза передавала в Сопротивление — было важно, чтобы маки не взорвали поезд, в котором немцы везли произведения искусства, и хранилища, где немцы их складировали. И все это с огромным риском

для жизни... Очки в скромной оправе, скромная, неброская одежда, невыразительная внешность помогали ей. Однако подозрения у немцев все же возникали — уже после войны Роза узнала, что ее на всякий случай, как опасного свидетеля, собирались депортировать в Германию и казнить.

В августе 1944 года нацисты, уже понимая, что им скоро придется покинуть Париж, приняли решение вывезти 148 ящиков с 967 картинами великих французских живописцев XX века. Роза, проведав об их планах, узнала номера поездов, вагонов, содержимое ящиков и передала всю эту информацию через своих связанных участникам Сопротивления. И партизанам удалось перехватить поезд! Так было спасено народное достояние Франции.

Позже она наладила передачу сведений и союзникам, чтобы те, не дай бог, не бомбили объекты, где могли складироваться украденные ценности, такую, своего рода, «карту сокровищ». С ней сотрудничал лейтенант американской армии Джеймс Роример, будущий директор нью-йоркского музея Метрополитен. В своих воспоминаниях Роример писал: «Единственным человеком, который помог нам выследить официальных нацистских похитителей произведений искусства и разобраться в этом аспекте общей картины, была мадемуазель Роза Валлан, упорная, кропотливая и вдумчивая исследовательница. Ее слепая преданность французскому искусству не допускала мысли о личной опасности». Позже он писал ей: «Весь мир знает, что вы сделали, и я рад, что был одним из тех, кто разделили с вами часть вашей славы». (Именно Роримеру попали сведения о картине Ларжильера и других картинах из собрания Ротшильдов).

Роза, подсмотрев в описи инвентарный номер полотна Ларжильера и пункт назначения: замок Нойшванштайн в предгорьях Альп, записала все это в своей книжечке и передала американцам.

Портрет прекрасной придворной дамы и другие произведения из коллекции Ротшильдов немцы погрузили в отапливаемый вагон и отправили в Германию. Все в целостности и сохранности было доставлено в Нойшванштайн. Они и не подозревали, что американцы узнают обо всем этом от скромной хранительницы Жедде-Пом.

А после освобождения Парижа (в 1944 году войска де Голля с триумфом вошли в столицу Франции) Валлан передала собранные данные Роримеру. В его отряде, официально называвшемся «Памятники, изобразительное искусство и архивы», служили граждане 14 стран.

«Группа Роримера успела в Нойшванштайн чуть ли не в последний момент, — рассказывает Роберт Эдсел, соавтор мирового бестселлера «Охотники за сокровищами», вышедшего и в России тоже: — «Они торопились попасть в Германию и добраться до хранилищ, опасаясь, что нацисты примутся уничтожать не только сами произведения искусства, но и документы, свидетельствующие об их незаконном присвоении».

Вот тогда картина Ларжильера и попала на фото, ставшее историче-

ским памятником. Спустя год прекрасная дама вернулась в дом Ротшильдов. (Ротшильды продали картину нынешнему владельцу — имя в открытых источниках не сообщается — в 1978 году. Видимо, наследникам барона понадобились деньги...)

В 1945 году самая страшная война в истории человечества, в которой погибли миллионы людей и несчетное множество великих произведений искусства, наконец, закончилась. Розу Валлан, заподозренную в сотрудничестве с немцами (ведь она действительно работала с немцами в Же-де-Пом!), арестовали — коллаборационизм в то время жестко преследовался. Но ее записи, свидетельства людей, знавших ее и то, что она дела-

ла, доказали ее невиновность, и Розу выпустили.

Обретя мир, Франция задумалась о возвращении похищенных немцами шедевров. И главным действующим лицом в этой драме стала Роза Валлан — капитан французской армии и подполковник армии США. Она присутствовала на Нюрнбергском процессе, выступала против Геринга, рассказывала, как он выбирал себе украденные шедевры, и требовала, чтобы нацистов обвиняли не только в преступлениях против человечности, но и в преступлениях против искусства — в мародерстве. Ее записи — сотни страниц, заполненных мелким почерком — показывали путь к обрете-

нию утраченных сокровищ. И именно они помогли вернуть Франции более 60 000 картин! «Прекрасная дама» Ларжильера и еще тысячи ее «соотечественников» спаслись благодаря Розе Валлан, рисквавшей ради них своей жизнью. Рассказывали, что, стоя перед вернувшейся в тот или иной музей картиной, она шептала: «Ты дома».

Семь лет она проработала в Германии в составе Комиссии по возвращению произведений искусства. До 1953 года. Благодаря ей более 60 000 произведений искусства вернулись к владельцам. Жаку Жожару, директору Лувра, понадобилось почти 10 страниц в своей книге, чтобы описать все, что сделала эта маленькая женщина не только для Франции, но и для всего мира. Ее награждали — она получила от родины «Медаль Сопrotивления» и орден Почетного легиона, от Германии — орден «За заслуги», от США — «Медаль свободы», стала командором Ордена искусств и литературы. Но о том, что она делала во время войны, о ее невероятном подвиге, знали очень немногие, французам так хотелось поскорее забыть о войне, о горе, которое она принесла почти в каждый дом...

В 1961 году Роза Валлан написала книгу о том, что ей пришлось пережить. «Фронт искусства» — так она ее назвала. Без излишнего пафоса, спокойно, она рассказывала драма-

тичную историю спасения творений великих мастеров. А в 1964 году по книге был снят фильм «Поезд», но прототип Розы там возникает всего на пару минут, действие, в основном, не о ней... В 2015 году был снят фильм «Портрет женщины в очках», не ставший кассовым — слишком там было много фактов, и никакой любовной линии.

Роза Валлан скончалась в 1980 году. Ее похоронили в Доме инвалидов, на церемонии присутствовало всего 6 человек. Последние годы жизни она жила в маленькой квартире в Париже, практически забытая всеми. Но, как рассказывала журналистка, бравшая у нее последнее ее интервью, Роза была хороша: с макияжем, стройная, элегантная, с большим воодушевлением рассказывавшая о военных годах. В 2005 году в Же-де-Пом была установлена мемориальная доска в ее честь («в память героини французского Сопrotивления, решившей спасти частичку мировой красоты»), а в 2023 году в Лувре прошла выставка, посвященная проблемам реституции, и дневники Розы, ее записи стали одним из основным экспонатов. Французы, и не только, сегодня помнят тихий героизм этой скромной музейной хранительницы, маленькой женщины, благодаря которой и сегодня шедевры искусства возвращаются из небытия к своим владельцам, в государственные музеи и частные собрания... □

Один из самых востребованных актеров отечественного кинематографа Петр Федоров не любит давать интервью — оттого и интерес к его персоне огромный. К сорока годам он успел побывать главным «мажором» отечественных телеэкранов, самым страшным нацистом авторского кино, героем Великой Отечественной, художником-авангардистом и дуэлянтом. Художественное образование позволяет ему легко обнажать на экране не только свое тело, но и душу. Кажется, что он живет каждой из своих киноработ. Ради достоверности Петр готов погружаться в ледяную воду, стрелять из настоящих пистолетов, есть только брокколи и не спать сутками. Про таких говорят: фанатик своей профессии или же актер от Бога.

Петр Федоров

«Я делаю свою работу и не хочу халтурить»

— Петр, вы наследник актерской династии. Отец, дед, двоюродный дед — все актеры. Кажалось бы, ваша судьба предрешена, но после школы вы подали документы в Строгановку.

— Я никогда не хотел быть актером. Мечтал стать художником, поступил в училище. Шарик рисовал с кубом, и все ждал, когда дойдем до обнаженной натуры. А когда это случилось, у нас была такая некрасивая натурщица, что она

стала моим первым демотиватором.
(Смеется.)

**— И как судьба привела вас
в театральный институт?**

— В 1999-м умер папа — рак. Ему было всего тридцать девять лет. Ког-

да нас везли в автобусе на кладбище, ко мне подседа какая-то пожилая женщина и спросила, чем я занимаюсь. Очень удивилась и даже возмутилась, что я не собираюсь продолжать дело отца. Сказала, что мне обязательно надо выучить сти-

хотворение или басню и хотя бы попытаться поступить в театральный вуз. Ее звали Галина Львовна Коновалова, она оказалось актрисой Театра имени Вахтангова. Эта женщина меня буквально загипнотизировала. В итоге, я поступил в «Щуку», стал актером и ни разу об этом не пожалел.

— В мае этого года на экраны вышел фильм «Туда» с вашим участием. Почему нужно посмотреть это кино?

— Это прекрасное роуд-муви. Я в этом фильме играю таксиста, а Ира Старшенбаум — моя пассажирка. Она вызывает такси из Москвы в Уфу. И вот наши герои едут. Он весь такой угрюмый, она вся такая сумасбродная, отношения между ними сразу устанавливаются, правда, несколько натянутые, примерно, как между Шреком и осликом в первом «Шреке». Она к нему пристает со всякой чепухой, он либо молча хмурится, либо язвит. Идиллия в некотором роде. Обязательно посмотрите. Фильм легкий, но не так прост, как кажется. Он не про романтику, а, в первую очередь, про травмы и про то, как важно их прорабатывать посредством поездок на такси по России. Ну да, а что? Вы думаете, почему нынче цены на такси такие «конские»? Там просто дополнительная услуга в стоимость закладывается. А что вы ею не пользуетесь, так это сами виноваты. Впредь имейте в виду. (Смеется).

— А что вы можете сказать о вашей партнерше по фильму, об Ирине Старшенбаум?

— Мы с Ирой очень любим друг друга. Она — настоящий бриллиант. Нет, скорее неограненный алмаз. На ее энергии держится все кино. Ира очень интересный партнер и собеседник.

Кстати, один интересный вопрос: могли бы наши герои быть вместе в реальной жизни? Таксист и актриса? — Не думаю. Здесь же не только разный темперамент, разный образ жизни...

— Куда вы едете, когда на душе тяжело?

— Я очень люблю гулять по Москве. Я родился в центре, на Маяковке. Там прошло все мое детство, отрочество и юность. Я очень люблю гулять в том районе. В центр я всегда езжу не на машине, а хожу пешком. Люблю гулять по набережным Москвы-реки, у меня сразу чувство, как будто живу на острове. Очень люблю свой Пресненский район, люблю ездить к своим друзьям в Южное Бутово и гулять там. Правда, вся эта вырубка лесов и новые застройки мне совсем не нравятся.

— Я недавно пересмотрела фильм «Дуэлянт» с вашим участием. Очень эстетское кино. Расскажите, как проходили съемки?

— Были выстроены фантастические декорации, в Питере перегораживали целые кварталы. На фасады

домов надевали другие, по улицам разбрасывали килотонны торфа, заливали его водой и по всему этому месиву пускали кареты... Увидев первые официальные фотографии со съемок, мама спросила: «Петь, я не понимаю, что вы там снимаете: кино про XIX век или «Матрицу»? Алексей Мизгирев разрушает стереотипы, показывая Петербург того времени не таким, как мы привыкли его представлять: более brutальным, грязным, опасным, пропитанным кровью и ненавистью. Но посреди этого кошмара, как вспышки, являются невероятные, прекрасные женщины, благодаря которым что-то меняется к лучшему.

— Вы стреляли из настоящих дуэльных пистолетов XIX века. Почему не стали использовать реквизит?

— Это особая энергетика, когда держишь дуэльное оружие и думаешь, сколько человек из него было убито. Алексей Юрьевич говорил мне: «Возьми этот пистолет, положи его к себе в карман и походи с ним по городу, чтобы почувствовать силу, энергию этой вещи». Мне нравится тот элемент достоверности, который сейчас возвращается в кинематограф.

— Во время съемок на Баренцевом море вы погружались в ледяную воду. Не думали о дуэблере?

— Нет, это было очень круто. Мы снимали на Кольском полуострове.

Мише Марьянову, нашему пиротехнику, была поставлена задача создать северный SPA (улыбается). Это была сцена, где индейцы заговаривают, врачуют раны моего героя, а он в это время лежит в пространстве между камней, куда заливается вода. Алексей Юрьевич сказал: «Давайте попробуем нагреть одну из этих «ванн» хотя бы немного». Михаил Марьянов поставил какие-то огромные лампы и нагрел воду. Но северная природа взяла свое — водоросли и мох покраснели. Пришлось сместиться чуть-чуть в сторону и нырять в холодную воду. Кадры стоили того. Это такой актерский кайф, когда ты отдаешь всего себя! В такие моменты у тебя стирается грань между реальностью и кино.

— Это правда, что перед пробами вы не спали несколько дней?

— Я не спал почти трое суток. Алексей Юрьевич Мизгирев попросил меня об этом — ему был важен этот накал и красные глаза. Мой герой Яковлев — отставной офицер, участвующий вместо других людей в дуэлях за деньги, смертельно уставший человек. Режиссер хотел, чтобы я физически ощутил это на себе. Я похудел на пятнадцать килограммов, чтобы соответствовать образу героя. Для меня это все не жертвы — я делаю свою работу и не хочу халтурить.

— Какие впечатления от работы с Владимиром Машковым?

— Владимир Львович — человек, бьющий своей энергетикой наотмашь, он буквально цепляет ею, завораживает. Мы не были знакомы с ним до съемок. А когда встретились, он посмотрел на меня так, словно заглянул в душу. В сцене всегда должны быть момент обучения и момент поединка. Мизгирев специально все так выстроил: мы с Машковым ни разу не пересеклись, кроме как в кадре. Он мой антагонист, и мы весь фильм боремся...

— Перед съемками в «Ледоколе» вы встречались с капитаном Родченко, с него списан ваш персонаж. Какой была эта встреча?

— Втайне от Хомерики и от всей съемочной группы я обратился в ассоциацию капитанов и нашел контакты Родченко. Когда мне дали его номер, я понимал, что должен сказать, кто я такой и чего от него хочу. А он мог отреагировать совершенно по-разному, и я очень благодарен Валентину Филипповичу за тот радушный прием, который он мне оказал. Капитан Родченко удостоен звания Героя Советского Союза. Сто тридцать три дня он находился в ледовом плену и мог погибнуть в любой момент. Обстановка на корабле способствовала бунтам и неадекватному человеческому поведению. От его рассказов у меня волосы на голове шевелились, и я понимал, что какие-то эпизоды просто не предназначены для массового зрителя. Валентину Филипповичу на корабле приходи-

лось быть не только капитаном, но и психологом. А он, как любой живой человек, тоже имеет право на собственные страхи. Он потом побеждал их вместе с врачами долгие-долгие годы... Такой дрейф приравнивается к подвигу на войне.

— Где снимали «Ледокол»?

— В Мурманске на ледокольном музее «Ленин», немного в Севастополе и в Питере. Малая съемочная группа летала на острова Франца Иосифа. Я был бы счастлив по-настоящему лечь в дрейф на реальном ледоколе, но такое, конечно, не позволяют продюсеры.

— Любите киноэкспедиции?

— Мне очень нравится путешествовать. В экспедиции можно полностью сконцентрироваться на работе, а после смены прийти к себе в вагончик, выпить сто граммов и пол-

ностью расслабиться. Единственное, я, конечно, безумно скучаю по родным. Из-за такой загрузки получается, что вижу их в общей сложности три-четыре месяца в году.

— Если говорить об эволюции ваших героев: от не самых приятных мажоров («Клуб», «Фобос») к драматическим партиям, как произошел такой скачок?

— Я долго шел к этому. Главное мое везение в том, что я попал в хорошие руки. Мой мастер в вузе, Леонид Марягин, взял меня в свою картину «101-й километр». Я тогда ничего не понимал — и меня многому научили. Мне было семнадцать лет, я очень боялся: на первом курсе — и сразу главная роль. Сериал «Клуб» был моей первой большой телевизионной работой. Телевизор много раз тебя показывает, и ты становишься интересен людям. Поначалу я пре-

«Туда»

бывал в шоке от того количества внимания, которое на меня внезапно обрушилось. Но потом понял, что это кредит доверия от целевой аудитории, и я обязан развиваться, чтобы зрители тоже росли, умнели, интересовались другими картинами.

— Как вы сейчас подходите к выбору ролей?

— Если бы вы видели все сценарии, которые приходят мне на почту! Некоторые даже читать невозможно. Для меня важна личность режиссера, потому что вокруг него все и вертится. Я делаю две работы в год, и никаких пересечений быть не может — иначе лишаешь себя инструментария и вообще сам себя обманываешь. Я предпочитаю погружаться в проект полностью и не отвлекаться на другие вещи. Раньше мне казалось, что история успеха — это история согласий, а оказалось, что в

большей степени это история отказов. Да, иногда может быть «голодная весна», но я держу планку.

— Вам приписывают цитату про отечественную киноиндустрию: «это восемь человек, которые снимают двадцать других человек».

— Ну да, все остальное — сомнительно, спорно или на любителя. Еще есть такие «суперавторские» фильмы, которые в состоянии смотреть только сам создатель. Проблема в отсутствии конкуренции. Это надо менять и хорошо делать свою работу.

— Вы патриот? О Голливуде не мечтаете?

— Патриотизм для меня — это любовь к профессии. Я готов сниматься в Голливуде, если будут интересные предложения, но не готов

там выстраивать свою карьеру. Чтобы туда интегрироваться, нужно много времени. Я столько лет потратил на профессиональный успех в России, что никогда этого не предам. Мы, как грибы, должны расти в своем лесу. Не то что «где родился, там и пригодился», но разобраться в смыслах русской души можно только здесь.

— Вы пробуете себя в режиссуре. Что вам интересно снимать?

— Нам нужна фантастика. В России мало хорошего кино в этом жанре. Фантастику у нас

снимает только Федор Бондарчук. Но откуда взять деньги на съемки? Это главный вопрос для меня. Пока я делаю только клипы для своей группы Race to Space.

— Какое место музыка занимает в вашей жизни?

— Я не знаю, актер я больше или музыкант. В своей группе я играю на клавишных. Как только появляется свободная минутка, бегу в студию. При этом считаю, что самое главное в музыке — выход на сцену. Это первобытный момент. У нас нет никаких компьютеров и ничего цифрового, это абсолютно аналоговая история. Все по-честному, и это непередаваемое ощущение. Я очень люблю клубные концерты, контакт со зрителем.

— Вы говорите о контакте со зрителем, но не играете в театре...

— Я — киноработник. Я люблю театр и, наверное, из любви к нему оберегаю его от себя (Смеется). Выпуск спек-

такля и репетиции по полгода — нет, тогда я не смогу сниматься. Хотя у многих получается это совмещать. Наверное, я двоечник: мне нужно больше времени. Я знаю свой ресурс, и в этом смысле организм не обманешь: он не позволит выдать сто процентов, так как знает, что ему еще завтра работать.

— Мне понравились ваши социальные сети. В них много пейзажей, города, здания, улицы, как будто вы наблюдаете и впитываете этот мир. При этом не так много селфи и чего-то подобного. Большинство актеров относятся к нарциссическому типу личности. Но, похоже, что не вы.

— Признаться, меня порой пугают социальные сети моих коллег. Я — созерцатель. Нет ничего прекраснее нашего мира. Мне кажется, социальные сети для этого и нужны. Что-то увидишь, сфотографируешь, выложишь, и эта фотография куда-то полетела... Себяшки и коммерциализация — не для меня. Мне часто пишут: «Мало тебя». Меня достаточно. Я вообще фантомом должен быть. Венсан Кассель правильно сказал, что меньше надо себя показывать людям.

— Вы говорили, что у вас не хватает времени на чтение, но на интервью пришли с книгой. Что читаете?

— Рассказы Леонида Андреева. Эту книгу я нашел у себя в подъезде.

Кто-то выносит книги из дома, а я таким образом собираю свою библиотеку. Нужно читать, постоянно находиться в развитии. Сейчас собираюсь перечитать классику: Толстого, Достоевского. С годами начинаешь по-другому оценивать их произведения.

— В одном из интервью вы сказали, что настоящий мужчина — это человек поступков. Легко ли быть таким в наш эмансипированный век?

— Сложно быть актером и настоящим мужчиной одновременно. Актер зависим от очень многих факторов, ему трудно сохранить основные мужские качества, и иногда он вынужденно продается. Хотя я вижу массу положительных примеров вокруг себя. Настоящие мужчины никогда не исчезнут. Я не был в ситуациях, когда мне нужно было бы проявить свой героизм. Я скорее трус. Но все зависит от мотивации: ради чего и ради кого совершать героический поступок? Сейчас сложное время — не верят положительным персонажам. Спасать мир я, наверное, не готов. Но ради своей семьи готов на все.

— В интервью вы много говорите о семье. У вас есть семейные традиции?

— Отмечать Новый год всем вместе. Как-то я отмечал главный зимний праздник в одной из азиатских стран и там попытался приготовить оливье, но из этого ничего не вы-

шло: в местных магазинах не оказалось майонеза нужной консистенции. Это был знак! Новый год нужно встречать дома, с семьей! С тех пор я всегда придерживаюсь этого правила.

Каждый год я рисую несколько календарей для членов моей семьи. Сам рисую зверя, год которого наступает, и все числа каждого месяца прописываю. На это уходит очень много времени, но так приятно видеть радость близких. Их улыбки — это лучший подарок для меня.

— А как близкие комментируют фильмы с вашим участием? Вас можно критиковать?

— Моя мама — лучший зритель, я всегда к ней прислушиваюсь. Конечно, если мой герой на экране страдает или, того хуже, умирает, она очень переживает. Но после просмотра мама выдает такие вещи, по которым я понимаю, состоялась работа или нет. Это может не буквально прозвучать, но я почувствую. И самое ценное — наблюдать, когда родные люди, близкие друзья в первых твоих работах воспринимают тебя как Петьку, «нашего Петьку», который вдруг в кино снимается, а потом начинают видеть уже не тебя, а твоего персонажа. Это переломный момент, когда мать видит на экране не своего сына, а его героя. Причем все это без помощи пластического грима или каких-либо накладок с накладными усами. У меня крупные черты лица — мне в этом

смысле труднее работать. Мне с самого начала на это указывали, а я не понимал: ну, брови широкие, да, крупный рот, смуглая кожа... А на самом деле я должен по миллиметрам отмерять эмоции на крупных планах. Чуть пережму — будет выглядеть жутким кривлянием. С этим я тоже учился работать. Природу нельзя осуждать: кому-то в этом плане чуть больше повезло, кому-то меньше, нужно понимать про себя все и уметь распоряжаться своими плюсами и минусами. Меняться, становиться другим, не меняясь внешне, — вот на самом деле высший пилотаж в профессии. Для этого есть определенный инструментарий, но самое главное — энергия: все на ней держится.

— Во время нашей беседы я видела в вас и дуэлянта Яковлева, и капитана Петрова, и других ваших персонажей. Вы всегда погружаетесь в свои киноработы полностью. Легко выходите из образа?

— Иногда ловлю себя на том, что думаю как мой персонаж, говорю как он. Невозможно сразу же переключиться, определить грань, где кончается мой герой и начинаюсь я сам. Но я стараюсь не приносить ничего плохого домой, в семью. Дома я хочу быть Петей Федоровым. Близкие люди, родные, друзья — это те, кто помогает мне оставаться самим собой. □

Беседовала **Наталья Покачалова**

Фото из личного архива

Коба Гаглов пишет о том, что видел своими глазами — и мы предлагаем читателям вспомнить про события 1991 года, произошедшие тогда в Южной Осетии, которые так точно описал в своих очерках-рассказах Коба.

Коба Гаглов

Кодекс воина. «Буруз»

На войне, как и в мирное время, можно увидеть, кого из себя представляет человек на самом деле: подлый остается подлым, а порядочный не теряет свою порядочность и в самой отвратительной грязи по имени «ВОЙНА».

Хочу рассказать маленькую историю, которая произошла в селе Знаур Цхинвалского района.

Жарким летом 1991 года в Цхинвал приехал ополченец из села Знаур и сообщил, что грузинские бандформирования душат оборону ополченцев, нужна срочная помощь.

По городу бросили клич. Добровольцы начали собираться возле горисполкома. Пришло человек 35-40. Нужен был автобус. Кто-то вспомнил, что у ополченца «Буруза» есть в распоряжении новенький автобус ЛАЗ-«ТУРИСТ», и мы поспешили на розыски «Буруза».

Нашли мы его в районе «Царз». «Буруз» был на передовой — дежурил вместе с ребятами из «Царза». Он приехал туда с Капитаном (Цховребов Алан) испытать самодельный переносной ракетный комплекс (ПЗРК). Как только мы рассказали «Бурузу» о сложившейся ситуации и необходимой помощи, он сразу согласился поехать и забрал с собой Капитана, предложив ему испытать ПЗРК (с) по прибытии в село Знаур.

Возле горисполкома к тому времени собралось уже много ополченцев. Сплоченность была невероятной. Автобус «Буруза» был забит до отказа, и мы поехали на помощь. Немало времени занимает дорога до села Знаур из Цхинвала.

В автобусе было тихо — видимо, каждый думал о своем.

Спустя некоторое время звонко и мелодично зазвучали фразы из песни Юрия Лозы «Плот». Сначала мы не поняли, откуда звучит эта песня — оказалось, пел «Буруз». Крутил баранку и пел. Мы были ошарашены, никто не

мог даже подумать, что этот огромный циклоп, с невероятной физической силой, может так красиво петь. Всю дорогу он пел нам песни Муромова и Шевчука. Мы были счастливы как дети и подпевали «Бутузу»...

В Знауре нас встречали местные жители. Женщины плакали. Осмотревшись и поговорив с ополченцами, некоторые из нас выставляли блокпосты и начинали вести наблюдение, другие занимались организацией ночлега и ужином.

К ночи все было ясно. Взвесив все «за» и «против», решили неожиданно, жестоко и молниеносно ударить по противнику. Бой был короткий — 15 минут. Мы даже расстроились. Рассчитывали, минимум, на 2-3 часа адреналина, а пятки противника засверкали очень быстро.

Но натворили мы ужаса немало. Отбили все захваченные территории и дома. Капитан полным ходом испытал свой ПЗРК (с). Лупил по убегающим с оптической точностью, правда, некоторые ракеты не взрывались, но штук 20 точно сработали по цели. Было такое ощущение, что горит даже горная река. Наконец все стихло. Потерь не понесли, ранений тоже не было. Про потери противника не буду писать. Царство им небесное. Они тоже были солдатами...

После хорошего ужина мы сидели у костра. Вдруг на дороге появились ополченцы, которые вели и били какого-то мужчину. Мы переглянулись, и «Бутуз» громко окрикнул идущих:

— Оууу! Что вы там чудите? Кто с вами?

— Тебе какое дело? Ведем пленного грузина на расстрел, — послышалось в ответ.

— На какой расстрел? Пленных же не брали? — удивился «Бутуз». — А ну, стойте!

Мы подошли к толпе. На самом деле вели грузина лет 65–70. За ними шла сгорбленная бабулька с клюкой и умоляла отпустить ее сына.

Мы сначала не понимали, что происходит.

— Что натворил этот старик? В чем вина его? — спросил «Бутуз».

— Это мой сын, — ответила старуха. Мне 92 года. Если вы его убьете, меня некому будет хоронить. Мой сын не боевик. С нашего дома стреляли грузины, потому что он на окраине. Отпустите его. Я — осетинка. Муж мой давно умер, и кроме сына у меня никого нет, — причитала старушка.

«Бутуз» попросил районных ополченцев отпустить старика, но получил отказ в грубой форме.

Старик по-осетински говорил хорошо. Рассказал, что его с матерью выгнали из дома боевики, а сами там засели, и добавил:

— Мы никуда не уходим. Тут могилы наших предков и родственников.

«Бутуз» позвал старшего знаурских ополченцев. Расспросил про семью стариков и, когда убедился, что они мирные жители, подозвал к себе того, кто его в грубой форме послал и сломал ему челюсть.

— Забирай своего сына, мать, — сказал он старушке...

Мы сидели у костра и смотрели на языки пламени. Наверное, все думали об одном: эти языки могут приносить как боль, так и спасение, согреть человека, накормить или сжечь его... «Бутуз» опять запел...

Утром нам сказали, что один из ополченцев все-таки ударил этого старика ножом в спину и сбросил в воду...

У «Бутуза» началась истерика. Он искал негодяя, громко крича на все село, но поиски не увенчались успехом... Все мы были подавлены поступком того ополченца, а «Бутуз» еще долго переживал за ту старушку-мать...

Прошли годы. «Бутуз» погиб. А мне довелось быть на свадьбе в том селе. Уже выпивший, я начал спрашивать про ту старушку. Сказали, что она давно умерла.

— А кто ее похоронил? — поинтересовался я.

— Сын.

— Его же убили! Ударили ножом и скинули в реку!

Он выжил. Его выловили и спасли. А тот, кто его ударил ножом и скинул в реку, сам утонул пьяным в этой же реке.

Я был безмерно счастлив. Захотелось тут же бежать на могилу «Бутуза» и рассказать ему об этом чуде.

И я рассказал... РУХСАГУ, «Бутуз»!

(Рухсагу — загробное пожелание, переводится с осетинского примерно как «да будешь светел, «да будешь в светлом месте». Такими словами сопровождают упоминание о покойном на похоронах и после них. Примерно как у русских говорится «земля пухом»).

Востриков

Алексей Востриков! Командир вертолетной части! Офицер, который остался верен присяге до конца, даже тогда, когда начался развал СССР и про-западные политики в верхушке власти продавали Россию за гроши. Судьба этого офицера переплелась с судьбой поработаемой Южной Осетии в 90-е годы. Он стал одним из нас. Он стал опорой и надеждой в воздухе.

Вертолетная часть — одна из достопримечательностей Южной Осетии 90-х годов. Пожалуй, не найти такого человека, который оборонял респу-

блику, находился в республике в 90-е и не знает Вострикова. Бежавшим в те нелегкие дни, конечно, не понять уважительное произношение этой фамилии ополченцем или простым жителем Цхинвала, которые перенесли все тяготы грузинского террора.

Вертолеты Вострикова перевозили раненых во Владикавказ, доставляли продовольствие и медикаменты в блокадный Цхинвал, одним словом, все было привязано к этой вертолетной части. В 1992 году потерпел катастрофу один вертолет. Погибли семь офицеров и тринадцать мирных жителей, летевших в Цхинвал. В 1991 году, когда город пылал от обстрелов, Востриков дал команду поднять вертолет и обстрелять позиции грузин. Те подбили вертолет, и он совершил аварийную посадку. Был дан приказ поднять второй вертолет и лупить на поражение. Конечно, поднялся такой крик вокруг Вострикова, даже прислали комиссию на разборки. Обвиняли командира в провоцировании войны между Россией и Грузией. Но Востриков всегда был верен присяге. Когда во время проверки вертолетной части из Москвы в стену командного пункта попал грузинский снаряд, а в жилом городке части чудом осталась жива семья инженера эскадрильи после попадания снаряда в квартиру, проверяющие оторопели, но никто из них не рискнул комментировать произошедшее. Тогда Востриков поднял боевой борт, вычислил координаты, откуда велся огонь... Зрелище было не для слабонервных. Одним словом, в воздухе летали даже танки, не говоря о деревьях. «Армия, которая не способна защитить себя, это уже не армия», — говорил Востриков.

В 1992 году, после достигнутых соглашений и наступления перемирия с вводом миротворческих сил, вертолетный полк Вострикова перевели в Россию. Грузины его даже обвинили в том, что он продал вертолеты осетинам.

С теплотой вспоминают жители Южной Осетии полковника Вострикова, который во время отечественной войны народа Южной Осетии каждый день совершал свой маленький подвиг во благо мира, соблюдения конституции и прав человека, на что было наплевать грузинским фашистам с подачи западных партнеров.

«Басмач»

Готовность к смерти — сильное оружие, и ты его однажды примени...

Герои умирают, если нужно, и потому в веках живут они...

Как у рождения любого человека бывает своя красивая или не очень красивая история, так и у смерти...

Я хочу рассказать о красивом рождении одного из величайших воинов Осетии, про его яркую молодость и достойную, героическую смерть.

В 1959 году в семье колхозника из села Теревган Знаурского района Джиева Сослана родился мальчик. Назвали его Владиком. Рос он по всем законам гор: с детства его учили трудолюбию, доброте, отзывчивости, уважению к старшим.

В его родном селе говорили, что на сенокосе за ним никто не успевал. Косил, мол, траву как комбайн. После окончания Теревганской средней школы Владик уехал учиться в Орджоникидзе (Владикавказ) и поступил в строительный техникум.

По окончании техникума был призван в ряды Советской армии. Службу проходил на афганской земле, выполняя свой интернациональный долг. От природы Владик был высокий, огромного телосложения, очень смуглый, за что сослуживцы сразу же прозвали его «Басмач». Он был ранен в боях за афганскую землю. Несколько раз удостоивался боевых орденов и медалей.

С честью исполнив свой интернациональный долг, Владик вернулся на свою родную землю. Начал работать рядовым строителем и дошел до руководителя управления.

В 1989 году жизнь «Басмача», как и у нас всех, в корне изменилась. Кучка грузинских политических ксенофобов начала развязывать войну против Южной Осетии. Для нас всех в этом было много непонятного: живем вместе, трудимся, дружим, и вдруг какая-то дележка территории. С каждым днем обстановка становилась все хуже и хуже. Люди до последнего момента не верили в самое худшее — в войну. Надеялись, что все образуется. Город жил в ожидании.

23 ноября 1989 года несколько тысяч грузин попытались прорваться в город Цхинвал, но на подходе к городу эту толпу остановили несколько осетинских парней. А вскоре подросла вся молодежь Цхинвала. Началось противостояние. Из грузинской толпы были слышны выкрики оскорбительного рода против осетинского народа.

К утру из Тбилиси приехало грузинское руководство, якобы, для проведения мирного митинга в Цхинвале, но, получив отказ, чиновники уехали обратно, уведя за собой эту многотысячную толпу.

Стало ясно, что войны между грузинами и осетинами не избежать. Грузинскими политиками было сделано все, чтобы между двумя братскими народами рекой хлынула кровь. Грузины и осетины невольно оказались по разные стороны баррикад, и началась братоубийственная война.

Как и все, мы тоже взяли за оружие и встали на защиту своих городов и сел. День за днем война нас затягивала на самое грязное дно жизни, все становились другими и морально, и духовно. Как в любой войне, наша тоже родила многих героев, одним из которых был «Басмач» — давал о себе знать афганский опыт. Он воевал грамотно и отчаянно. С ним не страшно было идти в бой. По характеру никто бы не подумал, что «Басмач» может кого-то обидеть, настолько доброй была у него душа.

Но война есть война. У нее свои законы...

Город был в осаде. Ходили самые разные слухи о боевых операциях, проводимых группой «Басмача». Его команда пробиралась в осажденные осетинские села и выводила оттуда население под шквальным огнем.

Но судьба, видимо, недолго была к нему благосклонна. В один из июньских дней шел бой за село Прис. Группа «Басмача» начала вытеснять грузинских боевиков из села. После ожесточенной перестрелки грузины оставили село, но начали занимать высотку над ним.

«Басмач» знал, что, если высотка окажется в руках грузин, осетины в селе будут как на ладони, и предпринял попытку восхождения на высотку с группой из шести человек. Когда он и его ребята оказались на высоте, стало ясно, что грузин гораздо больше. Во время боя «Басмач» послал за подмогой, но грузины никому не давали подняться туда. Завязался неравный бой. Ребята перебежали с одного места на другое, меняя свои позиции, принося друг другу патроны. При попытке поменять позицию «Басмача» тяжело ранили. Боеприпасы были на исходе, и тогда он занял позицию, поставив перед собой пулемет, и начал прикрывать товарищей, которые спускали вниз раненых. Долго не умолкал пулемет «Басмача»... А когда стрельба прекратилась, стало ясно, что его уже нет в живых...

Когда перестрелка стихла, с грузинской стороны начали кричать, чтобы кто-нибудь поднялся и забрал тело «Басмача». Ребята поднялись на высотку и были поражены увиденной картиной: возле «Басмача» на коленях стоял бородатый грузин и, держа руку погибшего, орал: «Грузины, сволочи! Вы же убили моего брата... О, Боже... Я не смою этот грех до конца своей жизни! Я же вместе с вами убил его...» Позже этот грузин объяснил, что с «Басмачом» они служили вместе в Афганистане, и он сразу узнал его. Сказал, что были близкими друзьями, братьями. Попросил сообщить каким-нибудь способом день и время похорон.

Просьбу его мы выполнили... И когда осетины давали прощальный залп на похоронах «Басмача», то со стороны грузин тоже был дан оглушительный прощальный залп.

Боевая, святая навеки афганская дружба...

У Басмача остались две дочери и сын. Вечная ему память!..

Мэлс и Виталик

Они были моими боевыми друзьями! Кочиев Мэлс и Гагиев Виталик! Тренировались карате по картинкам, совершали марш-броски в горы, а по выходным разгружали вагоны на товарной станции. Там и познакомился с Виталиком.

Судьба свела нас после школы на призывном пункте в городе Тбилиси. Из всего призыва только нас троих: меня, Мэлса и Виталика, отобрали в десантные войска. Мэлса и Виталика направили в Лагодехскую учебку, а меня — в Ташкуртан. После армии вновь встретились. Мэлсик и Виталик были не разлей вода. Армия их сроднила. Конечно, я тоже был их другом, но совместная армейская служба сплотила нас еще больше.

Началась война. Грузины зверствовали в незащищенных селах и деревнях, убивая мирных граждан. На помощь к своим подчиненным Мэлсику и Виталику приехал армейский командир взвода Ивахненко Сергей, и они быстро организовали свой маленький спецназ, который выполнял конкретные задачи. Всю войну ребята прошли вместе, героически сражаясь за свободу и независимость Южной Осетии.

Мэлс был гранатометчиком и снайпером, а Виталик таскал на себе АГС и все «причиндалы» для подрывной работы.

Случилось так, что, спеша на помощь в отдаленное село, Виталик погиб — не справился с управлением мотоцикла в горной местности...

После войны совершенно нелепо погиб и Мэлсик, оказавшись неподалеку от каких-то разборок: в него попала мимолетная пуля, оборвавшая жизнь героя-труженика...

Сергей Ивахненко остался жить в Цхинвале и работал в Министерстве обороны. Каждый день он приходил на кладбище, чтобы поклониться могилам своих боевых друзей — Мэлсика и Виталика.

Не выдержало сердце командира. От сердечного приступа не стало и Сереги.

Вечная вам память, Серега, Мэлс и Виталик!.. □

Татьяна Чернякова
Клинический и семейный психолог,
автор проекта Рсв-Тгу,
схема-терапевт

Стрессы и депрессия

В последнее время мы можем слышать довольно часто от друзей и приятелей выражение: «Я в депрессии!» Однако соответствует ли реальности поставленный самому себе «диагноз», который, что немаловажно учесть, входит в перечень психических расстройств? В своем самочувствии, особенно осенью, когда человека может действительно настигнуть, к примеру, сезонная депрессия, мы и попытаемся разобраться, а поможет нам в этом прекрасный специалист, семейный психолог Татьяна Александровна Чернякова.

Как понять, что у вас депрессия?

Прежде всего, следует понимать, что депрессивное расстройство — это клинический диагноз, который относится к группе расстройств аффективного спектра (расстройств настроения). Он представляет собой клиническое состояние, которое характеризуется устойчивым снижением настроения, потерей интереса к жизни, эмоциональным истощением и рядом других симптомов, влияющих на мышление, поведение и физическое состояние человека. Существует классификация форм депрес-

сивного расстройства в зависимости от степени тяжести депрессивных эпизодов, их повторяемости в течение определенного периода времени либо сезонного влияния. Основные симптомы депрессии включают:

- Постоянно сниженное настроение, не зависящее от обстоятельств
- Потерю интереса и удовольствия
- Уменьшение энергии или повышенную утомляемость.

Помимо этого существуют дополнительные симптомы:

- Пониженная самооценка или чувство неуверенности

— Чувство вины или мысли о собственной никчемности

— Повторяющиеся мысли о смерти или суициде

— Нарушения сна (бессонница или чрезмерная сонливость)

— Изменения аппетита или массы тела

— Психомоторные изменения (заторможенность или наоборот возбуждение, беспокойство).

Для диагностики депрессии как клинического диагноза необходимо наличие как минимум двух основных симптомов и двух дополнительных, которые сохраняются не менее двух недель. То есть о любом виде депрессивного расстройства речь идет тогда, когда демонстрируется устойчивое и длительное проявление выше обозначенных симптомов. При этом депрессия существенно влияет на повседневную жизнь и работоспособность человека. Трудности в самообслуживании, в общении с близкими и выполнении рабочих задач приводят к снижению продуктивности и, в конечном итоге, к социальной изоляции. Это состояние затрудняет принятие решений и делает даже простые действия тяжелыми. Качество жизни человека стремительно падает.

Если в течение длительного времени у себя или у близкого человека вы наблюдаете подобную симптоматику «тотального» подавленного настроения, которое сопровождается еще и нарушениями в ежеднев-

ном функционировании и продуктивности, обязательно нужно подумать об обращении за профессиональной помощью.

Есть много различных состояний, которые могут быть восприняты как депрессия, но на самом деле ею не являются. Давайте разберем их.

Апатия — состояние эмоциональной отстраненности, безразличия к окружающему. Человек утрачивает мотивацию и интерес, но при этом не испытывает глубокого чувства грусти или вины. Апатия может носить временный характер и совсем не обязательно влияет на все аспекты жизни.

Хандра (сезонное снижение настроения) — обычно проходит самостоятельно, когда обстоятельства улучшаются, и человек сохраняет способность радоваться разным моментам жизни.

Усталость (в том числе хроническая) — состояние физического и психического истощения, вызванное перенапряжением, стрессом и недосыпанием. В совокупности с другими факторами оно может стать причиной или признаком депрессивного эпизода, но само по себе таковым не является, поскольку усталость исчезает после полноценного отдыха, и даже в случае высокой степени переутомления нет ощущения безысходности и постоянного подавленного настроения.

Острая реакция на стресс отличается кратковременным эмоцио-

нальным истощением, которое возникает в ответ на стрессовые события. Симптомы всегда связаны с конкретной ситуацией (потеря работы, экзамены, конфликт). При этом человек способен активно искать новые решения с учетом складывающихся обстоятельств. При депрессии же присутствует постоянное чувство безысходности.

Выгорание как состояние эмоционального, физического и умственного истощения, вызванного хроническим стрессом, также может быть воспринято как депрессия. Но это не так, поскольку при устранении стрессоров (например, смене работы) выгорание проходит, тогда как депрессия требует длительного лечения вне зависимости от изменения внешних обстоятельств.

Горе или утрата — реакция на потерю близкого человека, работу или на другие значимые события. Человек чувствует грусть, тоску, моральную боль, но это естественные реакции на жизненные события. Они «отражаются» в психике соответствующими негативными эмоциями. В отличие от депрессии, горе связано с конкретной причиной и со временем имеет тенденцию к снижению. Кроме того, человек в состоянии испытывать хотя бы кратковременную радость, соприкасаясь с другими аспектами своей жизни.

Напомню, что каждое из этих состояний при определенных условиях и присутствии дополнительных фак-

торов может в итоге привести к депрессивному расстройству, либо являться одним из его симптомов — но только в совокупности с другими признаками, сами по себе они депрессией не являются. Это добрый знак, поскольку с каждым из этих состояний можно справиться самостоятельно, разобравшись с их первопричиной.

Как отличить депрессию от обычной лени или недостатка мотивации?

Хочется отметить, что лень — это и есть недостаток мотива, своеобразный маркер, позволяющий распознать, что человек пытается насильно заставить себя что-либо сделать. Важно помнить, что на внутреннем насилии не так легко и приятно ехать. А если длительное время не обращать внимание на это насилие над собой, то в конечном итоге оно может привести к неприятным последствиям — и психологическим, и физическим. Гораздо эффективнее бережно относиться к себе, своим желаниям и нежеланиям. Где-то уступить и все-таки сдать проект позже, а где-то договориться с собой, только не через жесткое настаивание, а через мягкие уговоры. Практикуйте быть для самих себя заботливым родителем: нежным, мягким, понимающим. Это эффективный способ договориться с собой, когда обстоятельства того требуют.

ИТАК, КАК ОТЛИЧИТЬ ЛЕНЬ ОТ ДЕПРЕССИИ?

1. В ситуации с нежеланием выполнять задачу, если мы ленимся, обычно нет постоянного чувства грусти и безысходности. Человек прекрасно может занять себя другими, более приятными делами. Возможно, позже это отзовется в нем чувством вины из-за прокрастинации, поэтому все-таки лучшим способом является «договор с самим собой». Но к депрессии эти события и внутренние диалоги не имеют отношения. Усталость носит временный характер и исчезает после отдыха или физической активности. В случае с депрессией усталость носит постоянный характер, сопровождая чувство безысходности.

2. Мотивация сразу устраняет лень, как только появляется какая-то интересная задача или мотив выполнить уже поставленную. При депрессии это невозможно.

3. И главное: не происходит общего снижения функционирования человека в течение дня, только попытка переключиться с менее интересных на более захватывающие дела или обязанности. На физическом уровне отсутствуют значимые изменения, такие как бессонница или гиперсомния, изменения аппетита.

Безусловно, все мы разные. Психика каждого человека уникальна. Кто-то более подвержен тревоге, кто-то более стрессоустойчив. Тем не менее, важно помнить, что главный человек, который всегда рядом и готов поддержать, — это вы сами. Внимательное, заботливое отношение к себе является залогом психического и физического здоровья. Если пока у вас не очень получается быть для себя достаточной поддержкой, если требовательный или обвиняющий критик слишком активен, не беда. Всему можно научиться, всегда есть шанс «подрастить» своего

внутреннего Здорового Взрослого и дать возможность вволю набаловаться внутреннему Счастливому Ребенку. Найдите свой уникальный динамический баланс. Постройте свою картину мира, опираясь только на ваши ценности, мечты и интересы. Вдохновляйтесь теми, кого вы искренне любите. Обменивайтесь радостью, счастьем и признаниями в любви. И соблюдайте самодисциплину: ни дня без приятного момента для себя. Берегите то, что ценно для вас, и будьте счастливы! □

Сайт Татьяны Черняковой: <http://psytry.io>

Наша сегодняшняя героиня — советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в московской школе № 1799, а также талантливый хореограф и режиссер Наталья Рослякова. Она окончила ГИТИС по специальности «режиссура музыкального театра», работала со звездами российской эстрады, но своим призванием считает работу с детьми.

Наталья Рослякова

«Работа
с детьми —
мое призвание»

— Наталья, с детства вы, по вашему признанию, мечтали о сцене — первым шагом к этому стала, наверное, учеба в музыкальной школе? Расскажите, пожалуйста, как вы учились.

— Училась я, в принципе, неплохо. Изначально, как все дети, кто учится в творческих студиях, хотела стать музыкантом, даже композитором — сочиняла детские пьески. Но потом как-то у меня все поменялось на 360 градусов. Хотя музыкальную школу я окончила на 4 и 5. Любимым предметом там бы-

ла специальность — фортепиано, а вот не любимым — почему-то хор.

— Вы участвовали в различных танцевальных проектах и коллективах. После окончания академии танца работали в мюзик-холле как танцовщица и как хореограф, второй режиссер. Какой мюзикл наиболее запомнился и почему?

— Любимый мой мюзикл «Ромео и Джульетта». Я даже ходила к организаторам на кастинг, но не прошла. Как раз после этого мюзикла я твердо решила связать себя с музы-

кальным театром. Почему именно он? Он мне запомнился тем, что был очень новаторским для хореографии того времени, если я не ошибаюсь, это был 2003-2004 год. В нем было все необычно, начиная от образов, которые просил создавать режиссер на сцене, и заканчивая подтанцовками и кордебалетом.. А ведь, как правило, образы создаются только для главных героев, а остальные участники — просто «массовка». Но в этом мюзикле все было по-другому, меня это поразило, и захотелось создать что-то похожее, но свое.

— Длительный период своей творческой биографии вы посвятили работе с детьми и продолжаете это с успехом делать и сейчас. В то же время вы много работали и с взрослыми, сложившимися артистами. В чем лично для вас заключается специфика работы с детьми? Как удается удерживать их внимание, «заставить» полюбить танец?

— Дети, в принципе, ничем не отличаются от взрослых, единственное, у них нет таких «блоков», как у взрослых, поэтому с ними все-таки

проще работать. А заинтересовать их можно только тем, что нужно просто быть с ними на одной волне, но, в то же время, важно держать грань танцевальной дисциплины, балансировать между творчеством и «муштрой». Где-то пережмешь эмоционально или не дожмешь — и все, не добьешься результата. Я всегда говорю, что не умею воспитывать, умею только дружить. Многих ребят это подкупает, и они мне доверяют. Исходя из всего этого, мы и занимаемся.

— В 2014 году вы посетили мастер-классы MDF в районе Италии Реджо де Калабрия. Чем отличается преподавание итальянской школы от русской?

— Начну с того, что нет такого понятия «итальянская школа современного танца». Есть понятия «европейская», «американская» и наша

отечественная. На тот момент наша школа отличалась тем, что в нашей современной хореографии не было такого упора на эмоциональную составляющую, вообще сам танец был другим. А сегодня мы с остальным миром на равных....

— Как пришла идея поступать в ГИТИС, и почему именно на режиссуру музыкального театра?

— Первое образование у меня хореографическое, поэтому ГИТИС стал своего рода повышением квалификации. А если вспоминать... В 2009 году я как танцовщица попала в антрепризный спектакль «Питер Пэн», состоящий из приглашенных актеров театра Сатирикон. Эта работа оказала большое влияние на выбор второго образования, я имею в виду режиссуру. В спектакле из-

начально я была танцовщицей, а потом стала дэнс-капитаном. Это человек, который разучивает танцевальные отрывки, поставленные хореографом с актерами и артистами балета. В 2012 году после проекта с актерами Сатирикона я попала в другой антрепризный проект, «Вы позабудете и Генриэтту», по мотивам пьесы М. Цветаевой «Приключение». И вот там я уже была полноценным театральным хореографом. А между этими проектами было еще несколько антреприз, где я и познакомилась со студентами ГИТИСа, это были музыкальные спектакли, в которых я была помощником режиссера, а иногда даже приходилось быть вторым режиссером.

— Ваша дипломная работа была посвящена музыке Моцар-

та. Почему именно Моцарт? Ведь он кардинально отличается от современных музыкально-танцевальных направлений. И какими приемами вы решали постановку?

— Моцарта я любила всегда, мне очень близка его музыка. Она вроде жизнерадостная, искрящаяся положительными эмоциями, но в то же

время со своей так называемой «темной» стороной. Моя режиссерская работа была посвящена отдельным отрывкам из опер Моцарта, которые исполнили студенты Академии хорошего искусства имени Попова. Место действия — кафе. И зрители становятся свидетелями разных эмоциональных состояний, которые транслируются героями моей постановки. Она называлась «Один день из жизни кафе». Как режиссер, для себя сверхзадачу я видела такой: что было бы, если бы все посетители запели?

— Наталья, в свое время вы отработали как актриса в шоу «Фиксики» и объездили с «Фикси-шоу» полмира. Где знают и принимают наши мультки особенно тепло, какие места и страны запомнились?

В «Фикси-шоу» я проработала около 2-х лет, да, была во многих стра-

нах. Тепло принимают везде, ведь мы играли в основном для русскоговорящей аудитории.

— Можно ли сказать, что работа с детьми — это ваше призвание?

— Да, работа с детьми — действительно мое призвание. Наверное, я бы даже высказалась по-другому — я люблю создавать классные проекты, и хочется дальше этим заниматься. А ребенок — это проект или продукт грамотного обучения и воспитания, но только со своей душой и эмоциями.

— Сейчас вы работаете в школе советником директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. Какой путь был пройден вами и детьми за ваши годы работы в школе? Что собираетесь сделать еще, поделитесь, пожалуйста, вашими планами.

— В школе я работаю 3-й год. Пришла в качестве педагога-организатора. Прошла курс повышения квалификации на советника по воспитанию. Собрала отличную команду с детьми-активистами (ученическое самоуправление), которые общаются и после окончания школы. Некоторые уже ее окончили. В планах, конечно же, развивать Школьный театр и выводить театральные дисциплины на аналогичный уровень со школьными предметами. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

СВЯТОЙ ОТЕЦ

*Ей, Господи, Царю, даруй мне зрети моя
прегрешения и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков.*

Аминь».

(Из молитвы святого преподобного Ефрема Сирина)

Мария вышла из кухни, заглянула в комнату мужа. Отец Андрей что-то писал, сидя за столом. Услышав шаги супруги, отложил авторучку и просительным взглядом посмотрел на нее:

- Прочитала письмо от Сергея?
 - Прочитала.
 - Что пишет брат?
 - Пишет, что заедет в гости. Хочет недельку у нас погостить.
 - Пусть погостит, — согласился отец Андрей.
 - А спать пусть будет в зале, — предложила Мария.
- Отец Андрей кивнул в знак согласия:
- Ладно, пусть спит в зале.

В дверь позвонили, и отец Андрей пошел открывать. На пороге с чемоданом в руках стоял средних лет мужчина, невысокий, в плаще, с растрепанной черной шевелюрой.

— Здравствуй, святой отец! — Мужчина шагнул в квартиру, поставил чемодан на пол, обнял отца Андрея и, крепко сжав руку бабушки, представился:

— Сергей Сергеевич, можно, просто — Серега. Мы люди простые, тихие, не гордые, хоть и с образованием. Показывай, где моя сеструха. Мы же с ней хоть и двоюродные, а в детстве росли как родные, можно

сказать, в одной песочнице выросли, — гость повесил плащ на вешалку, разулся.

Тут из кухни вышла Мария в цветном домашнем халате и переднике.

— Здравствуй, Мария, ты прямо, как шамаханская царица, — расплылся в улыбке Серега. — Твоя красота прямо-таки глаз радует.

— Тоже скажешь, — слегка смутилась хозяйка, подставляя щеку для поцелуя. — Мы тебя с утра ждали, почему задержался?

— Поезд опоздал, — гость пошел за хозяйкой на кухню, — ты же знаешь, как теперь поезда ходят, сплошной бардак. При коммунистах-то порядка больше было. Ну да ладно, ты лучше скажи мне, Маша, сколько лет мы с тобой не виделись?

— Да уж, почитай, лет десять будет, а то и больше.

— Подумал вот, из санатория буду ехать, загляну обязательно к сеструхе на пару дней погостить, родня, она и есть родня. Я считаю, что родственные связи надо поддерживать, на родню-то опереться всегда надежнее, чем на чужих людей.

— Садись, наверное, проголодался в дороге, — пригласила брата за стол Мария.

На кухню вслед за гостем вошел отец Андрей, сел за стол напротив и спросил:

— Как добрались?

— Святой отец, можешь меня на «ты» называть, мы, какие никакие, а родственники, зачем нам официальности разные. А доехал я так себе, у нас же в поездах бардак сплошной, чай не носят, белье сырое, в туалете вонища. В наше родное советское время обслуга-то получше была. Проводники к пассажирам с уважением относились: здрасьте, пожалуйста и все прочее. А теперь все распоясались, три года не прошло, как Союз развалился, и везде уже бардак. И в санатории тоже — никакого порядка. Кормили паршиво. Единственное утешение, в любом ларьке можно бутылочку купить, причем, в любое время суток. Рассказывай, святой отец, как живете в российской стране? В Союзе-то вас зажимали, а теперь, поди, свобода, да, Маруся? — лукаво взглянул он на матушку.

— У нас-то принято батюшкой священника называть или отцом, допустим, — поправила гостя Мария, — это у католиков святыми отцами называют.

— Какая разница, — удивился Сергей Сергеевич, — по мне все одно — батюшка, святой отец, все равно, служитель культа.

— Конечно, свободнее стало, — согласился отец Андрей, — людей стало больше в церковь ходить, многие креститься стали. И пожилые, и молодые.

— Креститься, а зачем? — удивился гость, — А я-то крещеный, ты не в курсе, Мария?

— Тетя Надя тебя крестила, я точно знаю, — кивнула Мария, — она рассказывала моей маме, я слышала.

— Да? А я и не знал, видать, меня мамка тайно меня покрестила, — признался Сергей Сергеевич. — У меня-то батяка атеистом был. Помню, на мать орал, когда брат родился, мол, понесешь крестить, всю вашу церковь вдребезги, напополам разнесу. Сын мой коммунистом будет. Ленинцем. Отец прав был, куда без партбилета сунешься, разве что в дворники. А он хотел, чтобы мы с братом руководителями, начальниками были. Обоих нас выучил, оба институт окончили. И комсомольцами были, куда без комсомола, и в партию вступили, а то кто бы меня начальником цеха поставил? А теперь-то партия не в чести. Но я партбилет все равно оставил, — он гордо похлопал себя по левому карману пиджака, — может, еще наши вернутся...

— Не вернутся, — покачал горловой батюшка.

— Это еще посмотрим, — возразил гость.

Между тем, матушка уже поставила на стол угощения и запотевшую бутылку водки.

— Ну что, святой отец, дернем по маленькой? — предложил гость. — Или вы больше кагором балуетесь?

— На кагоре мы работаем, а пьем водку, — улыбнулся отец Андрей.

— Так это другой разговор! — Сергей Сергеевич взял со стола бутылку и уверенным жестом открыл ее.

Матушка тоже села за стол. Сергей Сергеевич наполнил рюмки, чокнулись, выпили.

Гость закусил соленым огурчиком и похвалил:

— Водочка у тебя знатная, батюшка, наверное, еще от коммунистов осталась? Теперь-то на паленую нарваться, нечего делать. Вот ты, святой отец, раб божий, а я — раб тарелки, пока тарелку всю не опорожню, из-за стола встать не могу. Совесть не позволяет, отец так приучил. Давай по второй, а то у тебя рюмочки что-то очень маленькие, батюшка, — предложил он и, налив всем снова, поднял рюмку: — У меня тост есть, выпьем за то, чтоб у нас все было, и за это нам ничего не было, — выпалил Сергей Сергеевич и громко засмеялся своей шутке. — Я так понимаю, что у вас и так все есть. По тебе, Мария, вижу, что не бедствуете. Ну и правильно, живем один раз, почему бы хорошо не пожить? Святой отец, ты случайно не при кладбище служишь?

— Нет, не при кладбище, — сказала матушка. — Храм наш с полгода, как открыли, а раньше склад был, здесь он, недалеко, квартала за два от нас.

— Печально, покойники-то, они не переводятся, — глубокомысленно отметил гость. — В нашем Белокаменске святой отец, который при кладбище работает, «Волгу» себе недавно купил. Пешком-то недолго ходил. Как его туда на работу определили, так месяца через два на «Волгу» себе и наотпевал, и за крещение тоже платить надо. Ты себе еще не накрестил на «Волгу»? — Сергей Сергеевич с ухмылкой посмотрел на отца Андрея.

— Ну что ты говоришь, Сергей! — воскликнула матушка. — Нам еще храм восстанавливать и восстанавливать. После того как его нам передали, мы больше десяти самосвалов мусора из него вывезли. Отец Андрей у нас и плотник, и каменщик, и подсобный рабочий. Очень много приходится самим делать. Сейчас храм хоть немного в порядок привели. А еще иконостас надо реставрировать и росписи...

— Оно, конечно, прежде чем зарабатывать, что-то и вложить надо, — понимающе кивнул гость. — Вот восстановите храм, а там и денежки к вам потекут. Крестины, отпевания и все прочее...

— Мы бесплатно крестим, люди жертвуют, кто сколько может, — уточнил отец Андрей.

— Был бы толк с вашего крещения, так и заплатить можно.

— Душа человеческая к Богу тянется, вот и идут креститься, — покачал головой отец Андрей.

— А моя душа просится на море съездить, водочки выпить, на красивых тетечек посмотреть, в ресторан сходить....

— Только этого и просит? — удивилась Мария.

— Еще просит за границу куда-нибудь махнуть, но на это пока денег нет. И тебе, святой отец, нечего мне возразить. Конечно, ты красиво бабкам можешь рассказать, что Бог на небе, что всех любить надо. А я в красивые сказки не верю. Помер, тебя землицей присыпали, и будь здоров. Оттуда еще никто не возвращался. Жить на земле надо, пока здоровье есть. Заводик-то наш пока еще государственный, но, говорят, скоро приватизировать будут. Так я думаю, на директора свою кандидатуру выставить. Имею право. Наш директор — ни рыба ни мясо, народ его не уважает. Бывший парторг мне и говорит, валяй, Серега, на директора выставляйся, я тебя поддержу. Ты мужик хваткий, своего не упустишь. Прихватизируем, хозяевами станем, я тогда, пожалуй, «Волгу» себе возьму...

— Хозяином быть — ответственность большая, — заметил отец Андрей.

— Перед кем ответственность? Раньше министерства да главки были, перед ними ответственность была. А если завод мой собственный, перед кем я отвечать должен?

— А рабочие? — спросила Мария.

— Рабочие пусть прибавочную стоимость дают, а не нравится, скатертью дорога!

Тут из соседней комнаты донесся громкий бой часов.

— Где это так ударило? — встрепенулся гость.

— Это часы, — успокоила гостя хозяйка.

— Так у вас часы с боем есть? И много их у вас? Святой отец, покажи!

— Пойдем. — Отец Андрей встал из-за стола и направился в соседнюю комнату, Сергей Сергеевич последовал за ним.

На полу в дальнем углу комнаты стояли массивные часы в корпусе из красного дерева, высотой не менее двух метров, другие часы, немного ниже первых, стояли в другом углу комнаты. Корпуса и тех, и других часов потемнели от времени. На столе, посередине комнаты, стояли несколько небольших часов причудливого вида, и совсем маленькие в буфете напротив дивана. На стене тоже висели часы.

— У вас тут как в кунсткамере, столько часов, — удивился гость. — Это которые сейчас били?

— Вон те, — указал отец Андрей на часы с корпусом из красного дерева. — Эти часы мне от прадеда достались по наследству. Он их с Первой мировой привез как трофей, швейцарские. До сих пор ходят. Правда, скажу вам, я их заводить никому не доверяю. Ходят, надо сказать, точно, всего лишь раз в полгода подводить на пару минут приходится. А те, что в другом углу стоят, те не ходят, сломались, — указал он на часы с корпусом из черного дерева, стоявшие в другом углу комнаты, некогда в ремонт отнести. К тому же, боюсь, что в нашем городе и специалистов таких не найдется, чтобы их починить смогли, не хочется кому попадая отдавать. Эти часы мне по бабушкиной линии по наследству достались, тоже когда-то громко звонили.

— А что, так вот каждый час бьют и звонят?

— Каждый час. Что, громко?

— Да уж неслабо.

— Не все, только трое.

— Должно быть, весело у вас в квартире. То одни звонят, то другие, а как вместе забьют, так, поди, из хаты выскочишь?

— А я и не замечаю, как они бьют, — признался батюшка, — привык, должно быть.

— Значит у тебя, святой отец, страсть к часам?

— Почему страсть? — возразил отец Андрей, — увлечение. Я их со школьной скамьи, можно сказать, собираю. Сам, можно сказать, научился в часовых механизмах разбираться, и некоторые из этих часов сам починил.

— Если честно, я не поклонник всяких там часов и механизмов, — признался гость и направился в кухню. — Я человек конкретный, я руководить умею. То-то меня в директора парторг и пихает. А часы — эка невидаль!

Они вернулись на кухню, сели за стол, и гость снова заговорил:

— Вот ты, святой отец, за крещение ратуешь, а я расскажу вам, как мы детеныша крестили. Лет восемь назад у моего соседа пацанчик родился. Живут они с супругой, горя не знают. А тут теща приехала из деревни и заладила, покрестить, мол, детеныша надо. А дружбану моему это на фиг не надо, к тому же, он партийный был. Пришел он ко мне и говорит, выручай, будь моим кумом, кумой я уже обзавелся. А сам успокаивает меня: «Да ты не переживай, мы понарошку крестины устроим. Тещу дома оставим, пойдем, погуляем, с детенышем все вместе. Потом крестик на пацана нацепим, вернемся домой и скажем, что окрестили». Так и сделали, пошли вчетвером с его пацаненком, — он с супругой, и мы с кумой. Погуляли немного, а когда возвращались, он на детеныша крестик нацепил. Домой пришли, он теще наплел что-то про попа, что, мол, бородатый да строгий. А теща уши развесила и все за правду и приняла. А дружбану моему еще и на мотоцикл денег дала. Ну и что, живет этот пацан и поныне. Как все живет. И ни холодно ему, и ни жарко, оттого, что его понарошку покрестили. Так что наукой о пользе крещения еще ничего не доказано. А еще со мной на курсе парень учился, женился на узбечке, поехал с ней к ее родителям, а те ему говорят, ислам примешь, «Волгу» на свадьбу подарим. Он принял ислам, они не обманули, подарили ему «Волгу». Вот тебе, святой отец, и крещение. Зачем ему крещение? И вообще, где оно, Царствие Божие? Как туда войти? Покажи.

— Нет видимой двери вхождения в Царствие Божие. Господь скрыл это от людей.

— А если бы таковая дверь и была, возле нее уже какой-нибудь ловкач дежурил и за вход деньги брал, — развеселился гость.

— А ты, наверное, атеист, Сергей? — спросил священник.

— Я? Можно сказать и так. Я ж говорю, Бога никто не видел, и я тоже.

— И веришь, что от обезьяны произошел?

— От обезьяны? — почесал затылок Сергей Сергеевич. — Кто его знает? В школе так учили... Наверно, от обезьяны, но только от очень умной, абрамгутанг называется, — гость громко засмеялся своей шутке. — Тебе сколько лет, святой отец?

— Двадцать девять.

— А меня жить учишь, про обезьян вот вспомнил. Давай лучше еще по стопке накатим.

— Поздно, уже, Сергей, — сказала Мария. — Ты, наверное, устал с дороги, я тебе в зале постелила.

— Вот и хорошо, а я пока в ванну схожу, — улыбнулся гость.

....Отец Андрей встал с кровати, вышел в коридор, прислушался. Какая-то странная тишина царила в квартире. Он сразу даже не понял, в чем дело. Прошелся по коридору. И вдруг понял, не хватает тиканья часов. Он осторожно вошел в зал, подошел к одним часам, к другим — они стояли. Все часы стояли! Он не поверил своим глазам и пошел обратно в спальную, глянул на будильник — он показывал четверть четвертого. Затем вернулся в комнату, в которой спал гость. Все коллекционные часы, ранее ходившие, остановились на двух часах, с разницей в несколько минут.

Отец Андрей вернулся в спальню, сел на кровать. Спать он уже больше не мог...

Мария выглянула из спальни в коридор. Отец Андрей, наклонившись, завязывал шнурки на ботинках.

— Ты куда в такую рань, Андрей? — удивилась она.

— На вокзал.

— Зачем?

— Билет гостю куплю на ближайший поезд.

— Но он ведь... он не просил...

— А я его не просил всю мою коллекцию ночью останавливать! — раздраженно процедил отец Андрей, надевая пальто.

— Может быть, они ему мешали спать своим перезвоном?

— Может быть, но это ничего не меняет. Что еще можно ожидать от человека, который произошел от обезьяны, живет как обезьяна, думает как обезьяна, все делает как обезьяна! Как он посмел!..

Матушка внимательно посмотрела в глаза священнику и тихо сказала:

— Гневайтесь и не согрешайте... кому ты сейчас открываешь свое сердце?

Отец Андрей удивленно взглянул на матушку, а она продолжала:

— Должно быть, ты думаешь... мы лучше?

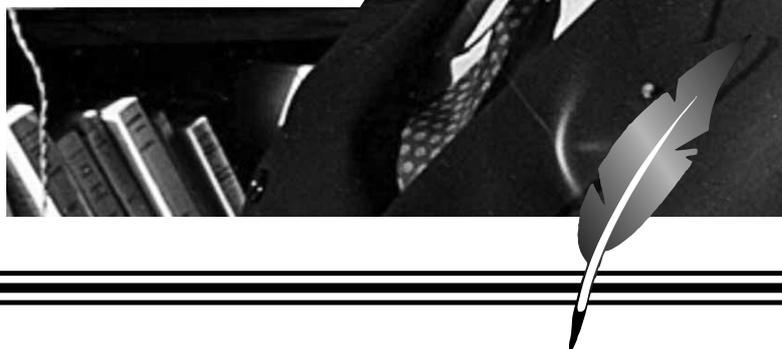
Отец Андрей пожал плечами, вздохнул, виновато опустил глаза, неуклюже потоптался на месте и тихо прошептал:

— Душенька моя, что ты из меня жилы тянешь? Нет от тебя покоя, — раздраженно махнул рукой и медленно начал расстегивать пальто.

Мирный, громкий храп гостя разносился по всей квартире... □

Антуан де Сент-Экзюпери

«Человек
должен
сбыться»

Он всю жизнь летал над Землей, наблюдал за ней с высоты. А потом переносил увиденное и осмысленное в свои удивительные книги. И — погиб над Землей, вылетев летом сорок четвертого в очередной разведывательный полет над Корсикой, из которого ему уже не суждено было вернуться. Не нашли ни его останков, ни обломков самолета. Исчез, словно растворился в небесной голубизне, подобно Маленькому принцу, о котором так проникновенно написал.

Его романтический образ переключался в художественную литературу, которой он, профессиональный летчик и писатель, преданно служил и которую обогатил новыми темами и мотивами. На родине во Франции он еще при жизни сделался легендой, соединив в себе поэтическое видение мира и техническую точность восприятия.

Судьба Экзюпери окружена таинственным флером, полна загадочных моментов, дополняющих его оригинальную во всех смыслах личность. До войны он успел облететь на еще очень несовершенных и опасных самолетах полмира, попадал в тяжелые авиакатастрофы, едва не стоившие ему жизни, возил почту в Дакар и Алжир, прокладывал новые авиамаршруты в горах и над Сахарой в качестве пилота французской авиакомпании, а затем политическим корреспондентом бывал на Испанской войне и в СССР.

Так формировалась его яркая лирико-философская проза — романы «Южный почтовый», «Земля людей», «Ночной полет», «Цитадель», многочисленные эссе и рассказы. Ему был дан дар максимально просто говорить о самых сложных вещах, таких, как любовь, дружба, верность и предательство. Трогательная, глубоко искренняя и в чем-то наивная манера повествования Экзюпери по-прежнему трогает людские сердца, невольно делая читателей его книг чище и лучше.

Биография Экзюпери берет свой отсчет в Лионе, где летом 1900-го в семье обедневшего графа Жана де Сент-Экзюпери и графини Марии де Фонсколомб родился будущий писатель. Он был третьим ребенком, а всего у родителей было пятеро детей. Смерть отца повергла семью в новые финансовые затруднения, но все же Антуану повезло провести детство в родовом замке.

В 14 лет он написал первую сказку «Одиссея цилиндра», а год спустя был отправлен в католическую школу-интернат в Швейцарии, откуда вернулся во Францию, провалившись на экзаменах. Неудача постигла его и при поступлении в Высшее военноморское училище. Однако поднявшись впервые в небо на самолете в 12 лет, он «заболел» авиацией, начал брать частные уроки у опытных летчиков и спустя три года получил летную лицензию.

Поначалу Антуан работал механиком на военном аэродроме, но в 1922 году во время обязательной службы в армии впервые самостоятельно поднялся в воздух пилотом эскадрильи, базировавшейся в Марокко. Да, именно в небе Антуан нашел свое истин-

ное призвание, однако после первой же аварии (а их у него будет немало) угодил в госпиталь с многочисленными переломами черепа, где провёл несколько месяцев. И оказался непригоден к военной службе.

На три года будущий писатель превратился в никому не нужного человека, топящего горе в выпивке и постоянно меняющего случайные места работы. К профессии летчика он вернулся в 1926-м, став почтовым пилотом частной тулузской авиакомпании по маршрутам между Францией, Испанией и Северной Африкой.

Год спустя его назначили начальником аэродрома на мысе Джуби в Сахаре, а через два года — директором отделения компании «Аэропосталь» в Аргентине. Тогда же Экзюпери всерьез взялся за перо, к чему его подтолкнула Консуэло Сунсин, импульсивная, темпераментная латиноамериканка, решившая, что он должен и может поделиться с людьми пережитым и увиденным в небе.

К моменту их встречи ей исполнилось 29 лет, а Экзюпери — 30. Как и Антуан, Консуэло родилась в аристократической семье и, как и он, была личностью творческой: занималась

живописью, скульптурой и... журналистикой. Гордая, обидчивая и простодушная, она стала любовью всей недолгой жизни замечательного прозаика, послужив прототипом удивительной розы с шипами, которую Маленький принц оставил на своей крошечной планете. Он полюбил ее, но она, увы, оказалась капризной, жестокой и высокомерной.

В знаменитом шедевре Экзюпери содержится немало отсылок к образу его обожаемой жены. Например, планета Маленького принца вся усеяна вулканами — намек на латиноамериканское происхождение и очень непростой характер Консуэло. «Мой маленький сальвадорский вулкан» — так нежно называл писатель супругу.

К моменту их встречи она уже была вдовой с двумя браками за плечами. Ее первый муж, мексиканский клерк, погиб вскоре после их развода в результате несчастного случая на железной дороге. Второй — был гватемальским дипломатом, известным писателем и журналистом, Энрико Гомесом Каррильо, скончавшимся от инсульта через 11 месяцев после свадьбы. Консуэло досталось в наследство от мужа крупное состояние, включая резиденцию в Буэнос-Айресе.

В этом городе они и познакомились. Ее пригласили прочесть серию лекций о покойном муже. На приеме она встретила высокого, не очень красивого, но обаятельного французского летчика, возглавлявшего местное отделение европейской авиакомпании, за которым водилась слава заядлого ловеласа. В глазах же об-

щества он имел репутацию отважного пилота, тонкого романтика и возвышенного мыслителя, успевшего опубликовать свой первый успешный роман «Южный почтовый». Между этими двумя вспыхнула любовь с первого взгляда. С приема они ушли вместе и больше не расставались.

Буквально на другой день Антуан едва ли не силой заставил Консуэло совершить с ним воздушную прогулку, а в небе потребовал, чтобы она поцеловала его, в противном случае грозился разбить самолет... Так начались их страстные и порой мучительные отношения. Они доводили друг друга до белого каления, не раз пытались расстаться, но не могли друг без друга. Она была его музой, его ангелом-хранителем и часто запирала мужа в кабинете, чтобы он написал пять-шесть страниц текста, иначе не допускала в спальню. И он охотно принимал эту игру, хоть не отказывался от своего легкомыслия и продолжал заводить случайные связи, глубоко ранившие ее. Однажды, узнав об очередной измене, Консуэло угрожала зарезать его и покончить жизнь самоубийством. При этом ночами сама часто пропадала в барах и имела любовников.

Неизвестно, насколько еще хватило бы у нее терпения, но под конец войны Антуан не вернулся из боевого вылета, и Консуэло овдовела в третий раз, только теперь уже без возможности навещать могилу мужа. Она пережила его на тридцать с лишним лет, скончалась от приступа аст-

мы и опубликовала в 1946 году трогательные мемуары под названием «Воспоминания розы».

Первый роман «Южный почтовый» Экзюпери писал с 1927 по 1929 год, работая начальником промежуточного аэродрома Кап-Джуби на южной границе Марокко (часть той территории принадлежала Франции). Этот причудливый мир и описан в романе. Здесь уже звучат многие важные мотивы творчества писателя. И в первую очередь, тема дружеских связей, соединивших Антуана с его коллегой Жаком Берингом, а также проводится мысль о созидательном порядке, который вносит в мир человек своей деятельностью. Экзистенциальное напряжение повествовательной манеры автора предвосхищает стиль его зрелой лирико-философской прозы.

Эта проникновенная повесть упрочила литературную славу писателя. Причем важно отметить, что и здесь, и в последующих произведениях Экзюпери описывает не только самоотверженный труд летчиков, но и психологию людей, повседневно рискующих жизнью ради долга. А на это накладывается смешанное чувство упоением свободой и опасностью полета.

«Джуби, 1927. Мамочка, я обожаю Сахару. И когда приходится приземляться в пустыне, люблюсь окружающими меня солеными озерами, в которых отражаются дюны. Впрочем, это здорово бесит, когда хочется пить. Чувствую себя великолепно... ваш сын счастлив».

Пустыня оказалась страстью Антуана, и, казалось, она отвечала ему взаимностью. Кочевые племена, населявшие эти края, за отвагу и отзывчивость Экзюпери дали ему почетное прозвище «Капитан птиц». Кочевники приходили к французам за советом, подолгу беседовали с ним в шатре за чашкой чая, спрашивали его мнение о предстоящих браках и конфликтах с соседними племенами. Однажды после продолжительных обсуждений он выкупил у них измученного пленного невольника, даровав тому свободу.

В жилище Антуана нередко заглядывали любопытные газели, случалось, навевался осторожный хамелеон. Особенно трогательной выглядит дружба Экзюпери с пустынной лисичкой, которая с каждым разом подходила к нему все ближе. Именно она послужила прообразом мудрого Лиса из «Маленького принца», владевшего секретом истинной дружбы.

В 1929 году Антуан на полгода вернулся во Францию и подписал договор с престижным издательством Галлимар на семь книг. В следующем году вышла его первая повесть «Южный почтовый». А вслед за ней — роман «Ночной полет» (1931), действие которого относится уже к латиноамериканскому периоду жизни писателя, когда его назначили директором отделения частной французской авиакомпании в Буэнос-Айресе. Годом ранее Экзюпери возвели в кавалеры ордена Почетного легиона за вклад в авиацию. А «Ночной полет», повествующий о мужестве и ответственности

*Антуан
и Консуэло*

почтовых пилотов, которые сталкиваются с суровыми и опасными условиями полетов, удостоился престижной литературной премии Femina.

Для того, чтобы почта из Чили, Патагонии, Парагвая вовремя прибывала в Буэнос-Айрес, почтовым пилотам приходилось лететь ночью над горными хребтами, зачастую в сплошном тумане. И если там их настигала буря или они сбивались с курса, то были обречены. Однако начальник маршрута, непреклонный Ривьер знал, что идти на подобный риск необходимо.

Вместе с ним и страдающей в томительном ожидании мужа женой главного героя романа Фабьена мы с волнением следим за тем, как самолеты Фабьена и двух его товарищей пробиваются сквозь бушующую над горами грозу. Фабьен сбивается с курса, и над ним словно смыкаются вершины Кардильер. Горючего у него остается всего на полчаса, и он понимает, что надежды на спасение нет. И тогда Фабьен поднимает самолет к звездам и ... погибает. Тем не менее, Ривьер, тоже любивший Фабьена, скрывая

отчаяние, с холодной решимостью продолжает свое нужное людям дело и снова отправляет своих пилотов с почтой на Юг.

Это талантливое, экспрессивное произведение упрочило литературную славу писателя, придало ему уверенность в своих силах и вдохнуло новый импульс в его исключительно своеобразное творчество.

О первом полете автора над Пиренеями, о приобщении новичков под руководством опытных пилотов к летному ремеслу, об их смертельной борьбе с «тремя изначальными божествами — горами, морем и бурей» повествует прекрасный сборник эссе «Земля людей», (1939, за который Экзюпери вновь был удостоен ряда литературных премий.

«На рассвете тебе предстояло взять в руки мысли целого народа... И перенести их как сокровища под плащом через тысячи препятствий. Почта, — сказали тебе, — это драгоценность. Она дороже жизни. И она хрупка». Экзюпери свято верил в то, о чем писал. И писал о том, во что свято верил. Вот почему в его произведениях нет ни капли фальши

Впечатляющей чередой проходят перед нами портреты летных друзей Антуана: исчезнувшего в океане Мермоза, потерпевшего крушение на самолете в Андах и чудом выжившего исключительно благодаря своему мужеству и упорству Гийома и других отважных покорителей неба. Нас очаровывают небесные пейзажи, ночевки в пустыне среди кочевников, оази-

сы и призрачные миражи на горизонте песчаного моря. Сильное впечатление производит рассказ о том, как сам автор, затерявшись после аварии самолета в ливийской пустыне, чуть не умер от изнурительной жажды.

И все же сами по себе яркие сюжеты сборника отступают на второй план перед центральной идеей книги: «Один лишь дух, коснувшись глины, творит из нее Человека». Вопреки хору современных писательских голосов о слабостях и пороках людей, Экзюпери вслед за Хемингуэем утверждает, что «человека можно убить, но его нельзя победить». «Ей богу, я такое перенес, что ни одной скотине не под силу!» — гордо восклицает спасенный Гийом.

Несмотря на перенесенные в результате авиакатастроф тяжелые травмы, сильно ухудшившие его здоровье, небо Экзюпери не оставил и после назначения начальником аэродрома в Марокко, а затем — главой отделения компании «Aeropostal» в Буэнос-Айресе. В 1933-34 годах он летчиком-испытателем совершил немало дальних перелетов. Терпел аварии, получал серьезные ранения. В 34-м подал первую заявку на патент новой системы приземления самолета (всего у него было 10 различных авиационных изобретений на уровне научно-технических достижений его времени).

В декабре 1935-го во время длительного перелета из Парижа в Сайгон самолет Экзюпери разбился в Ливийской пустыне. Антуан и его механик Прево чудом уцелели и под па-

лящим солнцем преодолели за трое суток 185 километров, пока их не подобрал проходивший близ Каира торговый караван.

С середины тридцатых писатель работал журналистом. В качестве специального корреспондента газеты «Пари стар» он побывал в Москве, где поднимался в воздух на самом большом тогда самолете «Максим Горький», а затем отправился в раздираемую гражданской войной Испанию, откуда прислал в газету серию фронтовых репортажей. В 1939-м его воз-

годаря своим связям он добился перевода в специальную разведывательную эскадрилью. В мае 1940-го Антуан по заданию командования совершил дерзкий полет к оказавшемуся в тылу наступавших гитлеровских войск французскому городу Аррасу и был награжден военным крестом «За боевые заслуги».

После оккупации Франции писатель перебрался в США, и там в 1942 году вышла его книга «Военный летчик», сразу получившая широкую известность. Пронизанный философ-

Весной 1942 года Антуан получил от крупного американского издательства предложение написать поэтичную и философскую сказку одновременно для детей и взрослых. Ею стал «Маленький принц». Экзюпери писал эту удивительную сказку-послание в тревоге за судьбу своей родины. Он адресовал «Маленького принца» «всем детям, которые когда-то были взрослыми». Работа над сказкой послужила для Экзюпери своеобразной терапией, возможностью высказать сокровенные мысли и чувства, поделиться с читателями своими убеждениями и верой в неизбывную силу добра.

вели в звание офицера ордена Почетного легиона.

Вторая мировая война, с которой ему не суждено было вернуться, стремительно ворвалась в жизнь и творчество Антуана де-Сент Экзюпери, сделала его отважным военным летчиком.

Капитана Экзюпери призвали во французскую армию, но по состоянию здоровья признали пригодным только для наземной службы. Но бла-

скими размышлениями, это — беспристрастный репортаж о событиях одного дня мая 40-го в течение разведывательного полета Антуана к Аррасу.

«Если нас вызывают, значит, мы летим на задание — это ясно. Конец мая. Отступление, разгром. В жертву приносят экипажи, словно стаканом воды пытаются затушить лесной пожар. На всю Францию нас осталось пятьдесят экипажей дальней разведки... по три человека каждый,

из них — 23 в нашей авиагруппе. За три недели из 23 экипажей мы потеряли семнадцать... Майор мрачнеет, потому что эти приказы бессмысленны».

Во время этого разведывательно-го полета экипажа летчиков ждала смерть, причем смерть напрасная, бесполезная, потому что собранные ими сведения уже некому будет передать — связь прервется, Генштаб переместится далеко, и по забитым отступающими частями дорогам к нему не прорвешься. Однако приказ есть приказ, даже такой бессмысленный. И подчиненные отвечают: «Слушаюсь, господин майор!», «Так точно, господин, майор!» Ведь последней в армии исчезает дисциплина.

Суровая и честная книга Экзюпери полна глубоких размышлений автора на пути к Аррасу и обратно посреди рвущихся вокруг зенитных снарядов и пулеметных очередей проносящихся над ним вражеских истребителей...

Той же весной 1942-го Антуан получил от крупного американского издательства предложение написать поэтичную и философскую сказку, одновременно для детей и взрослых. Ею стал «Маленький принц». Экзюпери писал эту удивительную сказку-послание в отрыве от родины и в тревоге за ее судьбу. Он адресовал «Маленького принца» «всем детям, которые когда-то были взрослыми».

История о мальчике-принце с далекой крошечной планеты, который ищет людей и смысл жизни, родилась из горьких размышлений писателя о дружбе, любви и ответственности, об

истинных ценностях и праве человека на выбор. Маленькому принцу не удалось изменить людей, переубедить их, и он покидает этот мир, который ему не подходит. Однако его послание людям скрашивает пессимистический тон истории. Трогательные авторские иллюстрации к книге стали ее неотъемлемой частью, расширяя и углубляя аллегорический смысл сказки, добавляя ей очарования.

Работа над «Маленьким принцем» послужила для Экзюпери своеобразной терапией, возможностью высказать сокровенные мысли и чувства, поделиться с читателями своими убеждениями и верой в неизбывную силу добра. Сразу после выхода в свет книга завоевала огромную популярность во всем мире, оставаясь одной из самых издаваемых и переводимых. Замечательный русский перевод чудесной сказки Экзюпери подарила нашим читателям Нора Галь в 1959 году, продолжая долгие годы редактировать его, доводя до совершенства.

Воодушевленный успехом «Маленького принца», Экзюпери взялся за роман «Цитадель», который остался неоконченным. В 1943-м писатель покинул благословенные берега Америки, прошел курс лечения в Алжире, откуда вернулся в свою авиагруппу, базировавшуюся в Марокко. С разрешением на полеты опять возникли сложности, но поддержка видных деятелей французского Сопротивления помогла Антуану добиться разрешения на пять разведывательных полетов с аэрофотосъемкой коммуника-

ций и войск противника в районе его родного Прованса.

Приближался трагический финал...

Рано утром 31 июля 1944-го он вылетел с аэродрома Борго на Корсике. Его тяжелый двухмоторный истребитель «P-38 Lightning» был оснащен фотокамерой и не имел бортового вооружения, так как целью был сбор информации в преддверии готовившейся высадки союзников на юге Франции. Пилот с задания не вернулся и был признан пропавшим без вести...

В 2000-м году профессиональный дайвер обнаружил на глубине 70 ме-

тров обломки самолета с той же маркировкой, что была на машине Экзюпери, а среди обломков был найден браслет с именами Антуан и Консуэло. Позднее 88-летний бывший пилот «Люфтваффе» заявил, что это именно он сбил в тот роковой день самолет Экзюпери. И, тем не менее, в архивах германских ВВС никаких сведений об этом событии нет. А на поднятых со дна обломках самолета не обнаружено следов пуль. Человек с «планеты Земля», чья жизнь таинственно пронеслась между небом и литературой, втайне ушел от нас в Вечность... □

Владимир Фремо

РУССКИЙ ДУХ...

*Первопроходцу души человеческой,
Русскому Духу, посвящается....*

Он — всевышний поэт России.
И хранитель ее могил.
Он — лицо... и поступь Мессии....
И родник нескончаемых сил.

Он — единое с верой начало,
Православный последний приют!
На Земле ему места мало....
Он Вселенной — священный труд.

И отличный от Бога — на волос:
В нем и твердь.... и сами небеса!
Он России глагольный голос.
И ее голубые... глаза.

Вся бескрайность русского поля.
Мощь! И дерзость суровых рек.
В справедливости: совесть! И воля....
И небесного царства — ковчег.

Он в изгнании — черная бездна.
Поступенная лестница зла....
Он — сознания одурь. И песня!
И вселенский размах крыла.

Он — начало бессмертья России:
И времен! И пространств поворот.

Но вот глаза... уже в большой печали.
Искусанные губы сведены....
Они еще не видели, не знали:
Ни мирный день! Ни поцелуй весны....

Как будто бы следами от картечи
Чернели точки на рябых щеках....
Ах, милые! Войны гражданской дети,
Что поле дикое... в цветущий колосках.

Под сердцем страх животный глубже спрятав!
И ненависть, пытаясь превозмочь,
Училась ты добру под вой снарядов,
Донбасса вольного родная дочь.

Дни счастья в памяти истерлись... и забылись.
Но не жалей! Не смей о том жалеть:
Что юные мечты твои не сбылись....
И дум высоких не сверкала медь.

Все будет по-другому, златовласка!
Пробьют куранты древнего Кремля:
«Ты — дочь России, девочка с Донбасса» —
С поклоном скажет русская земля.

В душе, с годами, поутихнет горе!
Весною — сердце растревожит кровь:
И ты в безоблачном житейском море
Свою найдешь заветную любовь.

И как бы трудно не было порою
В пучине бед неведомых дорог:
Была... и будет как звезда с тобою —
Россия, наша Матушка! И Бог....

Наталья Рыжкова

Расследования поручика Прошина

*(Канун первого, по петровскому
летоисчислению, Нового года)*

Москва бурлила, наполняясь слухами, тут же опровергаемыми новыми, непонятно откуда прилетевшими. Их подхватывали, разносили дальше, правда, с оглядкой, чтобы не сказать лишнего, за что потом спросят в Преображенском приказе. Да так спросят, что рад будешь языка лишиться, но не жизни.

Царский указ о смене календаря и праздновании Нового года по немецкому образцу многих напугал. И шептались люди, что настал «конец света», что бесовские гуляния приведут прямиком в ад. Выстоит ли Русь-матушка под тяжелой рукой молодого правителя? А что характер царя суров, не так давно увидели все. Опомниться не успели после стрелецкого дела, а тут новая напасть.

Но немало было и тех, кто ожидал радости от иноземных забав, кого новшества царя Петра Алексеевича манили к интересным открытиям. А сколько суматохи вызвало требование одеться всем жителям столицы в иноземные одежды: и мужчинам, и женщинам! Да все купить или пошить за десять дней! Сам царь скор был на решения, и от подданных своих ждал немедленного их исполнения.

Вот и гудела Москва, торговые ряды открывались чуть свет, купцы не знали, за что хвататься, товары привозили и увозили почти круглые сутки. А как быть? Ведь потом, когда новые праздники наступят, делами нельзя будет заниматься.

Но в нескончаемой круговерти, нет-нет, да и вспыхивал спор, что ждет Русь, чем закончатся мало кому понятные указы царя-батюшки? И столько тут завязывалось тайных клубков, столько копилось обид, страха и надежд,

что неминуемо должно было прорваться наружу. Но когда и где? И какие страшные тайны откроются на пути к богатому и счастливому году?..

Глава 1

Прапорщик Алексей Прошин бежал по улицам, натываясь на прохожих. Но никто не ругался, напротив, ему уступали дорогу, заметив форму под плащом — почти год так ходили по Москве все, кто имел отношение к Преображенскому приказу. За этот год Алеша привык, что его боятся и сторонятся, хотя и обидно бывало. Но сейчас не до раздумий — опоздай он на перекличку, ему не поздоровится. Но сам виноват: пригрелся с вечера у любовницы, да и остался на ночь. Капитан Преображенского полка Савельев закрывал глаза на некоторые слабости подчиненных, но не простил бы нарушения порядка даже лучшим из них.

Хорошо, что на полпути Алексея посадил в розвальни слуга дворян Зуевых — близкого Прошину семейства. Узнал и довез барчука до приказа, спасая от наказания. Вбежал прапорщик на Потешный двор, успев на построение в последнюю минуту.

Конечно, многие в приказе и на всех трех дворах были в растерянности от царского указа, однако вида не показывали. И сейчас выслушали полковника, распорядившегося о несении службы в праздничные дни, о том, как должны офицеры и приставленные к ним в наряд солдаты следить за порядком, пресекать всякое нарушение, а если таковое все же случится — немедленно разобраться в происшествии и всех виновных доставлять в Главную канцелярию.

Потом капитанам раздали списки караулов на ближайшие дни, и все тринадцать капитанов полка собрали младших офицеров для подробного изучения положений указа.

Алексей хотел пообщаться с товарищами, но его сурово окликнул капитан Савельев:

— Прошин, ко мне немедля!

Направляясь к горнице начальника, поручик лихорадочно думал, что могло вызвать его гнев.

Сев на лавку, Савельев осмотрел Алексея с ног до головы и спросил:

— Ну, сокол ясный, признавайся, что ты натворил?

— Никита Степанович, богом клянусь, ничего за мной нет. Что случилось-то?

Капитан Савельев начинал службу в охотничьем хозяйстве села Преображенского в давние годы, когда туда приехала вдовая царица Наталья Кирилловна с детками. Вместе с ним служил покойный ныне отец Алеша Прошина. Никита Савельев, продвинувшийся по службе после участия

в Азовском походе, поддерживал сироту и способствовал его зачислению в полк.

— Доставили мне записочку от князя-кесаря, — вздохнул Савельев. — Вот уж выдалось утречко доброе! Велено нам с тобой сегодня явиться пред светлые очи самого Федора Юрьевича.

От ужаса Алеша опустил на лавку, не дожидаясь разрешения, перед глазами у него все поплыло. Одно упоминание князя Ромодановского пугало, а приказ предстать перед ним мог сбить с ног даже храбреца, не боящегося ни турецкой сабли, ни разбойничьего кинжала.

— Никита Степанович, я что-то не понял, а куда нам прибыть надо?

— Да в том-то и дело, что в усадьбу князя-кесаря. Я уж голову сломал, зачем мы ему понадобились — невеликие мы с тобой птицы.

Как стемнело, направились капитан Савельев и прапорщик Прошин к усадьбе князя Ромодановского. Чем ближе они подходили к известному всей Москве дому у Каменного моста, тем сильнее терзало их беспокойство. Перед воротами Савельев показал грамоту, и их немедленно пропустили. Один из стражников велел ждать перед крыльцом и ушел в дом. Капитан и Алексей молчали, боясь лишний раз оглянуться. Казалось, прошли часы, но на самом деле едва ли больше десяти минут. Из дома слышались музыка, крики и смех. Распахнулись резные тяжелые двери, и навстречу гостям вышел сам князь-кесарь. Вслед за князем все крыльцо наполнилось людьми, видимо, это были гости — все под хмельком.

На Федоре Юрьевиче была надета соболья шуба — такая в пору самому царю. Шуба нараспашку — шнуры болтались по бокам. Алексею бросился в глаза поверх камзола огромный нож в богатых ножнах. Позади князя музыка и гул нетрезвых голосов раздавались все громче, пока князь не хлопнул в ладоши.

Тут же все стихло, замерло.

— А ну-ка, кто тут у нас? — громко спросил Ромодановский, спускаясь со ступенек и присматриваясь к гостям. Стражник, подобострастно склонившись, что-то ответил хозяину.

— Ага, явились, как приказано: капитан Савельев и прапорщик Прошин. Дайте-ка мне на вас посмотреть! — Ромодановский величественно помянул к себе пришедших.

Они подошли ближе. Никита Степанович толкнул Алешу под ребро, прошептал чуть слышно: «Треуголка!», и оба сняли головные уборы, склонившись перед самым страшным человеком в столице.

— Ну, будет, будет! Лбы не разбейте. Вы не на службе, а в гостях, — хлопнул по плечу Савельева князь. — Скажи-ка, братец, ведь это вы с прапорщиком не так давно раскрыли дело о воровстве в охотничьем хозяйстве?

Никита Степанович не растерялся, и лишь сжатые до побелевших ко-
стяшек пальцы выдавали его страх.

— Точно так, всемилостивейший князь. Но по чести сказать — так это
именно прапорщик Прошин вывел на чистую воду того сына боярского.

С наступлением осени и Главная канцелярия, и Генеральный двор за-
путались в ворохе счетов и иных бумаг, свалившихся из охотничьего хо-
зяйства. Дьяки понимали, что имеет место злоупотребление, но разобрать-
ся в хитросплетениях не смогли. Алеша услышал об этом от капитана —
тот с его отцом когда-то и обустроили хозяйство, заложив весь порядок
его работы. Прошин провел следствие и установил виновных: ими оказа-
лись подьячий, стряпавший на все липовую отчетность, и поставленный
надзирать за ведомством боярский сын. Недоросль, получивший в обход
порядка, установленного царем Петром, хорошую должность, повел себя
на охотничьем подворье как в собственной вотчине. Алеша выслеживал
преступников, собрал доказательства и представил их капитану Савелье-
ву. Тот передал все сведения в Главную канцелярию. Недоросля прогнали
взашей из приказа, и его батюшке пришлось изрядно потрудиться, чтобы
сынок избежал сурового наказания. У подьячего такого покровителя не
нашлось, так что он за воровство и ответил перед судом.

Князь оценил честность капитана и похвалил, что тот не приписывает
себе заслуги подчиненного.

— Я запомнил имя Прошина, потому что он еще в одном деле себя по-
казал, — сказал он и приказал слуге поднести факел ближе к Алеше, что-
бы внимательно рассмотреть прапорщика. — Хм, удалцы в полку, как я
погляжу, — экий красавец! — рассмеялся Ромодановский. — А вот мы
сейчас посмотрим, какие храбрецы в полку царском! Эй, ребята, пригласи-
те к нам Гаврилу Ивановича!

Князь повернулся к гостям, толпящимся на крыльце. Гости радостно
закричали, визгливо завыли дудки, заныли струны лютни. Алеша посмо-
трел на капитана, но тот тоже не понимал, почему все так разошлись.

Слуги побежали к ближайшему сараю и открыли засов. Под привет-
ственный шум толпы во двор шагнул медведь. Вышел он на четырех лапах,
но князь взмахнул палкой, которую ему с ужимками поднес скоморох, и
медведь встал на задние лапы. Огромный зверь прошелся, чуть припрыги-
вая, к капитану и Алеше. За ним, зловеще позвякивая, тащилась цепь. Ро-
модановский отошел к крыльцу, а медведь встал между ним и не на шутку
испуганными Савельевым и Алешей.

— Таков у меня порядок, — громко произнес князь, — любой гость, пре-
жде чем в дом войти, должен принять чарку от Гаврилы Ивановича.

Он вновь махнул рукой, и слуга осторожно поставил медведю на перед-
ние лапы небольшой поднос с чаркой водки.

— Почему зверь не трогает слугу? — побелевшими губами прошептал Алеша капитану.

— Бес его знает! Может, холоп натерся чем-то противным, а может, привык к нему, — тоже шепотом ответил Савельев. — Нам, Алеша, все одно через забаву князя пройти придется. Но я первый пойду. Пусть уж меня порвет — я пожил уже.

— Нет! — решительно проговорил Прошин и выступил вперед.

От внезапного и резкого движения Гаврила Иванович ощерил пасть, дернулся на цепи, но поднос удержал. А Алексей медленно подошел к медведю, принял чарку и, выпив, аккуратно поставил ее обратно на поднос.

— Сюда иди! — позвал его Ромодановский. — Не бойся, Гаврила Иванович приучен — кто водку выпил, того пропускает.

Алеша зажмурился и шагнул к крыльцу. Действительно, зверь его не тронул.

— Ай, молодец, прапорщик! — похвалил князь. — А ведь некоторые улепетывают!

Когда капитан Савельев выпил свою чарку, Гаврилу Ивановича слуги увели обратно в сарай. Ромодановский похлопал гостей по спине, после чего торжественно объявил:

— Теперь вы мои гости! Прошу к столу: ешьте, пейте, чего душа пожелает. — Он повернулся к толпе на крыльце и добавил: — И всем, кто здесь ни есть, оказывать почтение капитану Савельеву и поручику Прошину! А сейчас всем гостям идти в дом!

Пропустив перед собой капитана, Алексей тоже собрался переступить порог, но князь остановил его:

— Погоди, поручик, еще пару слов тебе скажу. — А ведь ты еще по весне отличился — помню, как поймал беглого стрельца. Долго его искали, а нашел ты — видать, способности у тебя к сыску, так и впредь этим заниматься станешь. Скоро начнутся новогодние праздники, ваш полк в караулы пойдет, порядок по Москве охранять. Ты теперь поручик, тебе солдат дадут в подчинение. Доводилось ли тебе какие разговоры против царя слышать, против его указов?

— Так ведь, всемилостивейший князь, люди, как форму нашу увидят, сразу замолкают. Для них хоть солдат, хоть офицер — все мы из Преображенского приказа.

— Боятся? Это хорошо. Пусть боятся. Но ты парень смекалистый, разве нет у тебя шептунов, что на ярмарках да в слободах отираются?

— Есть такие люди, князь, верно рассказываешь.

— Так подряди их, пусть слушают, а тебе докладывают. Не захотят — припугни, заставь. Пойми, поручик, сейчас время такое, ухо надо держать востро. Врагов у царя много, скольких выловили, а сколько еще гуляют да

злоумышляют! Я тебе доверяю, вижу, что государю ты верный слуга. К тому же, праздники начнутся, и сколько возможностей для всяких преступлений появится. Так если вдруг что — велю твоим начальникам тебя направлять для расследований, коль уж справляешься ладно.

— Не подведу, князь, все силы положу, — ответил Алеша.

— Хорошо. Завтра с утра приходи на Генеральный двор — распорядился я, чтобы форму тебе новую подобрали, плащ тоже. И деньги кое-какие — угости товарищей в полку. А сейчас — будь моим гостем, заслужил. После полуночи вас мой возок на Потешный двор отвезет, от Ромодановского гости пешком не уходят!

Глава 2

Утро у Алексея Прошина выдалось хлопотное и для головы болезное. Зато молодого поручика поддерживала мысль о новом звании. Да и встретили его на Генеральном дворе весьма почтительно — не иначе, получили указания от самого князя Ромодановского.

Новый камзол по фигуре подобрали довольно быстро: закройщик с подмастерьями как раз подготовили новую партию. А плащ был даже мехом подбит — пусть не соболя, а простого зайца. Капитан Савельев, с утра лечившийся рассолом, отпустил новоявленного поручика на весь день. Для Алеши это было большой радостью. На Генеральном дворе он задержался дольше, чем полагал, и освободился лишь к полудню. Идти было далеко — в Ордынскую слободу, но весь путь он летел как на крыльях, направляясь к дому дворян Зуевых, где проживали крестная, Мария Ивановна, и ее сын — названный брат Алеши.

Зуевы принадлежали к небогатому дворянскому роду, и у них имелось небольшое поместье под Рязанью. Кроме того, покойный муж Марии Ивановны приобрел в Москве дом еще до свадьбы, который и стал семейным гнездом. После кончины Андрея Артемьевича Зуева вдова смогла удержать имущество до взросления сыночка Матвея.

Алеша побежал к крестной не сразу, а заглянул в торговые ряды, которые славились на всю столицу. Именно сюда приезжали иноземные купцы — так повелось со времен царя Ивана Васильевича. Все, кто хотел приобрести необычную вещицу, шли на Ордынскую ярмарку. Он нашел небольшое зеркальце с витой ручкой — такое дорогое, что начальная цена была ему не по карману. Однако удалось сбросить хоть до немалой, но приемлемой стоимости. Потраченных денег он не жалел — лишь бы порадовать крестную.

Дом Зуевых находился в переулке за церковью. Был он двухэтажным и, хотя деревянным, но крепким. Здесь обитали родные люди, и Алеша не променял бы это тихое гнездо ни на какие расписанные золотом палаты.

Прислуги у Зуевых было немного — всего четверо, но все люди преданные. А бывшая няня названного брата Матвейки нынче состояла при самой Марии Ивановне и почиталась за члена семьи. Именно она встретила гостя в полутемных сенях и запричитала.

— Голубчик наш, Алешенька! Наконец-то Господь над нами смилостивился! Мария Ивановна уж не знает, что делать!

— Погоди, Федотовна, не части. Спокойно скажи, что случилось? Неужто крестная приболела?

— Ох, Алеша, она чуть жива, голубица наша! Ох, испытание нам послано тяжкое!

Прошин прошел на половину крестной. После кончины супруга Мария Ивановна занимала в доме две горницы на втором этаже. Другую часть этажа занимал Матвей, и там же жил Алеша, когда гостил у Зуевых.

Мария Ивановна возлежала на перине, опираясь на подушки. Увидев Алексея, она протянула к нему руки и залилась слезами.

— Родной мой, наконец-то! Алеша, спаситель ты наш!

Алексей бросился к крестной:

— Здравствуй, дорогая! Что случилось, рассказывай скорее, я ничего не понимаю!

— Ох, не знаю, что и сказать! Матвей пропал! Нигде его нет. Поверь, Алешенька, уж куда я только людей не посылала!

— Давно пропал?

— Да уж третий день пошел. Две ночи дома не ночевал и никаких сведений о себе не посылал. Виданное ли дело?

— Может, он в приказе занят? Дел много, он и забыл сообщить.

— Я об этом думала. Вчерашним вечером отправила мужика к приказу — да его и за ворота не пустили! Простоял там до ночи, а ничего не узнал. Алешенька, сходи ты — тебя пропустят и ответят вежливо! И все бы ничего, но ведь что творится на Москве! Страсти какие! Говорят, царь велел всем праздновать что-то, я так и не поняла, и надо быть ночью на площади, да еще одетыми в иноземную одежду! Алеша, не конец ли света настал? Не из-за этого ли Матвей пропал? — Мария Ивановна навзрыд расплакалась.

Ее сын Матвей, двадцати двух лет от роду, в прошлом году окончил Академию. Туда его приняли как отрока, весьма преуспевшего в науках, согласно приказу Петра Алексеевича об обучении юношей боярских и дворянских фамилий. После окончания юношу приняли на службу в Посольский приказ — к гордости родных. В Академии Матвей изучал иностранные языки, и поднаторел в них, преподаватели его хвалили. В приказе юного дворянина тоже оценили, но поначалу придерживали при простых делах. Чаще всего Матвей работал с переводом грамот для посольских миссий. Но так как дворянский сын не только в знании языков был силен, но и об-

ладал приятными манерами, был знаком с обычаями других народов, в последнее время его начали допускать к более серьезным заданиям. Из-за этого названные братья реже стали видаться, а в последний месяц Алеша и вовсе не заставал Матвея, посещая гостеприимный дом Зуевых.

Утешая крестную, Алеша пообещал найти Матвейку и постарался объяснить ей, что указ царя Петра Алексеевича должно исполнять, а всякие сомнительные разговоры оставить, слуг в них не поощрять и пресекать строго.

— Ох, Алешенька, оно, конечно, царю лучше знать, как все должно быть устроено! Но страшно ведь! Я пыталась с Матвеем поговорить — объяснил бы мне, глупой, что к чему. Да что-то с ним произошло, изменился наш мальчик.

Из другого угла светелки раздался стонающий голос няни Федотовны.

— Не иначе как любовь злая поразила сокола нашего ясного-о-о-о!

— Окстись, старая! — махнула платком в ее сторону Мария Ивановна. — Какая еще любовь? Ему о женитьбе, конечно, пора задумываться, так он, как хороший сын, ко мне бы пришел с таким делом-то!

Алеша в этом сильно сомневался, но не стал будоражить и без того расстроенную крестную. Еще раз пообещал из-под земли достать Матвея, вручил подарочек и покинул дом Зуевых. Няня вышла проводить гостя и закрыть за ним двери.

— Федотовна, ежели ты что знаешь, так говори сейчас, — в сенях прошептал Алеша. — Что там за «любовь злая», а?

— Ох, Алешенька, краем глаза видела, как Матвейкушка достал ленточку атласную, голубенькую, а потом, веришь ли, губками к ней прижался и обратно под рубаху спрятал. Боле ничего не знаю, но какая тут причина, коль не сердечная кручина?

— Да-а-а, — растеряно протянул Алеша, — кажется, дело серьезное. Не бойся, Федотовна, я его найду и к крестной приведу. — Он чмокнул старушку в лоб и помчался в Посольский приказ.

В Посольском приказе тоже царила суматоха, вызванная бурной царской деятельностью. Впрочем, суэта всегда была отличительной чертой этой службы, так как дела государственные никогда не останавливались. Во дворе приказа раздавался чужеземный говор тут и там, постоянно приходилось уступать дорогу послам в необычных одеждах и их приближенным.

На входе в галерею, через которую можно было дойти до комнатки Матвея, поручика спросили, кто таков и с каким делом.

— Из Главной канцелярии по секретному делу! — бросил Алеша, и стражники немедленно его пропустили, даже не прося представить грамоту.

В небольшом помещении с низким потолком Матвей Зуев трудился не один, там занимался перепиской документов пожилой подьячий. Алеша

встречался с ним в прошлые приходы в приказ, и надеялся, что тот направит его по следам друга.

Узнав о беспокойстве матушки Зуева, подьячий сам пришел в волнение.

— Так ведь боярин один, что состоит при князе Головине, попросил третьего дня Матвея Андреевича сходить в зимовую станицу донцов. — Он понизил голос, наклонившись ближе к посетителю. — Вы знаете, что у батюшки Петра Алексеевича много дел, он не всегда может... Хм, м-да... А донцы — они обидчивые, нехорошо, если решат, что ими пренебрегают. Вот князь и повелел устроить пир, оказать им честь, м-да. А там и Матвея Андреевича привлекли.

— И где же пир для донцов? — нетерпеливо спросил Алеша.

— Слышал я, что в усадьбе молодого боярина Щербатова. Как ушел туда Матвей Андреевич, с тех пор не видел его.

Поручик вздохнул: столько бегать по столице из края в край — никакие сапоги не выдержат. Хорошо, что усадьба бояр Щербатовых находилась в слободе Белого города — это недалеко от приказа. Но сама слобода являлась самой большой в Москве, именно там располагались богатейшие дома столицы. Некоторые усадьбы достигали размеров с добрый поселок — с огородами, садами и даже, по новым веяниям, с теплицами.

Пришлось Алеше на последние гроши нанимать возок, иначе до темноты мог он не добраться до места пирушки донцов. Но найдет ли он там Матвея?

К его удивлению, ворота усадьбы Щербатовых были распахнуты. Никем не остановленный, Алексей прошел вглубь усадьбы по аллее, которая вывела его на мощный двор перед боярскими хоромами. Заметно было, что гулянье достигло высокого градуса. Двор был заполнен людьми, разодетыми так ярко, что у Алеши в глазах зарябило. Распашные кафтаны донцов, пошитые из лучших камчатых тканей, переливались разными цветами, встречались и полукафтаны, тоже камчатые или бархатные. А уж украшены они были так, что и в Боярской думе не увидишь!

В какой-то момент говор и смех стихли, все дружно повернулись в сторону крыльца. То, что увидел Алеша, настолько поразило его, что лишь мысль о незваном госте в чужом пиру не позволила ему броситься вперед.

Крыльцо перекрывала небольшая деревянная дверь, и к ней спиной прижался пьяный в стельку Матвей Зуев. Его мотало из стороны в сторону, но он, раскинув руки, пытался удержаться. Плаща на нем не было, кафтана тоже, лишь распахнутая рубаха, залитая вином.

Напротив стоял казак, за кушаком которого торчали рукояти ножей. Один из ножей он держал в руке, собираясь метнуть.

— Что, боязно? — завопил Матвейка, в очередной раз едва устояв на ногах. — А говорил, самый меткий!

— А отрок-то ничего, смелый! — рассмеялся бородатый донец, стоявший рядом с Алешей. — Я думал, сробеет. Эх, проспорил деньгу!

— Ты, барчук, не дергайся — сам будешь виноват, ежели покалечу, — спокойно проговорил казак. Что потом произошло, Алеша не понял, потому что во все глаза смотрел на друга, не веря, что перед ним обычно тихий Матвейка.

Кинжалы со свистом полетели, вонзаясь вокруг Матвея один за другим. Донец вытаскивал их из кушака почти незаметным движением. Все закончилось за мгновение. Шесть ножей почти по рукоятку были загнаны в деревянный щит. И лишь один из них зацепил край рукава рубахи молодого человека. Он с трудом выдернул нож, после чего, хохоча, упал на снег.

— Но-но, барчук, еще простудишься, маманька заругает, — подошел к нему казак. Эй, ребята, а ведь москвитянин-то — орел! Слушай, Матвей Андреев, ты теперь мой друг навеки! — Он провел рукой по атласному кафтану, расшитому разными серебряными бляшками, а каждая из нашивок была обмотана нитями крупного жемчуга, размотал две из них — самые длинные, и повесил ожерельями на шею Матвея.

— Держи, брат! От всего сердца дарю.

— Зач-чем мне это? — припав на плечо нового друга, пролепетал Матвей.

— Зазнобе своей подаришь. Перед таким ни одна девка не устоит! — рассмеялся донец.

Алеша подошел к казаку и представился, хотя не знал, разбираются ли донцы в новых чинах Преображенского приказа.

— А, так ты и есть тот самый Прошин! Матвей говорил про тебя. А я — старшина Илья Фомин. Так-то я есаул, да царь Петр Алексеевич повелел атаманам и есаулам в Москве равными быть. Прошу тебя, поручик, к столу. Мы друзьям наших гостей завсегда рады.

— Благодарю тебя, Илья, я бы и готов, только вот обещал крестной доставить сына домой, — ответил Алеша, глядя на сползающего вниз Матвея.

— Да, пить малец еще не научился. Но смел, чертяка! — рассмеялся есаул. — Послушай, поручик, я сейчас кликну человека, он отвезет отрока домой. А у нас правило: один гость за порог — другой его место занимает. Так что садись за стол рядом со мной, будем гулять!

Алеша поклонился в ответ, принимая приглашение есаула, и добавил:

— Только позволь мне с другом парой слов перемолвиться.

— Возок сюда самый лучший! Боярина домой отвезти, куда прикажут! — зычно выкрикнул Фомин.

Алеша встряхнул Матвея, и тот открыл слипающиеся глаза.

— Алеша, друг! Прости меня-я-а-а...

— Ты зачем так напился? Да еще полез под кинжалы? Совсем ума лишился? Что будет с матушкой, коли до нее это дойдет?

— Да-а-а, матушка... — протянул Матвей и неожиданно расплакался. — Алеша, друг, жизнь моя кончена! Нет больше счастья! Только смерть...

— Что ты несешь, дурень?! Какая печаль с тобой приключилась?

— Отняли у меня любовь! Единственную мою-ю-у-у-у...

— Так, становится яснее. Стало быть, ты влюбился?

Матвей опять помотал головой, поднял указательный палец вверх и поднес его к носу друга.

— Н-не влюбился, а полюбил, вот т-так! Один раз — и на всю ж-жзнь. Она — ангел. Но ее отняли-и-и-и... Не быть нам вместе-е-е.

— Ты что, в боярскую дочь влюбился, из знатной семьи?

— Н-н-нет... Из купеческих она, дочь Игната Демина. Я со всей душой — с подарками к отцу, а он меня... Вот, смотри! — Матвей рванул рубаху вверх и показал потемневший синяк на ребрах. — Он меня батогом прочь со двора-а-а. И Танюшу мою запер дома.

— Еще того лучше, с купеческими связался! — вздохнул Алексей. — Ты на него жалобу даже не подашь. Если до суда дойдет, купцы скажут, что ты к нему в дом вломился. Бесполезно и затевать дело.

— Не хочу суда, мне Танюша нужна-а-а-а! Жить не могу без нее! Алешка, а ведь ты можешь потащить этого Демина в Преображенский приказ! Что-нибудь придумаешь, а уж там его припугнут...

— Дай бог тебе, друг, никогда не узнать, как в Преображенском приказе усмиряют. Да и девушка вряд ли счастлива будет такому избавлению из отцовского дома.

— А-а-а, ну да, ну да, — прошептал Матвей, обхватив голову руками. — Тогда мне один конец!

Алеша хотел сказать, что перед Матвеем открывается большая дорога. Что у царя Петра Алексеевича мысли и интересы, связанные с Посольским приказом такие, что только успевай его волю исполнять, а любовь для Матвейки сейчас огромная помеха в делах. Да что с пьяным разговаривать!

Он нашел на снегу кафтан и полушубок Матвея, отряхнул его шапку и заставил друга одеться. На всякий случай забрал жемчуга, подаренные есаулом Фоминым, и положил ожерелья в потайной карман, пришитый к изнанке рубахи на груди — там он прятал свои невеликие ценности.

Когда к ним подъехал возок, запряженный резвым жеребцом, поручик усадил друга, накрыв меховым пологом, сказал кучеру, куда везти, и строго приказал доставить юношу, а не то...

— Что ты, сударь! Я у бояр Щербатовых служу, и мне хозяин велел гостям угождать! Не изволь беспокоиться — довезу и с рук на руки матушке передам!

Алеша стоял во дворе усадьбы, глядя вслед удаляющемуся возку, и не знал, что в ближайшее время ему предстоит столкнуться с загадочными

событиями, затянувшими богатое китайгородское семейство в непредсказуемый и страшный водоворот...

Глава 3

Жители Китай-города славились основательностью во всем не только среди столичных людей, но и среди иноземных гостей. Здесь поколениями жили купеческие семьи, богатея от года к году. А если кто разорялся, то его место немедленно занимал другой торговец, более успешный, готовый подниматься в делах, рисковать и расширяться.

Подражая боярским родам, богатые московские купцы строили в Китай-городе великолепные каменные палаты, не уступающие в добротности знаменитым усадьбам Рюриковичей и Гедиминовичей, но уступавшие, быть может, в изяществе и разного рода украшательствах, на которые купечество не готово было выбрасывать нажитые трудами средства.

Зато щедры были торговцы на дела богоугодные, и Китай-город при царях Романовых засверкал куполами каменных церквей. Каждый приход старался поставить такой храм, чтобы не уступал красотой другим. И приезжали в эти церкви иной раз даже члены царской семьи — к гордости прихожан. А покойная царица Мария Ильинична на праздники посылала щедрые подношения, святые иконы, утварь и облачения для священников.

Московское купечество крепко следило за порядком в слободе, и редко обращалось за помощью к властям, предпочитая не выносить сор из избы. Сами решали, что с найденными виновными делать. Однако после оглашения царского указа о праздновании Нового года без малого столетний негласный договор между Кремлем и торговым сословием начал трещать по швам.

Молодой царь Петр понимал, что не только боярство тяжело поворачивается к новым веяниям, купцы тоже славились приверженностью к вековым устоям. Потому Петр Алексеевич старался поддерживать тех из них, кто проявлял добрую волю, и намекал многозначительно, что у доверяющих царю торговые дела пойдут куда как бойко.

Над Китай-городом повисло ожидание: осторожные купцы меньше стали общаться друг с другом, откровенно высказываясь лишь в семейном кругу. Ждали, как поведут себя соседи, что изменится в последние дни старой жизни в других домах. Осмотрительность, присущая купцам и служившая опорой их благосостояния, не позволяла сломя голову бросаться в не всегда понятные царские искания. Вдруг Петр Алексеевич все еще в игры играет — как в детстве?

Игнат Демин относился как раз к таким купцам, поэтому царский указ выбил его из привычной колеи. В первую очередь, это было связано с тем, что он вел дела с московской епархией, особенно — с Волоцкой обителью. И в

течение зимы торговля оживлялась, потому что касалась артели кортомщиков, у которых это было время подготовки к весенним работам на пахотных монастырских землях. Демин предвидел, что праздники помешают завершению крупной сделки по доставке кортомщикам новых инструментов. А он уже получил часть оплаты и должен был отвезти товар как раз в последние дни месяца. Если артель подаст жалобу, монастырская власть примет ее сторону — так бывало всегда. А судиться с церковью означало ославить себя как ненадежного поставщика... Да и вообще ославить фамилию!

Игнат бродил по усадьбе мрачнее тучи, и домашние старались не попадаться ему на глаза. Поскольку он не мог высказаться дурно о последних предприятиях царя, доставалось тем, на ком можно было сорвать зло. Демин стоял за жизнь по Домострою, и любой отход от его правил был для него горше полыни. А какой тут Домострой, когда в государстве все с ног на голову переворачивается! В свое время купец настороженно принял то, что от имени малолетних царей правила их сестра — девица Софья. Не женское это дело — указы издавать! Вся надежда была на Боярскую думу, там не позволят бабьему умишке лезть в серьезные вопросы. Сам Игнат тогда был молод, но уже набирал вес в купеческом сообществе. Дела его шли так хорошо, что он увеличил состояние деда и отца изрядно, и многие за счастье почитали вести с ним торговлю. Сейчас Игнат находился в зените зрелости и благоденствия: ему сравнялось сорок два года, Господь одарил его высоким ростом, широкими плечами. На здоровье он тоже не жаловался. В прошлом году Демин овдовел, и это было его печалью. За двадцать лет жена родила ему шестерых детей, но в живых осталась лишь одна дочь — семнадцатилетняя Татьяна. Остальные детки умерли в раннем возрасте, так что наследника у него не было. Дочь — отрезанный ломоть, ей Игнат подыскивал жениха, и только обычная для него неторопливость не позволяла сговорить девку, хотя недостатка в желающих породниться с самим Деминым не было. Пока Игнат лишь кормил сватов намеками и водил за нос, присматриваясь к предложениям: дочь хотелось сбыть с рук поскорее, но отдавать приданое абы кому он не намеревался. К тому же терзала его после кончины супруги мысль, что некому дела будет передать — сыночка нет. Сам он уже не успевал следить за порядком в усадьбе. Иными словами, задумался Игнат о женитьбе, не без оснований полагая, что найдет себе жену среди купеческих, стоит лишь в ладоши хлопнуть.

Все эти заботы отодвинули размышления о новом празднике, да еще купец поймал дочку на шашнях с совсем неподходящим молодцом! Неудивительно, что домашние и прислуга прятались по углам, зная крутой нрав хозяина.

С утра Демин побывал в городе, послушал, что говорят, занимался торговыми делами, а после обеда, побродив по дому, набросил старый тулуп

и вышел во двор — проверить, что в усадьбе делается, да голову немного охладить.

В конюшенной части Игнат увидел старого слугу — Семена. Тот занимал у Деминых особое положение: с детства взят был к ним и вырос вместе с Игнатом, почитай, всю жизнь служил трем поколениям купеческого семейства. За то и был одним из немногих, кому Игнат доверял безоговорочно.

Семен проверил, дали ли лошадям корм, а сейчас осматривал сбрую, откладывая часть на починку, он и минуты без дела не проводил.

Игнат присел на завалинку неподалеку и, глядя на закатное небо, сказал: — Видать, завтра снег будет.

— Угу, — ответил Семен, — дороги заметет. Я велел полозья на всех розвальнях почистить, чтобы, значит, готовы были: ежели надо будет, я к кортомщикам добраться смогу.

— Эх, да знать бы, что их старшине говорить! — вздохнул Игнат. — Может, и разрешат товар в праздники возить — должны понимать, что сделки заранее заключаются.

— Ты, Игнат Тимофеевич, погоди кручиниться. Завсегда можно найти возможности. Чай, не темное дело вершишь, свое купеческое слово держишь.

Демин немного помолчал, поглаживая окладистую бороду, потом, словно невзначай, спросил:

— Что среди челяди слышно? Шепчутся ведь по углам. Не приметил ли каких воровских намерений?

— Да знаешь, что опять скажу! — недовольно крякнул Семен. — Не верю я этому Антипке — хоть режь меня. Зачем только Федор его на службу принял? Новый человек в доме, а времена не те, чтобы кого попало пускать.

— Да, у меня тоже на сердце беспокойно, — покачал головой Игнат, — но Федя полагает, что от этого сморчка польза большая — многих в Москве знает, даже в царских палатах у него родственник имеется. Пусть и ничтожный человечек, а все к слухам поближе.

— Федя у нас и сам башковитый, ничего не скажешь, — усмехнулся Семен, — но уж больно легко с людьми сходится. Доверяет не проверенному человеку, а как бы потом худо не вышло.

Федор Василев приходился Игнату шурином, и переехал к нему, когда сестра вышла замуж за Демина. Был он тогда мальчонкой, от сестры не отходил — матушка его скончалась при родах. Первое время Игнат почитал парнишку за пустого нахлебника, но Федя рос смекалистым, а когда вырос, Игнат начал прислушиваться к его советам, оценив, насколько они полезны делу. Кроме того, Федор получил после смерти отца неплохое наследство. Торговое дело Василевых уступало по размаху Демину, но все же представляло собой солидное предприятие.

Игнат не злоупотребил доверием Василевых — наследство шурина использовал в делах с прибылью, и все, до последнего гроша, отдал подростку Федору. В благодарность молодой купец не собирался выводить средства от шурина, стал его советчиком и первым помощником. Обычно суровый Игнат давно забыл, как ворчал, что вынужден взять в дом братца жены. Федор занял место сына и пользовался безграничным доверием купца.

Однако и мнением Семена Игнат Демин не пренебрегал. И вот сейчас — так не вовремя — между верным слугой и первым помощником легла тень несогласия. Впрочем, у самого Игната некоторые слова и поступки шурина вызывали не только недоумение, но и серьезное недовольство.

— Ну а что скажешь о выходке Татьяны? — резко спросил он Семена.

— А что тут скажешь? — пожал тот плечами. — Баба — она завсегда лазейку найдет. Порода их такая — лисья.

— Ну эту блажь я из нее выбью! Ишь, чего удумала — свободно гулять по городищу! Когда такое было, чтобы девки из доброй купеческой семьи по Москве шастали? Да еще и с ухажерами встречались! Конец света — не иначе!

— Да не сама Танюшка до такого додумалась, — покачал головой Семен, — это ее с пути сбивают.

Игнат остановился и сурово посмотрел на слугу:

— Говори, что знаешь! Мне девка ничего не сказала. Я ее даже плеткой отходил — все одно молчит.

— Зря ты так, Игнат Тимофеевич! Жалко Танюшку, — крикнул Семен.

— Жалко ему! А когда невесту по всему Китай-городу ославят, не жалко будет? Я же для нее стараюсь. Если узнают, что она с каким-то голодранцем запросто разговаривала — кто ее замуж возьмет? Скажи правду: если Прасковья потакает этим шалостям, прогоню прочь со двора!

— Нет, напраслину на Прасковью Архиповну возводить не стану, — твердо ответил Семен. — Среди прислуги есть и помоложе, кому Танюша доверяет.

— Да уж, бабья в доме — не сосчитать! Кормишь их, крышу над головой даешь, а они подлостью платят! Тьфу!

Тут из-за угла конюшни выглянула девушка и подошла к Демину и Семину. Одета она была довольно скромно, хотя ее беличий тулупчик знавал лучшие времена, но сидел на фигуре ладно. Теплый платок полностью покрывал голову. Девушка уважительно поклонилась и тихо сказала:

— Хозяин, позволь мне выйти из дому — я получила весточку, что тетюшка проездом в Москве и на ночь остановилась в Китай-городе.

— И надолго ли? — нахмурился Демин.

— Да в соседний проулок — тетюшка лишь гостинец мне отдаст, я сразу же вернусь, и к вечерне с Татьяной Игнатьевной пойду.

— Ладно, беги уж. Калитку просто прикрой, а вернешься — не забудь запереть, — распорядился Игнат, и девушка, поклонившись, поспешила к воротам.

Семен не стал скрывать удивления добротой хозяина.

— Что это ты Лукерью отпустил? А если девка к ухажеру Татьяны побежит? Видел я — она с молодцем каким-то в церкви шепталась, правда, лица его не разглядел, темно было.

— Нет, Лукерья намеренно доказала, что служит честно. Ей я верю. А по поводу молодца — тебе, верно, показалось.

Семен намеревался что-то возразить, но тут ворота усадьбы отворились, и во двор вкатил изящный возок, рассчитанный на кучера и одного ездока. Возница лихо остановил лошадь прямо перед хозяином дома и Семеном. Из возка легко выпрыгнул молодой человек в дорогом камзоле, отороченном мехом. Его возница замер на облучке, ожидая распоряжений. Молодой хозяин посмотрел вслед девушке и негромко спросил Игната:

— Куда это Прасковья собралась на ночь глядя?

— Это Лукерья, а не Прасковья Архиповна, — хмыкнул в бороду Семен. — Хозяин отпустил ее к тетке.

— А-а-а... — равнодушно протянул молодой человек и обратился к Демину: — Ох, еле вырвался из немецкой слободы. Но негоже было отказываться от приглашения.

— Негоже было бы, Федя, службу пропускать! — покачал головой Игнат. — Хорошо, что ты долг православного не забываешь. Немцы — они безбожники и других нороят в грех ввести.

Купцу Василеву исполнилось двадцать пять лет, и был он полной противоположностью Демина: веселым балагуром, добросердечным и открытым. Каким образом эти черты уживались в нем с деловой хваткой и хитростью, никто не понимал, но люди тянулись к нему. Все дочери соседских купцов сохли по красавцу, и каждая мечтала, чтобы он посватался именно к ней. А Федор не спешил обзаводиться семьей: во-первых, он работал с увлечением и много времени проводил в делах и разъездах, а во-вторых, молодец отлично знал себе цену и не собирался принимать навеки нерушимые узы — во всяком случае, пока.

Правда, в последнее время поведение Федора начало беспокоить Демина. Молодой купец радостно приветствовал новшества царя Петра, более того, не скрывал, что полностью разделяет его стремление изменить старый уклад. В доказательство этого сбрил бороду, оставив на лице лишь залихватские усики, и частенько надевал венгерский кафтан. Конечно, в церковь он так не ходил, но все чаще Игнат видел Федора в иноземной одежде. И разговоры его понимал все меньше, поэтому боялся, что семья, да и торговый союз подвергаются страшному искушению. Но тако-

ва была его вера в ум Федора, что, к удивлению многих, терпел строгий купец выходки молодого помощника, — надеялся, что Федя повзрослеет и дурь из головы выкинет.

— Антип, распряги лошадь, возок мне сегодня больше не понадобится, — распорядился Федор.

Кучер немедленно спрыгнул с облучка и поклонился.

— Из-за вашей поездки к немцам поставщик товар привез сюда, а не на склад. Кто теперь будет заносить все в подклеть? Знамо дело, не Антипка — ему недосуг! — пробурчал Семен.

Федор и Демин прошли в дом, где женщины спешно накрывали стол к чаю. В большой столовой пахло свежесдобитой сдобой, от этого запаха у любого потекли бы слюнки. Федор с удовольствием сел за стол, чем вызвал ухмылку Игната: — Что, братец, в немчурной слободке тебя не накормили? Чай, скупы нехристи на угощение? Так поешь от души родных калачей.

— Это верно, немцы такие столы не накрывают, — весело рассмеялся Федор. — Но вином меня потчевали весьма недурным — из одной долины в их землях. Такое и боярам не стыдно предлагать.

— Ох, избавь меня от сказок про их добрые товары! Слово мое прежнее: не стану вести торговлю с иноземцами! Да и как епархия посмотрит, если я с греховодниками дела налажу? Откажутся от наших товаров, и никто в епархии с нами больше торговать не станет.

— Одни откажутся — другие покупатели найдутся, — отмахнулся Федор, отломил кусок посыпанного маком пшеничного калача и спросил: — А где Танюша? Что к чаю не вышла?

При упоминании о дочери Демин насупился.

— Упрямая и неблагодарная девица! Сидит в светлице под замком и выходить отныне будет лишь в церковь. Свободы много получила, и сразу ухажер объявился. Такие теперь времена!

— Ты про того дворянчика Зуева, которого давеча плетью со двора прогнал? Знаешь, а я немного разузнал о нем. В Посольском приказе числится на хорошем счету. Да, небогат, это верно. Но по службе будет хорошо продвигаться — царь образованных людей высоко ценит. Может статься, стоило присмотреться?

— Ты с ума сошел? Чтобы купеческая дочь пошла за голоштанного дворянина?! Да вся их вотчина вполтину меньше наших складов в Китай-городе. И в кармане у него ветер свищет. Хлебом-солью такого женишка прикажешь встречать?

— Ладно, ладно, успокойся! Я же не о свадьбе говорю, а про то, чтобы знакомство с ним свести. Но не хочешь — и не надо. А что Танюша-то?

— Ревет и кочевряжится. По нраву ей этот щегол пришелся.

— Вот как... — протянул Федор. — А если с ней помягче, по-доброму? Возможно, Танюша и послушает отца, если с ней ласково поговорить?

— Других дел у меня нет! Может, еще скоморохов ей пригласить? И нарядов закупить?

— А что? Это хорошая мысль, Игнат! Подари Танюше что-нибудь. Утешь ее, повесели. С женским родом так и надо: лаской да подарками. А ты плетью девушку стегаешь! Ты царский указ помнишь? Велено праздновать Новый год через девять дней. Одеться всем жителям Москвы в европейские наряды и отправляться смотреть потехи с огнями на площади.

— Не бывать этому в моем доме! Ты как хочешь, а я кафтан богомерзкий надевать не стану. Довольно того, что ты индюком разгуливаешь. Нам, честным купцам, все эти потехи с огнями и греховной музыкой ни к чему. Мало того, что плачу налог на бороду и буду платить, так еще недоставало по городу ночами колобродить. Это может плохо сказаться на наших делах. Сам знаешь, каковы людишки: стоит оступить, вмиг разнесут, что купец Демин не выполнил царский указ. Чем это для нас обернется? — Игнат вдруг поперхнулся чаем и закашлялся: — Ох... Фу... Хм... Думаешь, заметят, если меня не будет на площади? Охо-хо... Пожалуй, ты прав. Немало есть таких, что будут рады меня спихнуть с дороги. Федя, что же делать?

— Есть, есть у меня мысли, — кивнул Федор, отодвигая пустое блюдо, — надо еще немного покумекать, но кое-что я уже предпринял... — Он вдруг вскочил из-за стола. — Слышишь, к службе звонят! Пора от дел мирских отрешиться!

По хитрому виду Федора Василева трудно было поверить, что для него когда-либо дела церковные занимали первое место. Но Демин знал, что он все расскажет в свое время, и торопить его бессмысленно.

Глава 4

На следующий день после гулянья с донцами Алеша впервые вышел в караул как офицер — с солдатами, получившими приказ подчиняться поручику безоговорочно. Конечно, это наполняло сердце молодого человека гордостью, хотя прошлый вечер оказался непростым испытанием. От сильного опьянения Прошина спас лишь есаул Илья Фомин, который сразу усвоил, что гостю с утра нести службу. Для казака выступление в карауле оказалось уважительной причиной, и он сумел защитить Алешу от своих товарищей, настаивавших на более активном участии москвитя в возлияниях.

По распоряжению князя Ромодановского караулы преображенцев должны были ходить по всем слободам столицы. Со времени стрелецкого дела хозяин Москвы стал «забывать» о негласных договорах со старшинами слобод о том, что порядок там охраняют своими силами, и постепенно каждая

улица и каждый переулок города перешел под строгий надзор Преображенского приказа.

Алеша со своими солдатами получил для обхода довольно спокойный участок — вдоль купеческих складов Китай-города. Все знали, что купцы так хорошо организовали дружины из своих присных, что редкая шайка осмеливалась покуситься на добро, хранящееся в прочных складах, вытянувшимся вдоль прямого участка Москвы-реки. Но для молодого поручика это не означало, что можно нести караул спустя рукава — Алеша с первого дня в полку привык выполнять свои обязанности добросовестно.

Вскоре после полудня на складах стало тише, привоз и вывоз товаров сократился, а деловые переговоры купцы зачастую вели не на складах — по разным причинам.

Поручик Прошин с подчиненными проходил весь путь между складами и рекой, не только наблюдая за порядком, но и прислушиваясь к разговорам. Конечно, на преображенский караул смотрели не особенно благодушно, но протестовать никто не осмелился. Молодой поручик даже начал скучать, и тут со стороны одного из центральных складов раздались крики, створка ворот распахнулась, и из помещения вылетел человек в овчинном полушубке. Он упал на накатанный полозьями саней снег, но тут же вскочил и помчался обратно на склад.

Алексей подал солдатам знак и сам побежал вперед, доставая саблю из ножен. Прошло не больше минуты, когда поручик ворвался в открытые ворота, но все равно опоздал. Пострадавший в полушубке лежал на полу, неподалеку от входа. Другой молодец в простом зипуне пытался прорваться в лаз задней стены склада, но ему это не удавалось — плотный зипун цеплялся за щепы: из стены были вынуты две широкие доски. Парень оставил попытки проскочить в дыру и подбежал к напарнику, который уже пришел в себя и пытался подняться.

— Э-э-э-х, ушли тати! — воскликнул молодец в зипуне. — Как ты, Федор Иванович? Сильно зашибся?

Он покосился на преображенцев и поклонился поручику.

Алексей представился как положено и спросил, что случилось.

Молодой человек в добром полушубке отряхивался и потирал голову.

— Ох, кажется, не прибили. Антип, помоги шапку найти.

— Не изволь беспокоиться, сударь, у нас все целое: и товар, и косточки! — улыбнулся Антип, проявляя, с точки зрения Алексея, беспечность.

— Мы должны разобраться. Да и воры сбежали — значит, могут вернуться.

— Это вряд ли, — хмыкнул Антип, — я тотчас лаз заделаю, а все остальные доски проверю. Их главаря я хорошенько огрел, так что боле не сунутся.

— Сколько было разбойников? — настаивал поручик, приказав солдатам обойти соседние склады с задней стороны да поспрашивать, не видел кто убегающих. — Чей это склад, и кто вы такие?

— Здесь все принадлежит купцу Игнату Демину. А я его помощник и родственник, Федор Василев. Это наш работник Антип, — указал Федор на парня, принявшегося возиться с досками. — Разбойников было трое. Того, кто похож на главаря, другие называли Васькой Костромой. Наверное, хотели поживиться, думая, что все ушли. Но мы с Антипом остались ждать поставщика — он почему-то задерживается. Так что воры убрались ни с чем, да еще тумачков получили.

— Хм, странно, — покачал головой Алексей, — я могу понять, как они пролезли. Но если воры думали, что здесь никого нет, как они намеривались вытаскивать добро?

— Нам мысли разбойных людишек не ведомы, — пожал плечами Федор. — Наверное, полагали найти тут топор и снести засов на воротах.

— Но со стороны ворот довольно оживленная улица — кто-нибудь их обязательно бы увидел. Могли, конечно, дровни какие-нибудь к лазу подкатить, а сам лаз потом немного расширить. Проверим!

Алеша решительным шагом направился к задней части сарая. Притихший Федор последовал за ним. Рассмотрев снег неподалеку от места проникновения воров, Алексей удовлетворенно кивнул:

— Вот, смотрите: есть следы людей, но никаких следов полозьев и лошадиных копыт!

Снег был изрядно истоптан, и определить, сколько человек тут прошло, возможным не представлялось. А уводили следы в проулки между другими складами и где-то там терялись.

— Не было повозок. Значит, воры намеривались унести добычу в руках. Чем торгует купец Демин?

— Разными товарами. Но сейчас у нас большая поставка инструментов для пахотных работ на монастырских землях.

— Вот как! Стало быть, все тяжелое. Да и кому такой товар сбывать? Перекупщикам краденого ни к чему — одна морока.

— Думаю, сударь, воры ошиблись. Я заметил: они, как оказались внутри, вроде растерялись. Возможно, не только потому, что наткнулись на нас с Антипом, но и потому, что не тот расклад увидели.

— Возможно... Но я все же доложу об этом происшествии.

— Не стоит. Я расскажу нашим старшинам — они охрану усилят. А дела-то нет — ничего не украли, никто не пострадал. Подумаешь — пара синяков.

— Нет, поступлю, как положено. Если понадобится, вас и работника вызовут для уточнения всех обстоятельств. Это уж как начальство мое определит.

— Лады, поручик! Расскажи в приказе, что у нас случилось. Понимаешь, знакомо мне прозвище это — «Кострома». Давно, правда, о нем ничего слышно не было, но разбойник известный. Если он вернулся, то не даст здешним купцам покоя.

Федор повернулся к Антипу:

— Почини стену и подгони мой возок. Помнишь, меня в немецкую слободу пригласили? Мне надо переодеться.

— А как же, Федор Иваныч! К господину Якобу вам ехать. Не опоздаем, я сию минуту тут все залатаю, — весело отозвался Антип, ловко управляясь с досками.

Алексей не стал скрывать удивления.

— Вы не сообщите хозяину о попытке кражи? И не боитесь оставить склад? Конечно, вряд ли воры вернуться сразу после неудачи, но вдруг еще какая шайка в слободе орудует?

— Не думаю — здешние купцы скоры на расправу. Давно ничего подобного не происходило. А Игнату я обязательно все расскажу, не сомневайся, поручик. Правда, сейчас он и так печали большой ложкой хлебает. Не хочу его лишний раз огорчать — он мне как отец.

Алексей усмехнулся про себя, вспомнив о той печали, что доставил богатому купцу Матвейка, и подумал, что, раз привела его судьба в Китай-город, стоит присмотреться к Демину.

— Какому приходу принадлежит ваше семейство? — спросил он Федора, придав себе строгий вид.

— К церкви Троицы Живоначальной, что неподалеку от Святой Варвары — в переулке. А зачем это тебе, сударь?

— Ежели вдруг понадобится что-то еще спросить, — ответил Алеша.

Сдав караул, Прошин доложил капитану Савельеву о происшествии на складах Китай-города. Грызло его какое-то смутное сомнение, что дело не так просто, как кажется.

— Купец говорит, вора называли Васькой Костромой? — удивился Савельев. — Года три ничего о нем не слышали. Слух ходил, что прибили его на Смоленском тракте в заварушке. Хотя мертвым его никто не видел — это верно.

— Так и работник Демина подтверждает слова этого Василева.

— Говорят, Демин — сила в купеческой слободе. Он ведет дела с Московской епархией — сам понимаешь, там не станут с кем попадая сделки заключать. Мыслью я, что прав твой свидетель: перепутали разбойники склады, на кого-то попроще покушались. Но неужто «Кострома» вернулся? Если так — надо шельмеца изловить. Не хватало еще, чтобы он в праздники шалить начал. Доложу нашему полковнику — пусть найдут ста-

рое описание Костромы и раздадут офицерам. А ты иди — отдыхай, пока возможность есть.

— Никита Степанович, одолжите мне немного денег, — опустил глаза, попросил Алеша. — Я все верну.

— Подарочек князя-кесаря уже по ветру пустил? Ох, Алексей, не доведут тебя бабы до добра, — покачал головой Савельев.

Он выдал поручику небольшую сумму и прочитал нотацию о том, что разгульная жизнь ничем хорошим никогда не кончается. Алеша не спорил с начальником — тот все равно не поверил бы, что деньги его офицер не потратил на ерунду, а купил подарок крестной. Да и не любовные утехи сейчас занимали его мысли. Алеша хотел посмотреть на Игната Демина, на его дочь, чтобы понять, как уберечь Матвейку от новых неприятностей. А увидеть разом все семейство китайгородского купца можно было лишь в одном месте — в церкви. И он успел ровнехонько к началу вечерней службы — колокола еще не отзвонили.

Церковь Троицы Живоначальной в Китай-городе славилась не только затейливой архитектурой — тут располагался самый богатый приход слободы. Построили храм по заказу ярославских купцов, но москвичи полюбили его и не поскупились на то, чтобы внутреннее убранство превзошло самое буйное воображение.

Любой, кто видел шествие прихожан к церкви под звон колоколов, ощутил бы чувство полного довольства и покоя. Целыми семействами торговцы не спеша направлялись к великолепному крыльцу. Впереди — отцы и мужья в шубах и меховых шапках, важные, серьезные. Следом — жены, дочери и незамужние сестры, разодетые как на праздник. Впрочем, для них выход в церковь таковым и являлся. Платки купеческих матрон состязались в яркости росписи, да и меховые шапочки могли соперничать с боярскими.

Добравшись до подворья, Прошин старался не привлекать к себе внимание: в Китай-городе чужаков не жаловали. Он занял удобное для наблюдения место неподалеку от главного крыльца в причудливом крытом проходе, ведущем от крыльца к колокольне. Здесь его мог увидеть только звонарь, если бы пошел от колокольни через этот проход, но он старался изо всех сил в сочельник и спустился вниз, видимо, уже после начала службы.

Семейство Игната Демина Алеша рассчитывал узнать по новому знакомцу — Федору Василеву, и это ему удалось.

Сам Игнат Тимофеевич выступал впереди в меховой шубе почти до земли. По его виду Алеша никогда бы не подумал, что купец чем-то обеспокоен. Федор следовал за зятем, лишь немного отставая. Он тоже вырядился в теплую шубу и меховую шапку. Но даже тяжелая одежда не могла скрыть его стати и кошачьей гибкости. Отстав на несколько шагов, за мужчинами брела Танюша Демина. Голова девушки была опущена, и Алексей не смог разглядеть ее ли-

ца. Полушубок явно остался с отрочества, но Таня была небольшого роста и по купеческим меркам худосочна. Молодой поручик почитал в женщинах сочность, потому нашел возлюбленную друга не слишком привлекательной.

Судя по скромной одежде, за Таней Деминой шла челядь, но у Алеши не было времени рассматривать прислугу, так как он стал свидетелем любопытной встречи.

На подходе к церковному крыльцу с Деминым сравнялась маленькая компания. Впереди выступала дородная, очень красивая женщина лет двадцати пяти. Поверх кики у нее был наброшен роскошный платок, по краям расшитый жемчугом, сходящимся вокруг шеи в ожерелья. Шуба, покрытая богато расшитой камчой, сверкала золотыми нитями чуть не до земли. При каждом движении вся одежда шуршала, а украшения заманчиво переливались в сумеречном свете.

Женщина поклонилась знакомым и бархатным голосом пропела:

— Доброго вечера тебе, Игнат Тимофеевич. И тебе, Федор Иванович. Как поживаете? Все ли у вас хорошо?

Игнат приосанился и величаво ответил на поклон:

— Приветствую тебя, Ефросинья Петровна. Мы все здоровы, как видишь, и дела идут своим чередом. Не нужна ли тебе какая помощь по дому или по делам наследственным? Помни, все в Китай-городе за тебя горой встанут.

Женщина опустила глаза и тихо произнесла:

— Благодарствую. Не знаю, что бы я делала без друзей, как бы пережила утрату страшную. Разве что поможет мне Федор Иванович. Куда мне, глупой, в расчетах разбираться. А у меня остались какие-то бумаги — неуплаченные долги супруга, срок истекает, так надо бы решить все, а то люди подумают, что Крякины долги не оплачивают.

— Как не помочь, Ефросиньюшка! — сверкнул белозубой улыбкой Федор. — Я к тебе Антипа пошлю за бумагами, и сам непременно их проверю.

Тут, солидно откашлявшись, в разговор вступил Игнат:

— Что же... Раз траур по твоему досточтимому супругу миновал, может, по-соседски в гости зайдешь? С Татьяной моей чаю попьете, да и я с вами.

Он еще несколько минут поговорил с вдовой, но ни намеком не коснулся самой главной темы в Москве: празднования Нового года по немецкому образцу. С женщинами Демин считал неприличным говорить о таких безрассудных вещах.

Когда служба началась, Алеша проскользнул в храм, отворив тяжелую дверь. На него покосился пожилой служка, но, разглядев офицера, шмыгнул в боковой предел. В храме было тепло, упоительно пахло ладаном и восковыми свечами. В другое время Алеша полюбовался бы красотами, о которых шла молва по всей Москве, но он пробирался ближе к Деминым. В конце

концов ему удалось стать сбоку, отойдя в тень предела от центральной части, и рассмотреть девушку, укравшую сердце Матвейки.

Дочь Демина Господь одарил чудесным ликом: небольшие красные губы оттеняли бело-розовый цвет кожи. Впрочем, сейчас девушка выглядела бледной, и даже декабрьский морозец не оживил нежные щеки румянцем. Но особенно хороши были глаза — Алеше показалось, что они голубые, но в свете множества огней мог обмануться.

Рядом с Татьяной находились две служанки, приставленные к ней отцом. Одна из них, постарше, углубилась в молитву и отрешилась от всего земного. А вот другая, молодая, стреляла темными глазками по сторонам, а то и откровенно вертела головой. Постепенно девица отступала в сторону предела, где стоял Алеша, и, в конце концов, нырнула в глубь его, где горело лишь несколько свечей перед одной из икон. А там уже стоял мужчина — виден был только силуэт в полутьме. Парочка пошепталась недолго, после чего мужчина шагнул в основную часть и растворился в толпе, а девушка тихонько вернулась на место за Татьяной Деминой.

Алексей, замечавший такие мелочи, на которые мало кто обращал внимания, понял, как именно Матвейка смог общаться с дочерью купца — те же служанки могли передавать записочки, а то и содействовать встречам. Но почему Матвейка вдруг ринулся свататься? Он должен был понимать, что богатый купец не встретит его с распростертыми объятьями. С детства Матвейка отличался не только тихим нравом, но и рассудительностью — обычно он не бросался с головой в сомнительные предприятия.

С другой стороны, из своих наблюдений Алеша вывел, что у Деминых нет единства в семье. Да еще история с Федором Василевым показала, что даже ближайший помощник не всем хочет делиться с главой дома, хотя, по его словам, почитает того как отца. Что уж говорить о дочери, тем более, о челяди? Возможно, на то и рассчитывал Матвейка?

Глава 5

После службы прихожане не спешили расходиться по домам, только часть слуг побежала накрывать столы к ужину. Главы семейств прохаживались по подворью, ведя солидные разговоры, а молодежь затеяла в дальней стороне игры в снежки — к неудовольствию служки, который, закрыв двери храма, следил за огнями. Смоляных бочек здесь не жалели, потому на подворье было светло, над ними же можно было и руки обогреть.

Алеша заметил Танюшу Демину, которая осталась стоять на крыльце, безучастно ожидая, когда отец и дядя наговорятся с соседями. Та служанка, что была постарше, подошла к ней и ласково сказала:

— Танюша, не плачь, касатушка! Что-нибудь придумаем.

Дочь Демина вытерла рукавичкой слезу и тихо ответила:

— Ох, Прасковья, что я против батюшки? Даже ты мне не поможешь.

Прасковья что-то хотела сказать, но к ним подбежала черноглазая служанка в ярком платке, что шепталась с мужчиной во время службы.

— Татьяна Игнатьевна, развеселись! Смотри, что у меня есть: леденцы свекольные! Сла-а-адкие! Меня угостили, и ты угостись.

Таня отшатнулась от бойкой девушки и резко отошла к другой части крыльца, сказав служанке:

— Уйди, Лукерья, видеть тебя не хочу!

— Тю-ю-ю, да ты что? — обиделась девушка. — Чего я сделала-то? Долг свой выполнила перед хозяином. Ты леденец-то возьми, да пойдем в снежки играть!

Татьяна молчала, а та, что звалась Прасковьей, схватила служанку за локоть и оттащила ее в сторону.

— Оставь Таню в покое, не видишь — плохо ей! И все из-за тебя.

— Ой, хозяин все одно узнал бы, что дорожку к Татьяне нашел молодец. А что пригож собой и песни складно распевает, так то не великие достоинства. Я поступила как верная служанка, меня Игнат Тимофеевич кормит, а не дочь его. И ты мне не указ! Смотри, донесу, что ты потакаешь Татьяне, так хозяин тебя долой со двора! Думаешь, ежели ты родня ему, то он допустит в доме такое? Тебе бы спасибо сказать, что я промолчала, как ты молодцу помогала. А то барышня тебя подарками одаривает, ты и вообразила, что выше другой челяди.

Прасковья слушала отповедь шустрой девицы молча, рассматривая нахалку с ног до головы. Потом нахмурилась и ответила:

— Ладно, Лукерья, я понимаю, что ты не со зла Игнату Тимофеевичу про Матвея Зуева рассказала. Но не пытайся меня запугать. У тебя тоже свои тайны имеются — не иначе, как дружок завелся! За это хозяин не похвалит.

— Не завидуй, Прасковья! — засмеялась Лукерья. — Мне скрывать нечего. Есть, есть сердечный друг, но я девушка честная, и дело у нас к свадьбе идет. А хозяин возражать не станет, потому как... Кто знает, может, в одном доме служить будем!

— Хорошо, пусть хозяин сам решает, как тебя жаловать. Но не смей брать чужие вещи! — сказала Прасковья. — Думаешь, я не заметила, что ты мой полушубок таскала?

— Ну, прости, что без разрешения твой полушубок взяла, хотела показать, что живу хорошо.

Тут к ним подошел Игнат Демин, рядом с которым шествовали Ефросинья Крякина и Федор Василев. Игнат тут же стал ругать Прасковью:

— Я кому дочь доверил? Понадеялся, что у тебя по возрасту ветер в голове не гуляет. А ты Татьяну бросила, сама застыла как засватанная!

— Я здесь, батюшка, — выступила из-за крыльца Таня, — не ругай Прасковью.

Алеша так и стоял возле закрытых дверей церкви — не хотел быть узнанным Антипом или его хозяином.

А купец, покосившись на красавицу вдову, немного успокоился.

— То-то же, — буркнул он в ответ дочери и повернулся к Ефросинье Крякиной: — Пора по домам, соседushка. Холодает к ночи, тебе бы не застудиться.

Таня спустилась с крыльца, за ней — Прасковья, опустив голову. Федор Василев встал между ними и, обняв за плечи, повел обеих, ласково утешая почему-то Прасковью, а не племянницу. Вслед им смотрела Ефросинья Крякина, и даже в неверном свете ночных огней можно было заметить, что она борется с набежавшими слезами.

Лукерья шмыгнула следом за хозяевами, однако успела любезно поклониться вдове и пожелать той доброй ночи. Купчиха не удостоила девушку взглядом, даже бровью не повела.

Когда семейство Деминых вышло за ворота подворья, к Ефросинье Крякиной подошел Антип и поклонился чуть не до земли.

— Прощения прошу, сударыня, но мне Федор Иванович велел с тобой идти. Сказал, чтобы я взял бумаги и ему передал.

Ефросинья поглядела на слугу поначалу довольно холодно. Но Антип выдержал ее высокомерие достойно, всем видом выражая готовность услужить, и купчиха немного оттаяла.

— Ты, кажется, Федору Ивановичу предан? Знать, он хозяин добрый.

— Каждый день Бога благодарю, что попал на службу к нему! — Антип истово перекрестился, повернувшись лицом к храму. — Что угодно ради Федора Ивановича и его близких сделаю.

— Верные слуги в наше время редкость невиданная. — Вздохнула Ефросинья Крякина. — Мне ли, несчастной вдове, не знать? Но ежели ты таков, как говоришь, возможно, у нас есть общие... интересы. Ступай за мной, я отдам тебе расписки, что от мужа остались. Расскажешь мне кое-что, а я в долгу не останусь.

— Так мне велено тебе угождать, и весь я в твоей власти, сударыня!

Словно из-под земли рядом с купчихой вырос высокий молодец в простом тулупе и овчинной шапке. Это был ее ключник, поставленный на должность еще самим купцом Крякиным незадолго до кончины. После окончания траура он сопровождал почтенную вдову в церковь вместе со служанками. Звали его Иван Кривцов, и славился он тем, что ни с кем из соседской челяди в разговоры не вступал и в трактирах Китай-города ни разу не был замечен.

Алеша, увидев, что Антип последовал за вдовой Крякиной, тоже собрался уходить, однако появление ключника Ефросиньи Крякиной насторожило

молодого поручика. Лицо его — худое чуть ли не до измождения, показалось знакомым. Возможно, если бы тот заговорил, Алексей опознал бы голос, но слуга явно принадлежал к угрюмым молчаливикам — полная противоположность Антипу.

Поручик смотрел вслед прихожанам до тех пор, пока вдали не остались видны лишь слабые огоньки факелов, после чего тряхнул головой и отправился в казарму, надеясь не заплутать в незнакомых улочках ночной столицы.

А семейство Деминых благополучно вернулось в усадьбу. Поднявшись на крыльцо, Таня не пошла в парадный вход, а направилась к своей светелке на втором этаже. Отец демонстративно не обращал на нее внимания, а дядюшка, шептавшийся с Прасковьей, тоже девушку не остановил. За Таней вскоре последовали и Прасковья с Лукерьей — для них наступало время отдыха.

Игната перед крыльцом встретил Семен, пропустивший службу. Старый слуга хромал и пожаловался, что расшибся, не заметив накатанного участка во дворе. Купец отправил его к служанкам, чтобы те позаботились о ране.

— Да как же, Игнат Тимофеевич! Я не весь товар в подклеть убрал. Как совсем стемнело, факелы зажег, но стар становлюсь, зрение уже не то. Что же теперь — товар так и останется лежать?

— Ты, Семен, сам виноват: почему не позвал на подмогу кого-нибудь? — расстроился Игнат. — Не про тебя уже тяжелая работа.

— А кому доверять? Хочешь хорошей работы — делай все сам. А сейчас уже поздно.

— Инструменты для артели на чем лежат? Вряд ли прямо на снегу? — спросил Федор.

— Что ты, Федор Иванович! Как можно? Конечно, я подтянул розвальни к подклети, только потом лошадей распряг.

— Так надо накрыть плотными рогожами товар, что в санях остался, а утром послать работников, чтобы перенесли в подклеть. Ничего страшного, я думаю.

— Думает он, — проворчал Семен, — а непорядок это. Где видано, чтобы дорогой товар во дворе бросать?

— Верно Семен говорит — твоя это вина, Федя, — согласился с работником Игнат. — Ведь ты на складе не дождался поставки, товар сюда поздно привезли. Это все твои поездки в Кукуй! Нельзя такую небрежность проявлять!

— Ваша правда, а моя ошибка, — вздохнул Федор. — Что же, стало быть, сам поднимусь, как рассветет, и прослежу, чтобы все в подклеть

перенесли и разложили как должно. Прости меня, Игнат, больше такого не повторится.

— Ладно, по крайней мере, теперь точно сможем поставку для епархии сделать до начала этих... праздников. Хоть Святки пойдут, но до последнего дня успеем.

Во взгляде Федора заплескалось беспокойство, но Игнат этого не заметил, обратившись к верному слуге:

— А ты, Семен, завтра не выходи, лечись. Ты мне скоро понадобится здоровый. Сам должен понимать — кортомщики за товаром придут, а кому я довериться могу как не тебе?

Таня Демина не ела почти весь день, заливаясь слезами в своей горнице. Потому перед сном Прасковья принесла ей из поварни немного еды, но девушка по-прежнему отказывалась есть.

— Лукерья, ты можешь идти спать, — сказала Прасковья бойкой служанке, которая, напевая, разбирала вещи Тани, раскладывая верхнюю одежду ближе к теплой еще печи.

— Да не хочу я спать, — отмахнулась девушка, а Прасковья и Таня переглянулись.

— Я кому сказала! А то утром тебя не добудишься.

— Чего это? — возмутилась Лукерья. — Я не черная прислуга, а к хозяйской дочери взята, шитью и вышиванию обучена. Мне на рассвете вставать незачем — печку не топить, хлеб не печь.

— А Татьяна раньше тебя должна вставать и за порядком в доме следить?

— Ей положено, — пожала плечами Лукерья, — Татьяна Игнатьевна — будущая хозяйка, ей раньше всех и подниматься.

— Нахалка! — нахмурилась Прасковья. — Хорошо же тебя служить выучили! Вот выйдет Татьяна замуж, а тебя с собой не возьмет в новый дом. Что делать будешь?

— Ха! Всем понятно, к чему дело идет. Скоро быть здесь свадьбе, и в доме появится новая хозяйка. При ней и останусь.

От слов Лукерьи оживилась даже Танюша. Она подняла голову и удивленно посмотрела на Прасковью. Та усмехнулась:

— Ты про Ефросинью Крякину, что ли? Да, Игнат Тимофеевич нынче перед ней гоголем ходил. Только не думай, что Ефросинья Петровна тебе доброй хозяйкой будет, норов, говорят, у нее непростой.

— А я уверена, что все у меня будет хорошо. И Ефросинья Петровна не хуже других.

Самоуверенность девушки казалась удивительной настолько, что Прасковья лишь рукой махнула: что взять с глупенькой Лукерьи.

— Ладно, на том и сговоримся, — вздохнула она, — иди уж к себе, отдыхай.

Лукерья подбежала к Прасковье, чмокнула ее в щеку, выскочила из горницы, а вскоре со стороны небольшого чуланчика послышалось ее пение.

— Ох, дурочка эта Лукерья, — с досадой бросила Прасковья.

— Не такая уж дурочка, — тихо ответила Танюша, — вон как ловко отцу сокола моего Матвеюшку выдала. Думаю, и про Ефросинью Петровну она что-то знает. Зря ты ее считаешь глупой, Лукерья хитрая, а говорит уверенно потому, что сведения имеет верные.

— Ладно, бог с ней, с Лукерьей. Я не хотела, чтобы она слышала, о чем мы с твоим дядюшкой говорили. Он на твоей стороне, касатушка, и хочет помочь.

Впервые за весь день личико Тани оживилось. Глядя на нее, улыбнулась и Прасковья.

— Вот, видишь, тебе и полегчало. Ты сама знаешь, как все хвалят Федора Ивановича. Он обязательно что-нибудь придумает, главное, что он вам с Матвеем сочувствует. Сказал, что вызнал кое-что про молодого Зуева и считает его не такой уж плохой партией.

— Ох, поверить не могу! — Таня прижала ладони к щекам. — Если дядюшка с нами, значит, все будет хорошо. Вдруг он и батюшку убедит?

— Это сомнительно. Но мы что-нибудь придумаем. Я постараюсь как можно скорее сбегать к Матвею. Игнат Тимофеевич будет занят с товаром, а я выберу момент и сбегаю — никто не узнает.

— А Лукерья? Она заметит, что тебя долго нет, и донесет отцу.

— Я ей разрешила брать свой беличий тулуп, что твоя матушка подарила. Почему-то он ей нравится — так пусть берет. А сама ее овчинку поношу. А если я ей тулуп отдам, то и вовсе промолчит, Лукерья свой интерес знает.

Танюша обняла Прасковью и заплакала, но уже не от неизбывного горя, а от добрых чувств.

— Ох, Параша, что бы я без тебя делала? Благослови тебя Господь за доброту! После смерти матушки одна ты мне дома отрада.

— Ну-ну, касатушка моя! — Прасковья сама с трудом сдерживала слезы. — Не сложилась у меня судьба, отняла любимого мужа и деточек. Так пусть тебе счастье будет, и я рядом согреюсь. Вижу, что Матвей Зуев — добрый и честный человек. И тебя полюбил от всего сердца. Ложись спать, голубка, а завтра, глядишь, и тучи рассеются.

Спящий дом нарушали лишь ночные шорохи: то коты шмыгали в сенях за мышами, то ночной ветерок пролетал под крышей, задувая поземку в рундук и перебрасывая снег через перила. Со стороны забора время от

времени мелькали огоньки слюдяных фонарей обходящих дозором усадьбу сторожей. Снеговые облака добрались до Москвы, и повалил снег.

В сенях на втором этаже скрипнула дверь, и показалась женская фигура. Поначалу женщина стояла возле стены, очевидно, чтобы глаза немного привыкли к темноте, потом осторожно прошла к ступеням и, держась за перила, спустилась на нижний этаж. Тут как раз показался сторож, размахивающий фонарем. Женщина испугалась и присела, пригнув голову ниже перил. Ее голова была замотана теплым платком, и, следя за огоньком у ворот, она не услышала шагов сзади. Кто-то подкрался к ней. Человек был очень осторожен, он хотел понять, кто перед ним находится. Благодаря тому, что женщина нагнулась, прямо перед ним оказалась верхняя часть тулупа. Он протянул руки, словно хотел убедиться в своей догадке, и провел ладонью по меху. Женщина вздрогнула и замерла, боясь повернуться. В тот же миг ее со всей силы ударили ногой по ребрам. Задохнувшись от боли, она вылетела через деревянную конструкцию и упала вниз. Перила были легкими — богатый купец не посчитал нужным украсить их тяжелыми резными украшениями, как делали в Белой слободе.

Высота была небольшой, и самое страшное, что ждало бедняжку — это сильные ушибы, возможно, переломы. Но рядом с подклетью стояли розвальни с товарами для артели кортомщиков. Женщина упала прямо на борону, а голова попала на острые зубцы. Удар не смягчила даже рогожа — несчастная жертва скончалась моментально...

Утром Федор Василев с работниками пришел разгружать розвальни, и первое, что они увидели — открытые глаза Лукерьи, смотрящие на них с каким-то детским недоумением. Рядом с ней, в тоненькой струйке крови, вытекшей из раны на голове, лежал свекольный леденец — словно дразня своей яркостью.

Глава 6

Добрался Алеша Прошин в казармы очень поздно и почти сразу заснул в каморке, которую ему выделили как офицеру. Бродить по ночной Москве было небезопасно, но он мог постоять за себя. К тому же, ему повезло: он подсел в сани дровосеков, везших дрова к Генеральному двору. С офицером им самим было спокойнее, заодно и доброе дело сделали. По дороге мужики обсуждали, как можно подзаработать: согласно царскому указу, каждый двор столицы должен быть украшен елью, а ворота каждого дома — ветками хвои. Вдыхая запах свежей древесины, Алеша прислушивался к разговорам, перебирал в голове новые сведения и решил кое-что обсудить с капитаном Савельевым — тот мог дать хороший совет.

Утро в казарме Преображенского полка для Алексея Прошина началось, как обычно, и он получил назначение в очередной караул. Но заступить не успел: его вызвал капитан.

— Значит, вчера было нападение на склад купца Демина, так? — спросил Савельев. — И ты по этому поводу общался с работниками, насколько я помню.

— Скорее, была попытка нападения, и там кроме одного работника находился близкий родственник купца Демина.

— Пусть так. Меня чуть свет вызвали в Главную канцелярию. Говорят, ночью в доме этого Демина что-то серьезное произошло.

Алеша растерялся. Он знал, что в Главной канцелярии, разбирая жалобы и прочие бумаги, дела обычные сразу отсылали на Потешный двор. Но у капитана никаких бумаг не было, и Никита Степанович сам выглядел удивленным.

— Как это — «говорят»? Не на основании же слухов в канцелярии решили нас послать в слободу!

— Ну как это бывает? — поморщился Савельев. — Речь о купеческой общине, а они не больно охочи допускать к себе людей со стороны. Но у князя Ромодановского везде свои люди есть — они сообщают, если в слободах что-то происходит. Это с одной стороны. А с другой... Возможно, у этого купца враги имеются, хотят помешать торговым делам. Но даже в этом случае вряд ли совсем на пустом месте донос состряпали. Говорят, погиб кто-то ночью в усадьбе Демина. Ты с его родичем уже знаком, к тому же, помнишь, что князь Федор Юрьевич велел? Так вот, бери двух солдат и отправляйся в Китай-город. А я тебе грамоту выдам за подписью князя Ромодановского. С такой бумагой тебя везде обязаны пускать и на все твои вопросы отвечать.

— Все сделаю, Никита Степанович! Действительно странно: то склад грабят, то умер кто-то...

— Возможно, просто совпадение. Но со смертью разобраться надо: недаром в Главной канцелярии обратили внимание на донос — видимо, надежный человек сообщил, не абы кто. Будь осторожен и внимателен.

Алеша отправился в Китай-город. По дороге он с усмешкой подумал, что таким манером скоро в слободе будет ходить как завсегда.

Ворота не открывали долго, Алеша отметил, что собаки залаяли в соседней усадьбе, а у Демина собак, видимо, не было. Когда на первый стук никто не отозвался, поручик рассердился и приказал солдатам колотить изо всех сил, а сам закричал во весь голос:

— Именем князя Ромодановского — открывайте! Приказ Главной канцелярии!

Калитку открыл мужик, который даже тулуп на себя не накинул.

— Что ты, что ты, сударь! Зачем так кричишь?

— Я тебе не сударь, а господин поручик Преображенского приказа! — рывкнул Алексей. — Немедленно веди меня к хозяину!

Игнат Тимофеевич встретил незваных гостей так хмуро, что любой другой почувствовал бы себя неловко. Но поручик достал из-под плаща заветную грамоту с личной печатью князя Ромодановского, которая открывала любые двери на Москве, и протянул хозяину.

Документ купца впечатлил, но никаких признаков страха он не проявил, и Алексей решил, что главное сейчас — не дать хозяину дома опомниться.

— Что у вас произошло ночью? Кто умер и почему? — резко спросил поручик, давая понять, что сам факт происшествия сомнений не вызывает.

Демин молчал, угрюмо поглаживая бороду. По дорожке, ведущей из глубины двора вдоль дома, к ним подошел Федор Василев. Он снял шапку, поклонился поручику, словно видел его впервые, и встал плечом к плечу с зятем. Алексей понял, что Федор не рассказал купцу о грабителях на складе, и решил поддержать его игру, а там как сложится.

Наконец Демин решил, что нет смысла отпираться, и неохотно ответил:

— Ночью умерла служанка моей дочери. На рассвете ее нашли работники. Девка упала с рундука. Как это произошло, никто не видел — все спали. Но и так понятно. Мы, господин поручик, сами в состоянии разобраться.

— Это не вам решать. Но я выслушаю ваше объяснение.

— Эх, стало быть, девка эта, Лукерья, ночью не спала. Оделась и пошла из дома. Куда — догадаться нетрудно, к полюбовнику, видать. Ночью темно было, снеговые тучи небо закрыли, а фонаря при ней мы не нашли. Мороз усилился, пол рундука и ступени покрылись наледью. Она поскользнулась, не удержалась и упала вниз. Вот и все тебе, поручик, происшествие. Девку жаль, хоть сама, дура, виновата. Похороним ее, все расходы на себя возьму. Никто не скажет, что Демин не заботится о своих...

— Ладно, ты, Игнат Тимофеевич, слово молвил. Теперь я хочу увидеть, где все произошло.

Демин не привык, чтобы его перебивали на полуслове и небрежно отмахивались от его умозаключений. Лицо Игната побагровело, огромные ладони сжались в кулаки. Неожиданно заговорил Федор, отводя от родича внимание офицера.

— Прошу за мной, сударь, — показал он рукой в глубь двора.

Тут и Демин, отдышавшись, пришел в себя.

— Да, Федя, проводи поручика. А я, уж, извини, пойду. — Он немного повысил голос и добавил: — Надеюсь, в собственном доме я могу идти куда хочу!

Алеша кивнул — подчеркнуто холодно и отстраненно:

— Ты свободен. Пока. А если у меня возникнут вопросы, тебя позовут.

Игнат шумно втянул воздух, фыркнул и направился к крыльцу, а Алексей с солдатами последовали за Федором.

— Вот, сударь — здесь мы нашли Лукерью.

Алексей оглядел место происшествия. На верхнем ярусе дома перил не было: они были приставлены на земле к стене подклети.

— Где лежало тело? — спросил он у Федора.

— Да как сказать?... Туточки, — пожал плечами молодой купец, — под стеной.

— Ты Петрушку из себя не строй, — рассердился Алеша, — не то мигом в Преображенский приказ сведу! Больно ты горазд выкручиваться, как я заметил.

— Да что ты, поручик, и в мыслях не держал! Понимаешь, это я Лукерью нашел. До сих пор нехорошо мне. Бедная девушка! Всегда такая веселая. Прости, если отвечал путано. Сейчас всю правду тебе скажу, хотя Игнату это не по нраву придется.

И Федор поведал, как с рассветом пришел с работниками: занести товар в подkletь и на телеге увидел холодную уже Лукерью, ударившуюся головой о зубья бороны.

— Понимаешь, вот почему она умерла! Если бы не стояла тут телега, Лукерья не убилась бы.

Алеша прикинул высоту, с которой упала девушка, и согласился с выводом Федора. Расшиблась бы, несомненно, но вряд ли насмерть.

— Видишь, поручик, все сходится. Нам с Игнатом незачем тебе врать. Опиши все, как было, и отдай бумагу своему командиру. На Москве посерьезнее дела есть, чтобы на нас, честных людей, время тратить.

Алеша и сам почти уверился: все выходило довольно гладко. Смущало лишь одно: кто-то счел нужным сообщить в Главную канцелярию о смерти простой служанки. Причем, ухитрился запутать следы, но самое главное — ему поверили. Алеше поручали расследования странных случаев, и он представлял, как все устроено в ведомстве князя Ромодановского. Сегодня ему не передали никаких документов — и это было странно. Но кто-то очень позаботился, чтобы маховик Преображенского приказа запустился. И сейчас Алеша мог с уверенностью сказать лишь то, что это были не Игнат Демин и не Федор Василев. Проникнуть в усадьбу Демина чужак вряд ли мог. Да еще узнать о гибели служанки. Стало быть, кто-то свой, тот, кто боится хозяина, но дает понять, что не все чисто в доме уважаемого купца? Кто-то из челяди, но к нему прислушались, потому что знают его в канцелярии?

Федор терпеливо ждал, когда поручик примет решение. Молодой купец был уверен, что никаких затруднений более не возникнет, поэтому слова офицера вызвали у него растерянность и досаду, которые он не смог скрыть.

— А скажи-ка, Федор Иванович, почему розвальни с товаром остались стоять во дворе? И покажи: где именно они стояли, а то затоптано тут все.

— Тьфу! Да что тебе все неймется, поручик? Дело-то ясное! Рвение свое показываешь — выслужиться надеешься? Вчера вот на складе вынуживал...

— А нравится мне вынуживать. И вот теперь я буду разбираться оч-чень внимательно. — Алеша повысил голос, не давая спорщику опомниться. — А еще желаю знать, не заходил ли кто с утра пораньше к вам в усадьбу.

Федор сдался, да и с грамотой князя Ромодановского другого выбора у него не было. Он рассказал, как запоздавший поставщик, не застав никого на складах, привез товар уже в усадьбу. Как работник Семен выгружал его и в сумерках повредил ногу. Бабы в доме помочь ему не могли, а мужчины ушли с хозяевами в церковь. Так и остались розвальни во дворе на всю ночь.

— Покажи, где именно они находились.

— Слишком близко к подклети их неудобно было ставить: товар тяжелый, выгружать приходилось сначала на землю, а потом нести внутрь, да чтобы дверь наружу свободно открывалась. Так что... — Федор взял у соседнего сарая палку и прочертил ею на снегу прямоугольник. — Примерно тут розвальни стояли. Уж не знаю, чем это тебе поможет, поручик.

Алеша поднял голову, рассматривая лестницу и проход в рундуке, откуда упала Лукерья. Поднялся наверх, осмотрел деревянный пол — на нем была изморозь, покрытая тонкой ледяной корочкой. Потом прошелся, упираясь подошвой сапога в пол. Да, девушка могла оступиться, могла и поскользнуться. Тогда у нее была возможность упасть на правую сторону — к стене. Хорошо, допустим, в темноте не успела понять, что происходит, и упала на перила. Те не выдержали, рухнули вниз, увлекая за собой несчастную. Алеша заметил на перилах торчащие гвозди: короткие, да и прибиты, видать, кое-как.

Он осторожно спустился к подклети. Федор сидел на завалинке и угрюмо ожидал, какие вопросы еще придут в голову настырному поручику. Но все же следующего приказа он не ожидал.

— Проведи меня к телу погибшей девицы, — потребовал Алексей.

Федор хотел съязвить, но сдержался. Мотнул головой, будто необъезженный жеребчик, и отвел офицера в подклеть с другой стороны дома. Ею пользовалась, в основном, челядь. Туда отнесли тело Лукерьи и положили на деревянный стол, чтобы подготовить к погребению. Алеша выпроводил баб, деловито снующих вокруг, и осмотрел рану, ставшую для Лукерьи смертельной. Девушка упала на розвальни левым боком и приложилась к зубьям бороны височной частью головы.

Он с грустью смотрел на юную Лукерью, вспоминая, как вчера в церкви она шепталась с каким-то мужчиной, как веселилась потом на подворье, поблескивая черными глазками. Жаль стало поручику озорную девку. Мог ли кто-то желать зла языкатой служанке? Алеша вспомнил, как обижена на нее была дочь Игната Демина. Судя по всему, именно Лукерья выдала хозяину Матвейку, после чего Игнат запер Татьяну, а ее сердечного друга отходил плетью. Кроме того, служанка нравилась работнику Антипу, но его откровенные ухаживания вызывали у нее лишь насмешки. Да еще разные мелочи...

— Как ты думаешь, сколько девушка может весить? — спросил он у Федора.

Купец оторопел, даже поперхнулся, но все же выдавил:

— Трудно сказать, но на глаз — примерно, контарь и еще с полпуда. А хорошо ли ты себя чувствуешь, поручик?

Вопрос Алеша проигнорировал.

— Что за «контарь» такой? Слышал я это слово, но...

— Да, разумеется, это наша купеческая мера: для удобства при крупных сделках. В контаре будет два с половиной пуда.

— Что ж, собери мне мешок с чем-нибудь, чтобы был примерно такого размера и веса, как девушка. Будем проверять, как она могла упасть.

— Ты, сударь, часом, сам не бился ли головой? — возмутился Федор, забыв об обширных полномочиях от Преображенского приказа. — поря- дочный дом в балаган превратить хочешь? Опозорить на всю Москву?!

— Хватит! Делай, что говорю, да побыстрее!

Федору непросто было подчиняться юнцу, получившему офицерский чин без году неделя, но купец понимал, что с Главной канцелярией шутки плохи. Да и настойчивость поручика в выполнении обязанностей сомнений не оставляла.

Вместе с работниками он собрал мешок, для наибольшей достоверности даже перевязал его посередине веревкой. Мешок подняли по лестнице на тот ярус, с которого упала Лукерья. Работников Федор отпустил, но сам уходить не собирался. Встал ближе к двери в женскую часть и, сложив руки на груди, наблюдал за действиями поручика.

Сначала Алексей слегка наклонил мешок и сбросил его вниз, прикинув, как могла девушка поскользнуться на деревянном полу. Мешок упал ровнехонько под рундуком: между очерченным Федором местом розвальней и стеной подклети.

Потом обозначил щепками от дров место падения мешка и заставил Федора помочь оттащить мешок вверх. Молодой купец уже не удивлялся поступкам поручика, а молча наблюдал. Осмотрел место, окруженное щепками, и нахмурился. Недаром Федор тоже славился сообразительностью —

он понял, что насторожило офицера, и дальнейшее вызвало уже не усмешку, а, скорее, нешуточный испуг.

Алеша встал сзади мешка, размышляя, какой силы удар могла бы получить Лукерья, раз отлетела на розвальни. Пробовал и так, и этак, но все было не то. Если нападать со стороны лестницы, то девушка увидела бы опасность и успела бы закричать. Со ступенек верхнего яруса — вряд ли. Ведь это означало, что некто шел за Лукерьей прямо из женской половины. То есть, конечно, женщина способна была нанести сильный удар, но осторожная Лукерья наверняка оглядывалась, по крайней мере, поначалу. Она заметила бы вышедшую за ней обитательницу женской половины. Выходит, подобраться к ней можно было лишь от дверей, в которые упирался проход первого яруса.

— Что находится с этой стороны дома? — указал он на вход, расположенный прямо под женскими светелками.

— Малая столовая, но к ней надо пройти мимо чуланов, там хранятся продукты, утварь...

— И есть проход с другой стороны?

— Да, здесь можно пройти насквозь к главной части дома и выйти к парадной лестнице, спуститься к подклетиам и главному крыльцу.

Алеша поправил мешок, отошел на несколько шагов, бросился вперед и со всей силы пнул его ногой. Мешок полетел вниз, и даже сверху было видно, что попал он точно в центр прямоугольника, обозначающего розвальни.

Потом Алексей не спеша спустился к подклети, и Федор, шедший следом за ним, спросил:

— Хочешь сказать, Лукерью столкнули вниз? Но зачем? Кому нужно убивать служанку моей племянницы? Девка никому зла не причинила...

Алеша молчал: он понимал, что Федор, да и сам хозяин усадьбы будут всеми силами противостоят ему, а слуг вряд ли удастся разговорить. Хотя кто-то ведь сумел сообщить в приказ о странной смерти девушки. Но еще беспокоило молодого поручика то, как сложно было нападавшему рассчитать, что Лукерья непременно разобьется насмерть. Как можно было так подгадать, чтобы девушка вышла из дома, чтобы непременно стояли розвальни у подклети, и что она ударится виском о зубья бороны? Слишком много вопросов, ответы на которые придется вытаскивать клещами — никакой добровольной помощи от обитателей купеческой усадьбы ждать не приходилось.

Он расправил плечи, вдохнул бодрящий декабрьский воздух и произнес вслух:

— Я начинаю расследование смерти служанки Лукерьи — вплоть до установления всех обстоятельств, ее вызвавших!

Глава 7

Необходимость доложить о первых результатах расследования капитану Савельеву противоречила, по мнению Алеши, опасности оставлять купеческую усадьбу без присмотра. Поручик не сомневался, что в его отсутствие Игнат Тимофеевич объяснит слугам, как надо отвечать на вопросы, о чем умалчивать, а что представить в выгодном для хозяина свете. Кроме того, ему необходимо было переговорить с Матвеем Зуевым — помимо печальной истории любви друг мог сообщить что-то важное о происходящих в доме Демина событиях. Во всяком случае, Алеша так это себе объяснил. На самом деле он беспокоился о Матвее, о котором не имел сведений со дня пира донцов в усадьбе думного боярина Щербатова.

Однако решение надо было принимать быстро.

— Чернила мне, перо и бумагу! — приказал он Федору. — И скажи, чтобы выделили мне горницу, где я смогу... разговаривать с людьми.

— Ты хотел сказать, допрашивать, — процедил Федор. — Ценю твое благородство, поручик. Думал, ты нас потащишь в Главную канцелярию, и сразу под кнут, или как там у вас принято?

— Ох, Федор Иванович, сдается, не терпится тебе узнать, как в Главной канцелярии все устроено! Как говорится, ищите, да обрящите — не пожалеть бы опосля.

Купец лишь усмехнулся в ответ и провел Алешу в дом с главного крыльца. Выделил ему для работы не тесную и темную горницу, а малую столовую, которая в доме Демина была намного больше, чем единственная столовая, да еще смежная с поварней. Пол был покрыт ковром — хоть и довольно старым, но стоившим в свое время немалых денег. Обитые тканью стены держали тепло. Алеша расположился с удобством, и при свете множества сальных свечей мог писать, не напрягая глаза. Он искренне поблагодарил Федора Василева, а тот вежливо поклонился в ответ. Похоже, молодой купец смирился с необходимостью расследования в доме, либо решил, что в его интересах помогать, надеясь проследить за действиями офицера. Алеша склонялся ко второму варианту.

Он быстро написал отчет для капитана Савельева и отправил с ним одного из солдат на Потешный двор. Потом распорядился позвать того слугу, который повредил ногу, а вторым велел прийти Антипу — Алешу насторожило, что бойкий парень не крутился около хозяина. К тому же, к погибшей девушке слуга был равнодушен.

Семен приковылял в горницу, опираясь на палку и осторожно ступая по ковру. Присев на лавку, спину держал ровно, не позволил себе развалиться и опереться на стену. Вопросы поручика он встречал с обидой и возмущением, но ничего похожего на утаивание или желание выкрутиться

Алеша не заметил. Верный слуга рассказал, как не пошел в церковь из-за приехавшего в усадьбу поставщика. Как разгружал розвальни и в сумерках повредил ногу. Как Игнат и Федор решили оставить инструменты для кортомщиков на ночь во дворе. Дотошному поручику даже не пришлось просить Семена показать рану — тот сам размотал тряпицу с бодягой, продемонстрировав распухший и потемневший ушиб.

Лишь единственный вопрос выбил пожилого работника из колеи: когда Алеша спросил, кто знал об оставленных перед клетью розвальнях.

— Дык... Что сказать? Я и не думал такое примечать.

— А ты подумай, вспомни.

Семен почесал затылок и ответил:

— Стало быть, выходит, что Татьяна не знала. Она сразу пошла по наружной лестнице к себе. С ней Прасковья Архиповна и Лукерья. В темноте вряд ли они рассматривали, что внизу стоит. А я Игнату Тимофеевичу позже о товаре рассказал. Все остальные знали: прислуга в доме — рану мне лечили, работники — им Федя сказал... Его слуга Антипка — про него не скажу, знал ли. Он из церкви не вернулся, бездельник, наверняка в трактире отсиживался!

Алеша помнил, что Антип отправился к вдове Крякиной по поручению своего хозяина, но Семену, похоже, об этом никто не сказал. Не стал этого делать и Алексей — он быстро уловил, что на антипатии Семена к молодому слуге можно как-то сыграть, и на всякий случай сделал зарубку на память.

Отметил он и другую важную вещь: об опасности под рундуком не имели понятия дочь Демина, приставленная к ней родственница Прасковья и сама Лукерья.

Алексей отпустил Семена и вызвал Антипа. Тот вошел тихо, потупив взор. Алеша не мог не заметить, как неумный балагур изменился со вчерашнего дня: Антипа словно пропустили через молотильные дубины. Нагловатый обычно парень топтался на пороге до тех пор, пока поручик не велел ему пройти к столу. В отличие от Семена, Антип не обратил внимания на ковер и, хотя обут был в уличные сапоги, протопал по нему без всякого уважения.

То, что поведал слуга Федора, по большей части Алеше уже было известно. Антип забрал у Ефросиньи Крякиной деловые записи покойного мужа, чтобы Федор с ними разобрался. Вернулся в усадьбу, отдал бумаги хозяину и лег спать. А утром, как и все в усадьбе, узнал о смерти Лукерьи.

Антип переживал утрату — это бросалось в глаза. Алеша подозревал, что бойкий молодец мог изобразить что угодно ради шутки или выгоды, но смерть Лукерьи его действительно потрясла. И вот он как раз мог каким-то образом донести в Главную канцелярию о гибели девушки.

Алеша пристально посмотрел на парня:

— Скажи-ка, покидал ли ты утром усадьбу? И рассказывал ли кому о случившемся в доме?

— Нет, не было никакой надобности выходить. Обычно я с поручениями Федора Ивановича бегаю, но сегодня он велел встретить у ворот ключника Ефросиньи Петровны... по поводу тех бумаг....

— Так-так! — восторженно воскликнул Алексей. — Значит, в усадьбу приходил слуга вашей соседки? Кто таков, как зовут?

— Иваном Кривцовым кличут. Да, он в усадьбу заходил. Дом Крякиных по соседству, ключник из боковой калитки вышел, а рядом одна из наших калиток. Мы с вечера сговорились, что Иван придет узнать, нет ли среди бумаг крупных долгов — Ефросинья Петровна шибко переживала. Федор Иванович подробно вчера не разобрался, но никаких срочных выплат там не нашел. Сказал, чтобы я успокоил вдову и передал через Ивана: там обычные расписки, и суммы небольшие. Я и передал...

— А где вы разговаривали с ключником Кривцовым?

— Он прошел через калитку, мы поговорили... — Антип вдруг замолчал и поник головой.

— И ты сказал ему, что Лукерья погибла. — Алеша больше утверждал, чем спрашивал: по лицу слуги и так было все понятно.

Антип вытер нос рукавом поношенного зипуна.

— А че? Ну сказал... Тут такое дело вышло — я сам только узнал, а Иван заметил, что я... Эх, сударь, кабы ты знал!..

— Люба тебе девушка была? Игнат Тимофеевич сказал, что она к дружке бежала, так не к тебе ли?

Антип поднял голову вверх, глотая слезы, потом вздохнул:

— Не, не ко мне, чего тут. Не по сердцу я ей пришелся. Оно, конечно — девка красоты писаной, уж могла выбирать.

По мнению Алеши, Лукерья дивной внешностью не отличалась, но он уже понимал, что влюбленные видят по-своему — взять хотя бы друга Матвейку.

Антип немного пришел в себя и сообразил, что сболтнул лишнего. Он наклонился к столу, за которым сидел Алеша, и тихо попросил:

— Ох, сударь, то есть, господин поручик... Не говори хозяевам, что я соседям о Лукерье проболтался! Наверняка ключник Иван передал вдове Крякиной, а уж та по всей слободе разнесла. С бабы какой спрос, а я виноватым останусь. И ведь молчал бы, да Кривцов меня врасплох застал — не в себе я был. Смилуйся, сударь!

— Ладно, ладно, — махнул рукой Алеша, — не скажу. — Он сам не любил доносить и в других это свойство презирал. — Ты вот лучше скажи, а что соседский ключник? Расспрашивал ли тебя: мол, что да как?

— Это Кривцов-то? Да от него в праздник слова не дождешься. Я, признаться, сам выложил, что знал. Он выслушал, сказал, что хозяйке слова Федора Ивановича передаст, и пошел себе.

Аккуратно записав все сведения, Алеша отпустил Антипа. Тот поклонился в пояс и направился к дверям, но вдруг остановился и тихо спросил:

— Правду ли на черной половине шепчутся, что ты, сударь, думаешь, будто Лукерью... специально с рундука столкнули?

Скрывать от работника правду смысла не было, учитывая, что Антип находился в большом доверии у Федора — слуги обычно знают то же, что хозяева, а то и куда больше.

— Я в этом совершенно уверен. И установил, как все произошло. Приблизительно, конечно, но все сходится.

Антип ушел, а Алексей перечитал записи и присыпал чернила песком. Кое-что узнать ему удалось, однако это были отдельные части, которые пока не складывались в единое целое. Но после некоторых уточнений поручику стало ясно, что Антип не мог донести до Главной канцелярии известие о странной смерти Лукерьи. Его позвали разгружать товар с рассвета, работники подтвердили, что Антипка дрых в своем чуланчике. Потом, как нашли бедную Лукерью, он, поговорив недолго с ключником Кривцовым, все время находился в усадьбе — его видели. Антип сидел у тела девушки, когда ее принесли в подклеть. Бабы выражали ему сочувствие, догадавшись, что Лукерья была его зазной, поили парня травяным отваром, и почти все время он находился у кого-нибудь на глазах.

Часть прислуги была верна Игнату Демину, некоторые боялись его до дрожи, и ни те, ни другие не смогли бы так преподнести смерть простой девушки, чтобы Главная канцелярия распорядилась о расследовании. Тем больше подозрений падало на Ивана Кривцова — ключника вдовы Крякиной.

Оставшись один в горнице, Алеша задумался: он очень боялся пропустить что-то важное, поэтому записал на отдельном листе то, что выглядело странно. Первым пунктом обозначил цель напавшего на Лукерью человека — кем бы он ни был. Но цель эта ускользала: слишком многое не совпадало. Лукерью хотели убить или поранить, покалечить?

Алексей понимал, что ему необходимо поговорить с дочерью Демина и со служанкой Прасковьей. Но какую бурю вызовет подобное требование у Игната Тимофеевича, даже подумать страшно! Поэтому он решил не идти напролом. У Демина наверняка имелись связи, и хотя грамота князя Ромодановского многое позволяла, именитый московский купец мог поднять всех родичей и знакомых, дойдя в жалобах не только до Боярской думы, но и до самого царя. Прежде чем беседовать с девицей Деминой, нужно было заручиться поддержкой сильных мира сего.

Но все-таки с одной женщиной из купеческих поговорить он мог: вдова в этом сословии обладала некоторой свободой, родственников у нее не было, могли быть лишь бабы по отцовской линии. Судя по выходу Ефросиньи Крякиной в церковь, после окончания траура по супругу она осталась хозяйкой в доме. Во всяком случае, шествие в храм возглавляла именно она, работники и прислуга мужского пола следовали сзади. Это означало, что у вдовы не только есть средства, но и сын или сыновья. Конечно, встречалась и свободно говорила она лишь со «своими» — с купцами Китай-города и членами их семей. Пришлого, чужака в дом, скорее всего, не допустят и беседой не удостоят. Однако, хотя Алеша и мечтал рассмотреть вблизи красавицу Крякину, в первую очередь поговорить хотел с ключником — Иваном Кривцовым. Тот не имел возможности увернуться от представителя князя Ромодановского. А там — кто знает? Все зависит от того, что поведает ему ключник — решать задачи надо по очереди.

Алексей сообщил Игнату Тимофеевичу, что после допроса работников Семена и Антипа на время покинет усадьбу, и дал понять, что в Преображенском приказе будут исходить в дальнейших поручениях из сегодняшнего доклада, о сути которого он умолчал. Демин насупился, но не снизошел до расспросов. С точки зрения купца, больно много гонору выказывал мальчишка-офицер, и терпеть наглое выскочку в усадьбе Игнат Тимофеевич не хотел. Так что расстались они, так сказать, заключив временное и отнюдь не дружественное перемирие.

А вот Федор, казалось, проникся к поручику уважением. Конечно, и по возрасту они были близки, и по отношению к происходящим вокруг переменам. И если сам Демин не вникал в суть действий посланника Преображенского приказа, подчиняясь силе князя Ромодановского, то Федор Василев понимал, что события в усадьбе могут навредить их делу. А значит, с поручиком стоило быть любезным.

Он проводил Алешу к боковой калитке, показав самый короткий путь к усадьбе Крякиных. Офицера и одного солдата оказалось достаточно, чтобы ворота открыли по первому требованию и проводили непрошенных гостей к ключнику Ивану Кривцову.

Алеша мало интересовался жизнью купеческих семейств — это был далекий от него мир, к тому же весьма закрытый. Но даже он знал, что ключники в купеческих домах, вне зависимости от уровня богатства, чаще всего приходились хозяевам родственниками. Это избавляло семью от чужого присутствия и влияния в случае преждевременной кончины хозяина — что и постигло Крякиных. Выходит, Иван Кривцов состоит в родстве с Ефросиньей или ее мужем?

Чтобы расположить к себе прислугу, а, возможно, и саму хозяйку, Алексей оставил солдата во дворе, не поставив его в караул. С людьми разговаривал благодушно, строгости не напускал. Но все равно ключник встретил поручи-

ка холодно и молча проводил в горницу. Здесь было чисто и пусто: лишь стол да лавки по стенам, а в Красном углу — скромная икона Богородицы без оклада, под ней — небольшая лампада. Алексей перекрестился и поклонился Ивану Кривцову. В ответ ключник лишь наклонил голову и указал рукой на лавку. Затем сел напротив поручика и молча ждал, что тот скажет.

Алеша объяснил, что ведет расследование смерти девицы Лукерьи, на что ключник лишь пожал плечами и сказал:

— Никого из нашего дома там не было, а я пробыл совсем недолго во дворе у Деминых, но дальше забора не ходил.

— Да, работник Федора Василева Антип, мне все рассказал.

— С радостью помог бы, но что я могу добавить?

Иван Кривцов разговаривал тихо, неохотно, словно выдавливая из себя слова. Алеша пытался вспомнить, слышал ли когда-нибудь его голос, но в памяти ничего не всплывало. Чтобы немного встряхнуть ключника, он внезапно зашел с другой стороны.

— Вчера Антип приходил к вам в дом, так ведь? Долго ли пробыл? О чем вы разговаривали?

Иван искренне удивился неожиданным вопросам, не имеющим, казалось, отношения к смерти девушки. Некоторое время он молчал. Алеша подумал, что это хороший признак: ключник боится сказать лишнего и подбирает слова, значит, что-то не совсем чисто в незамысловатой истории о бумагах покойного купца Крякина.

Наконец Кривцов заговорил:

— Работник Антип пришел по делу. Лясы точить нам с ним не о чем. Я отдал документы для Федора Ивановича, как велела Ефросинья Петровна. Полагаю, затем он ушел.

Сердце Алеши екнуло — вот то, что не складывается! Он помнил, когда Антип с вдовой Крякиной и Иваном Кривцовым ушли с церковного подворья. А в усадьбу Демина слуга вернулся поздно — сторож сообщил, что едва дождался Антипку и полаялся с ним маленько. Но работник гордо сослался на поручение хозяина.

Алеша сам прошел путь от Деминых до дома вдовы: дорога между соседскими усадьбами не занимала и четверти часа по всем тропинкам вдоль прочных заборов. Москва жила по знаменитым курантам на Спасской башне Кремля со времен царя Михаила Федоровича, и церковные колокола отбивали следом за ними время. Можно было довольно точно высчитать, сколько отсутствовал Антип, но и навскидку было понятно, что разница составляла более двух часов. Работник Семен был уверен, что парень гулял в трактире. Однако Федор доверял слуге, стало быть, Антип такое отношение оправдывал. Зная, что хозяин ждет бумаги — пить и веселиться, рискуя потерять доверенные ему документы?

Расспрашивать Кривцова смысла не было: Алеша видел, что ключник готов повторять одно и то же. Поручику не терпелось доказать, что кто-то, по меньшей мере, скрывает правду. Но это могло не иметь прямого отношения к расследованию, а потому стоило собрать больше сведений, чтобы прижать лгунов.

Он отправил солдата на Потешный двор, велел передать кое-что на словах капитану Савельеву, а сам решил навестить Матвея — теперь им было о чем поговорить. Кроме того, Ордынская слобода находилась неподалеку от Китай-города, и заночевать можно будет у крестной — с вкусным ужином и удобной постелью.

Улицы пустели быстро: у многих еще свежо было в памяти преследование стрельцов, и люди боялись выходить в темное время суток из дома. Алеша успел до темноты выбраться из плохо знакомых закоулков купеческой слободы. А в Ордынке было привычно, с детства он хорошо знал все тропки. К дому Зуевых можно было срезать между огородами и садиками, плотно прижавшимися друг к другу.

Один из переулков, идущих от площади и церкви Преображения, упирался, на первый взгляд, в тупик, но ордынские знали, что можно протиснуться между задними стенами двух домов, и пользовались этим проходом. Алеша и отправился к знакомому лазу. Редкие прохожие опасливо сторонились друг друга, но он полагал, что форма и сабля оградят его от лихих людишек, поэтому слишком поздно осознал свою беспечность. Как только поручик приблизился к лазу, он тут же получил удар по спине чем-то тяжелым. У Алеши перехватило дыхание, но он попытался выдернуть саблю из ножен — и тут же ощутил сильный удар по руке, сжавшей эфес. От боли у него потемнело в глазах, и он припал к стене около лаза, пытаясь отдышаться, одновременно надеясь уклониться от следующих ударов. А противник не собирался оставлять жертву в покое, очередной удар по голове не оставил Алеше шансов вступить в бой, он упал на снег, теряя сознание, и вдруг услышал молодецкий крик:

— Эй, разбойник! А меня ударить не хочешь?!

Над поручиком раздался какой-то свист, стук, рядом упал лиходея, но, ловко перевернувшись, тут же вскочил на ноги. Из тулупа нападавшего выпала небольшая вещица, но тот этого не заметил — раздался его удаляющийся топот и улюлюканье неожиданного спасителя.

Последнее, что видел Алеша перед тем как провалиться в темноту, было смуглое лицо есаула Ильи Фомина, который воскликнул:

— Э, так это же поручик Прошин! Вот так встреча! Ничего, сударь, сейчас я тебе помогу... Ух, ты, а это, кажись, злодей выронил!

Но Алеша его уже не слышал, уткнувшись лицом в растоптанную на земле наледь...

Глава 8

Было Алеше видение: шел он к церкви Святой Троицы, и во сне дорога к ней вела большая и чистая. А с крыльца храма ему махала ручкой Ефросинья Крякина. Манила поручика, сверкая золотой вышивкой на длинных рукавах — настоящая царица из сказки. Алеша хотел бежать к ней, раскинув руки, даже губы вытянул для поцелуя, но сзади его схватила за полы кафтана Татьяна Демина. Девушка тянула молодого человека к себе и, нахмутив брови, строго качала головой — мол, не ходи к ней, не ходи!

Так и вертелся Алеша в беспокойном сне, то пытаясь подойти к красавице вдове, то оглядываясь на возлюбленную друга, не понимая, зачем она его держит. В конце концов лица женщин слились в одно, сначала расплывчатое, а потом все яснее обретающее родные черты Марьи Ивановны Зуевой.

Алеша открыл глаза, пытаясь вспомнить, что случилось. У его изголовья действительно сидела крестная, которая, увидев, что он очнулся, залилась слезами и запричитала:

— Алешенька, голубчик мой! Живой, дитячко мое ненаглядное-е-е-е...

— Где я? — прошептал Алеша.

— Что ты сказал, родной? А-а-а, так дома ты, у нас.

— Что случилось, матушка? Как я здесь оказался?

— Ох, Алешенька, сама мало что понимаю, но страху мы натерпелись...

Главное, ты жив остался. Тебе покой требуется, и скоро станешь здоров.

— Не могу я лежать! Мне с докладом на Потешный двор надобно, — прошептал Алексей и попытался приподняться на пуховых подушках, которыми гордилась Марья Ивановна, но его тут же замутило, скошенный потолок горницы над ним закачался, и он прикрыл глаза, сползая обратно на перину.

— Не беспокойся, голубчик, мы Никите Степановичу весточку послали, а давеча он сам приходил. — Марья Ивановна повернулась к двери и закричала: — Федотовна, Алеша в себя пришел! Скажи на поварне, чтобы несли еду!

Она поправила подушки под головой крестника.

— Покушать тебе надо, иначе откуда силы возьмутся.

Спорить с доброй женщиной Алеша не смог, задавать вопросы — тоже, и он смирился. Федотовна принесла уху, наваристую и густую, но Алеша с трудом мог жевать даже нежные кусочки рыбы. Тогда Марья Ивановна стала с ложки давать ему жижку, уговаривая проглотить еще немного. От горячей ухи Алешу разморило, и он уснул, но уже не погрузился в тяжелый бред, а спал спокойно, как выздоравливающий.

Когда проснулся, почувствовал, что ему стало намного легче, и он даже смог сесть в постели. Потом попытался встать, нащупывая босыми ногами

рогожу на полу, но шорох разбудил нянюшку. Федотовна подскочила и громко позвала крестную. Марья Ивановна тут же прибежала, одетая для выхода — вероятно, собиралась в церковь. Больному тут же подали целую вереницу блюд, которые, как уверяли наперебой Марья Ивановна и Федотовна, обладали целебными свойствами.

Впрочем, теперь Алеша сам чувствовал голод, так что с радостью угостился щами с толокном, отварными куриными потрошками, смешанными с куриными же сердцами и желудками, залитыми горячим брусничным соусом. Запеченное в честь Рождества мясо в травах он жевал крепкими зубами, жмурясь от удовольствия

А напоследок откусал ягодного киселя с калачом, еще теплым и таким вкусным, что сам таял во рту.

— Ох, как славно! — Марья Ивановна обтерла лицо крестника платком, упоительно пахнувшим полевыми цветами, засушенными с лета. — Отдыхай, дитяtko, а нам с Федотовной пора к вечерне.

— А где Матвей? — спросил Алеша.

Марья Ивановна поджала губы и махнула платочком в сторону двери:

— Я велела ему прийти, чтобы за тобой присмотрел, пока мы в храме, но совсем сынок от рук отбился. Уж как я его отругала за безобразие! Это же надо в пьяном виде домой заявиться!

Федотовна за плечом хозяйки кивала, соглашаясь с каждым ее словом, и Алеша понял, что Матвейка нынче у матушки не в чести. И хотя крестная не умела сердиться долго, видимо, Матвей знатно набедокурил, потому что Марья Ивановна продолжила:

— И ведь каких друзей себе завел — чистые разбойники! У меня сердце чуть не остановилось, когда к нам этот казак пришел. Выглядит, что дикарь какой. Одно только хорошо: этот Илья Фомин тебя и спас, за то каждый день Бога благодарю.

— Есаул Илья Фомин? А я думал, что брежу. Стало быть, его и видел.

Марья Ивановна поведала, что есаул квартировал неподалеку: донцов поселили в Ордынской слободе по указу князя Головина. Казак посетил нового друга, так как Матвей его приглашал, пришел с гостинцами, честь по чести. Разделил с Матвеем и его матушкой трапезу, после чего отправился к себе. Случайно оказался свидетелем нападения на Алешу, прогнал лиходея и доставил поручика к Зуевым.

— Ох, Алешенька, заболталась я с тобой, в храм опоздаю! Если тебе что понадобится — кухарка осталась дома, зови ее.

Марья Ивановна и Федотовна поспешили в церковь — колокола уже отзвонили.

Алеша откинулся на пуховые подушки, восстанавливая в памяти последние события. Сколько времени он пролежал в беспомощности? Где его

записи расследования? У него сжалось сердце при мысли, что он потерял бумаги, когда на него напали. Как он допустил такое? Как не заметил, что его преследуют?

Его беспокойные мысли прервало появление друга. Матвей осторожно выглянул из своих покоев — горница Алеши была проходной между ними и выходом к главной лестнице, делящей дом на две половины.

— Матушка ушла? А Федотовна? — негромко спросил он.

— Все ушли, только кухарка в поварне. Что, матушка еще гневается?

— Не очень. За тебя только сильно переживала. Но меня нотациями изводит. А я не один, со мной твой спаситель. — Матвей пропустил в горницу есаула Фомина.

— Здравия тебе, поручик! — Илья вошел тихо, держа в руках соболью шапку, и поклонился. Матвей подтащил к постели небольшой столец, а есаул просто опустился на пол и сел по-турецки у изголовья больного.

— Сколько я здесь, братцы? — простонал Алеша.

— Четвертые сутки, — ответил Матвей, — и если бы не Илья, страшно и подумать, что было бы.

— Благодарю тебя, есаул. Тебе удалось разглядеть, кто на меня напал?

— Прости, поручик, уже стемнело, и мне показалось, что рожа лиходея была замотана тряпичей по самые глаза. Вышло так: либо мне за ним бежать, либо помогать его жертве. Ну а как тебя опознал, выбирать уже не пришлось.

— Значит, это был кто-то молодой и ловкий, — поморщился Алеша, вспоминая тяжелые удары, от которых все еще ныло тело. — Ты в него кинжалы кидал, что ли?

— Разок метнул, да с пятидесяти шагов промазал, — простодушно признался есаул. — Но все же кое-что разбойник потерял.

Илья Фомин вынул из-под камзола небольшой мешочек, расшитый золотыми нитями, и осторожно достал свою находку.

— Вот, смотрите! Хотел себе оставить — вроде трофеей, добытый в бою. Но опосля подумал: через эту вещицу можно выйти на след твоего обидчика, поручик.

На широкой ладони есаула лежала женская сережка. Серьги носили все женщины поголовно, начиная с подросткового возраста, независимо от сословия, даже крестьянки щеголяли в медных украшениях. Но добыча Ильи явно принадлежала не просто богатой женщине — вряд ли можно было найти вторую подобную пару серег.

В золотое кольцо, украшенное весьма искусной резьбой, были продеты двойные подвески, тоже золотые. Но самым главным достоинством серьги была инкрустация подвесок драгоценными камнями. Не совсем ровно обработанные изумруды окружали жемчужины, между которыми прикре-

плялись кораллы. Все вместе представляло собой яркий и необычный цветок. На каждой подвеске располагалось три ряда таких «цветков».

Матвей присвистнул, не сдержав восторг, и сказал:

— Такое могли сделать только в Оружейной палате! И стоимость не просто большая — огромная!

Алеша тоже рассмотрел украшение. Даже одна сережка представляла собой немалую ценность.

— Какой странный разбойник! — удивился поручик. — Напал на меня, а у самого украшение, достойное царицы.

— Возможно, ты был не первой его жертвой в тот вечер, — нахмурился Матвей, — он уже кого-то ограбил, потом увидел тебя и решил, что может еще поживиться.

— Он должен был видеть форму, а что взять с человека военного? — Алеша хлопнул себя по лбу и тут же охнул от боли. — Матвейка, где моя одежда? Надеюсь, матушка ее не отдала в стирку? Найди мою рубаху!

Матвей подал другу рубаху, аккуратно сложенную на небольшом сундуке в углу горницы. Алеша достал из потайного кармана жемчужное ожерелье, подаренное есаулом Матвею в день пиршества.

— Совсем забыл — столько дел разом навалилось. Это тебе есаул подарил. Если, конечно, ты помнишь, потому что пьян был...

— Я понял, понял, — пробормотал покрасневший Матвей, — довольно с меня матушкиных причитаний. Но, Илья, это слишком дорогой подарок!

Есаул усмехнулся, подкручивая черный ус.

— Бери, бери, я на закладе куда больший навар получил: многие ставили на то, что ты не сдюжишь. Да и не для тебя подарочек — для твоей зазнобы. Мы ведь о ней с тобой говорили?

Матвей покосился на Алешу и подал есаулу какой-то знак: мол, не при нем. Алеша сразу догадался, что юный дворянин и бывалый донец что-то замыслили. Не попали бы в беду: есаул не слишком хорошо знал московские порядки и явно склонен действовать сообразно своим устоям. А Матвейке попасться на шалости — еще с детства, что киселя ложкой хлебать. Алеша подумал, что пока надо отвлечь их важным делом, а там, как поднимется с постели, разберется, что именно приятели затеяли.

— Матвей, ты сказал, что серьги такой красоты могут лишь знатные мастера сделать?

— Да, я водил послов в Оружейную палату да по мастерским Золотой и Серебряной палаты, видел, какие там ювелиры! Работа сложная, дорогая.

— Тогда мне надо туда: может, кто узнает серьгу, вспомнит заказчика. Да и записи у них там должны вестись: золото и камни все на учете.

— А что это тебе даст? — удивился Матвей. — Наверняка украшение краденое, а хозяевам откуда знать, кто их ограбил?

— Не скажи. Во-первых, мы знаем день, когда вор ее заполучил. Очень сомневаюсь, что он ходил с добычей по Москве долго. Знаем примерное место. Мы с капитаном Савельевым найдем людей из воровской братии, прижмем... Очень хочется мне найти разбойника, что посмел напасть на офицера Преображенского полка! Эх, мне бы добраться до ювелирных мастерских!

Алеша попытался встать, но Матвей удержал его и заставил лечь обратно.

— Рано, братец, слаб ты еще. Да и не пустят тебя в Оружейную палату... То есть, пустят — как подчиненного князя Ромодановского, но пойми, мастера с тобой говорить не станут. И ничего ты не добьешься — они напрямую царю подчиняются, их не потащишь в приказ для допроса.

— Да, ты прав, — покачал головой Алексей и тут же добавил, — выходит, уйдет разбойник безнаказанно.

Матвей гордо выпрямился и стряхнул с рукава камзола пылинку.

— А я на что? Со мной, служащим Посольского приказа, совсем другой разговор будет!

Поначалу Алеша не соглашался, убеждая друга в том, что за превышение полномочий его по голове не погладят. Но тут вмешался есаул.

— А я могу просьбу официальную в приказ направить: мол, хочу посмотреть на работу ювелиров, может, купить подарки домой. Матвея Зуева попрошу для сопровождения, как человека сведущего. Как тебе такой расклад, поручик? Знайте, я с самим князем Головиным близко знаком — в Азовской кампании встречались. Мне стоит лишь к нему обратиться, и он все сделает!

Алеше очень хотелось найти своего обидчика, но даже не по этой причине он принял предложение друзей: его тревожили совпадения, которых слишком много набралось для случайностей. Конечно, возможно, что напал на него разбойник, опьяненный предыдущей удачей. И даже не подумал, что ни солдаты, ни офицеры не носили с собой больших средств, тем более, вечерами. А про ожерелье в потайном кармане рубахи никто не знал. К тому же, Алеша успел изучить привычки людишек такого пошиба: обтяпав удачное дельце, они не разгуливали по улочкам, а сразу направлялись к своим тайным убежищам. Смущала поручика и дубина в руках нападавшего. В слободах разбойный народ предпочитал иное оружие: ножи, кинжалы, реже — сабли. В очередной раз поручик отругал себя за недомотр: встретить он врага лицом к лицу, у того не было бы шанса воспользоваться дубиной. Ходить по слободе, пусть и вечером, с таким орудием в руках — означало лишнее внимание прохожих, которые могли позвать на помощь. Холодное оружие в рукаве не бросалось в глаза, и позволяло подобраться к выбранной жертве очень близко.

В общем, чем дальше, тем больше возникало мыслей по поводу нападения, а потерянная вором серьга давала хоть какой-то след, пусть и туманный.

Разговоры и вызванные ими переживания утомили Алешу, и друзья, пообещав завтра же сходить в Золотую палату, оставили его отдыхать, а сами перебрались в горницу Матвея. Сквозь сон Алеша слышал их негромкую беседу, показавшуюся ему весьма горячей. Но слабость победила, и он уснул, так и не поняв, что явилось причиной спора.

...Проснулся Алексей поздно, зато в намного лучшем состоянии, смог не только встать, но и пройтись по горнице, вызвав слезы радости у крестной. Он хотел даже спуститься вниз, но Марья Ивановна настояла на том, чтобы Алеше принесли еду в постель.

А вот у Матвея и есаула Фомина утро выдалось хлопотное. Илья легко раздобыл разрешение на посещение Оружейной палаты в сопровождении нового друга, которого расхваливал направо и налево как человека, делающего честь Посольскому приказу. Матвей чувствовал себя неуютно, особенно, когда есаул весьма красочно описывал всем желающим историю с метанием кинжалов.

К Золотой палате они подъехали с шиком: в расписном возке, выданном донцу на конюшне приказа. Матвей подозревал, что возок с великолепным жеребцом есаулу удалось получить с помощью мзды, отданной конюшенному дьяку. Но зато во дворе палаты их встретили с уважением. По такому случаю Илья Фомин разделся в роскошный кафтан цвета выдержанного вина. Кафтан был расшит серебром и украшен такими крупными серебряными бляшками, что от них рябило в глазах. Поверх кафтана привыкший к походной жизни есаул набросил плащ из чернобурки, но не запахивал его, чтобы все видели богатство его наряда.

В палате их встретил старшина — пожилой мастер, известный своими работами для царской семьи. Матвей показал ему серьгу, поведав заранее сочиненную байку: мол, гость с Дона желает заказать точно такие серьги для супружницы Войскового атамана. Староста внимательно осмотрел серьгу и сказал:

— Похоже, Демьяна Осадчего работа. Нынче он заказы не выполняет, глаза не те. Обучает огранке новых мастеров. Демьян с Петром Алексеевичем побывал в Голландии, инструменты оттуда привез, сам освоил, теперь других учит. Мы вам найдем мастера не хуже.

— А можем мы поговорить с Демьяном? — спросил есаул, небрежно отбрасывая за плечи меховой плащ. — Хочу узнать у него, у кого лучше выйдет. А цена для меня значения не имеет.

Староста отвел их к Демьяну Осадчему и пошел по своим делам. Когда Матвей показал серьгу старому мастеру, ему показалось, что в выцветших

глазах Демьяна мелькнул страх. Но это было лишь на какое-то мгновение, и Матвей подумал, что может ошибаться.

Демьян долго вертел в руках серьгу, гладил потемневшими пальцами золотые подвески, особое внимание уделил камням. Матвей и есаул терпеливо ждали. Наконец мастер поднял глаза на гостей и кивнул:

— Моя работа, это верно. Но много лет назад сделанная.

— Как вы это определили? — удивился Матвей.

— Это просто. Видите — камни неровно обточены, от этого «лапки», что их прижимают, разной величины. С тех пор я в огранке сильно поднаторел — грани чище стали.

— А помните, для кого вы этот заказ выполняли? Вещь дорогая, состояние стоять должна была. — Матвей внимательно посмотрел на ювелира.

Тот помолчал, пожевал губами и ответил:

— Да как упомнить? Давно это было, почитай, три десятка годков минуло, а то и больше. Не серчай, боярин, не скажу, сколько их было-то, заказчиков!

— Хорошо, но ведь записи должны были сохраниться? Я знаю, что в Оружейной палате с этим строго.

Показалось ли Матвею, но вновь по лицу старого мастера словно пробежала усмешка.

— А это ты, боярин, пожарам скажи — про строгость. Чай, помнишь, как три года назад полыхало? Сгорели старые книги. Мы их сносили в кладовую, что под самыми Кремлевскими стенами была, но тот участок полностью выгорел. По ним нашли бы, а по памяти не скажу. Да и слабая она у меня стала...

Было понятно, что ничего иного ювелир не расскажет. Приятели покинули Золотую палату, но перед этим Илья Фомин громко говорил о том, какой богатый заказ сделает буквально на днях.

С тем и вернулись они на Ордынку.

Алеша не спал, при виде друзей поднялся с постели и собрал записи своего расследования — они почти не пострадали во время нападения. Выслушав доклад Матвея, он вздохнул:

— Что ж, хороший был след, да потерялся. Теперь лиходея не сыскать, разве только случайно всплывет у кого-нибудь вторая серьга. Но вполне возможно, что разбойнику лишь одна и досталась, так что...

— Ой, не скажи... — Матвей аж подпрыгивал от нетерпения. Он не думал, что помогать другу в расследовании может быть так увлекательно. — Сдается мне, что мастер Демьян всей правды не сказал, и отлично помнит, для кого серьги делал.

— Но зачем ему лгать? Что может быть не так с украшением? Такое невозможно сделать в обход обычного пути — слишком ценные камни, их не раздобыть незаконно. Да и зачем бы мастеру Золотой палаты вмешиваться в темное дело?

— Вот тебе и загадка, братец! — рассмеялся Матвей. — Сам любишь, когда, как ты говоришь «не сходится». Вот тут концы с концами не сходятся. Кое-какие догадки у меня есть, но надо бы проверить... Прости, Алеша, пока точных слов подобрать не могу, лишь обрывки.

Есаул хотел что-то добавить, но тут из столовой раздался громкий крик Марьи Ивановны, а следом еще несколько воплей — чуть потише..

Глава 9

Нельзя сказать, что Игната Демина обеспокоило внезапное исчезновение надоедливого поручика. Своих дел хватало, чтобы раздумывать, почему вдруг остановилось расследование. Тем более, по мнению купца, оно гроша ломаного не стоило. Однако на третий день, как поручик Прошин не появлялся в Китай-городе, в усадьбу пришел преобразенец с бумагой от капитана Савельева. Капитан уведомлял уважаемого Игната Тимофеевича, что следствие продолжается, а у офицера, его ведущего, сейчас иные обязанности.

Демин понял, что остановить процесс, скорее всего, не удастся. С одной стороны, он мог воспользоваться своими знакомствами, да что греха таить — не побрезговал бы и взяткой, но догадывался, что в этом случае не избежать слухов, косых взглядов, а там и до худших подозрений недалеко — другие купцы непременно прознали бы о том, что Демин дело «замял», значит, что-то не так. Ославить себя с подобной стороны он не мог. Несмотря на толковый рассказ Федора, купец не поверил в то, что Лукерью кто-то столкнул с рундука. Он считал, что никаких доказательств у мальчишки-офицера нет, и тот лишь напускает важности, показывая служебное рвение.

На следующий день после нападения на Алешу (о чем в Китай-городе не знали), в купеческом сообществе заговорили о возвращении шайки Васьки Костромы. За одну только рождественскую ночь случилось несколько попыток взлома складов, а в торговых рядах уже до многих дошли слухи о возвращении известного вора. Разумеется, китайгородские купцы отнесли жалобу в Главную канцелярию — пусть предпринимают, что положено, за то им и платят из казны.

Федор окунулся в свою стихию: с рассвета носился по Москве, и его лихой возок мелькал то там, то сям, за первую половину дня он успел переговорить с разными людьми и принять участие в обсуждении мер по усилению охраны слободы. Антипу он поручил кое-какие дела на складах, и встретились слуга и хозяин в усадьбе после полудня.

Федор пошептался с родственником в дальней горнице, поставив Антипа у дверей, чтобы никто не подслушивал, и к полднику оба вышли в хорошем настроении, особенно Игнат — а это случалось редко. Именитый купец потирал руки, пока прислуга накрывала на стол.

— А знаешь, Федя, я подумал над твоими словами о подарке Татьяне, — выпив чарочку для аппетита, заявил Игнат Тимофеевич. — Эй, позовите сюда мою дочь!

Федор с одобрением наблюдал, как по приказу хозяина слуги внесли в трапезную сундук и поставили его у лавки неподалеку от дверей.

Таня вошла в сопровождении Прасковьи, ступая бесшумно и скромно потупив глаза. Обе встали перед Игнатом, только девушка опустила руки, а Прасковья, напротив, сцепила ладони в рукавах домашнего летника, выставив их перед собой, словно защищаясь.

— Что же, дитя, в последние дни ты вела себя достойно, тихо.

— Умерла моя служанка, — ответила Таня, сглотнув слезы, — и я скорблю.

— Так и должно быть, — кивнул Игнат, — мы все оплакиваем девицу, но женское сердце мягче, и вам горе являть пристало. Я хочу, чтобы в доме моем царил мир. Да, признаться, в делах и заботах не заметил я, как ты выросла — уж не ребенок, так что пора тебе сменить твой полушубок на нечто более достойное.

Танюша и Прасковья обменялись быстрыми взглядами, но Игнат этого не заметил. Он открыл сундук и достал из него свернутую в несколько раз женскую шубу. Развернул, потряхнул, предлагая всем полюбоваться игрой великолепного меха. Шуба действительно была роскошной: соболиные шкурки были подобраны так, что швы между ними мог заметить только опытный глаз скорняка. Такую красоту не стали прятать под тканью, какой бы богатой она ни была. Царица Наталья Кирилловна в свое время первой надела шубу мехом наружу, и многие боярыни стали ей следовать. А там и купцы переняли: все больше женщин носили шубы словно «наоборот», ткань выполняла теперь роль подкладки. И лишь рукава, оставаясь по старинке длинными, делались из ткани. Роскошь и высокую цену подарка Демина довершал бобровый воротник, покрывающий плечи целиком.

Когда Игнат еще раз встряхнул шубу, из рукава выпала шапочка. Прасковья подхватила ее и положила на лавку. Таня смотрела на шубу, и на глаза ее набежали слезы.

— Матушкина... — прошептала она, не выражая никакой радости при появлении обновки.

— Это так, — согласился Демин, проводя рукой по меху сверху вниз, — я для нее заказал, но она мало носила, уже хворала сильно. А вещь почти новая, так что забирай, дочь, теперь она твоя!

Девушка не посмела игнорировать прямое указание отца и приняла подарок из его рук.

— Так надевай, мы посмотрим! — добродушно воскликнул Игнат Тимофеевич. — Будешь ходить, что пава. Пусть все видят наше богатство.

Таня набросила шубу, продев руки в длинные рукава красного цвета. Такой же была подкладка шубы. И рукава были изнутри подбиты мехом — правда, не сободем, как сама шуба, а более дешевым, зато плотным, чтобы нежные женские руки не мерзли. Девушка повернулась вокруг своей оси перед отцом и дядей, и Игнат вдруг нахмурился.

— М-да-а-а... И в кого ты такая хлипкая уродилась?

Шуба была Тане великовата: и линия плеч спадала вниз, и подол волочился по полу.

— Можно немного перешить, — заметил Федор, — сестра действительно была крупнее Танюши.

— Твоя сестра была редкой красавицей лицом и статью. Вот скажи, кто посмотрит на девку как на невесту, коль она чуть выше стола? Может, и отдам шубу в переделку, хотя кромсать такой мех жалко. Но пусть пока походит так — вдруг приноровится? Да и покажем другим купцам, что на дочь я не скуплюсь.

Таня что-то прошептала, но услышала ее лишь Прасковья и положила ладонь на плечико воспитанницы.

— Ничего, ты батюшку поблагодари, голубка, поблагодари.

Таня поклонилась, тихо сказала, что подарок греет ей сердце, извинилась, что не хочет есть, и пошла к себе прямо в новой шубе.

Прасковья взяла забытую девушкой шапочку и тоже, поклонившись хозяину, направилась к выходу. Но ее остановил Федор.

— Прасковья, а ведь на Лукерье был твой полушубок, или я ошибаюсь?

— Твоя правда, Федор Иванович. Лукерья попросила, и я ей дала поносить. Подумала, что девчонке хочется принарядиться.

— Так забери его, а то бабы в поварне за тулупчик передерутся.

— Нет, не хочу. Лукерья в нем погибла, будет похоже на воровство у мертвой.

— Смотри, сама беличий полушубок потеряла, а другого тебе не будет! — грубо вмешался в разговор Игнат.

— И в мыслях не держала, хозяин. — Прасковья говорила негромко, но голос ее зазвенел.

— Ладно, иди себе, — махнул рукой Демин и добавил: — За Татьяной следи. И чтобы думать о Матвее Зуеве девка забыла!

Федор помолчал некоторое время после ухода Тани и Прасковьи, потом негромко сказал:

— Думаешь, племянница так легко выбросит из головы этого парнишку?

— Будет, как я скажу, — отмахнулся Игнат. — Найду ей жениха из наших — ровню, уже присматриваюсь. Надо скорее замуж ее отдать: и так девка собой нехороша, еще вдруг слухи пойдут, что возлюбленного нашла... Тут и мое имя не поможет. Да и тебе, Федя, пора о семье подумать, я в твоём

возрасте четвертый год был женат. А что, ежели сделка с кортомщиками складно завершится, не заняться ли после нам делами семейными?

— Вижу, куда ты клонишь! Но я хочу кое в чем разобраться, прежде чем хомут на шею надевать. А ты — что же, сватайся к Ефросинье Петровне, она в самый раз для тебя. Погуляем на свадьбе всем миром, — улыбнулся Федор.

Игнат хмыкнул, откинувшись на стенку, обитую дорогой тканью, и сказал:

— Ефросинья хороша! В самом соку баба. Двух мальчишек Крякину родила и еще пуще расцвела. Такая и мне сынов еще нарожает... Ох, Федя, а в чем это ты разобраться намерен? Смотри, жизнь коротка, семейное гнездо вить надо!

— Я об этом думаю, не сомневайся. — Федор поднялся с лавки, крикнул Антипа, приказал ему запрягать возок и направился, было, в свои покои, но Игнат, насупившись, прогоговорил:

— Неужто снова на Кукуй собрался? Зачастил ты туда, китайгородские не одобряют дружбы с немцами.

— Почему бы не дружить? — стоя в дверях, пожал плечами Федор. — Якоб Миллер меня в шахматы играть учит, беседы у нас увлекательные.

— Ну-ну. Царь-то наш тоже ездил-ездил к немцам, а потом... Сам знаешь.

Федор весело рассмеялся и пожелал зятю хорошего вечера.

В немецкую слободу он поехал, переодевшись в венгерский кафтан, который откровенно предпочитал в последнее время. Поверх набросил подбитый мехом плащ, но шапку оставил старую. Впрочем, обитатели Кукуя давно оценили русский головной убор, согревающий зимой, так что Федор не слишком выделялся среди немцев.

Антип вез его уже хорошо знакомой дорогой. Федор мог выбрать возок без кучера, но у молодого купца имелись основания, чтобы брать в немецкую слободу слугу. В его расчетах на будущее Антипу отводилась определенная роль, с тем Федор и познакомил Якоба Миллера с шустрим парнем.

Дом Якоба мало чем отличался от других домов в слободе. Он был невелик, хотя Миллеры не бедствовали — Якоб занимался торговлей довольно успешно, и был представителем третьего поколения семьи в Москве. Дверь русскому гостю он открыл сам и приветствовал Федора очень тепло, да и Антипа тоже. В небольшой, но удобной гостиной их ждала нагретая голландская печь, столик с вином и шахматная доска с резными фигурками. В углу между окном и стеной стояла небольшая ель, украшенная игрушками и вырезанными из бумаги снежинками.

— Проходи, Феодор, согрейся! — Якоб простер руку к невиданному прежде для русского дома чуду: двум стульям с высокими спинками. В боярских домах этот иноземный предмет мебели встретить можно было, но купеческие пока прочно держали оборону перед всякими соблазнами.

Откинув полы камзола и немного рисуясь, Федор опустился на сиденье, приняв от хозяина дома стеклянный бокал с вином.

Миллеру до старости было еще далеко, хотя выглядел он старше своих тридцати семи лет. Полнота выдавала слабость к еде, а небольшие глазки казались еще меньше от лоснящихся румяных щек.

Федор отхлебнул вина, рассматривая положение шахматных фигур на доске: восстанавливал прерванную партию по ходам. Антип, отведя лошадь в небольшую конюшню при доме, тихо вошел в гостиную, сняв в сенях сапоги. Пол в доме Миллеров был деревянным, как и в русских домах, но немцы не покрывали его сверху коврами или рогожей, а натирали каким-то средством, что делало доски гладкими до блеска. Слуга, нимало не смущаясь, встал за спинкой стула Федора и с интересом наблюдал за игрой.

Небольшой спор Миллера и Федора по поводу последнего хода прервалось появлением в гостиной хозяйки дома. Супруга Якоба, Гретхен, вошла, поправляя светлые локоны в затейливой прическе.

— О, Якоб, что же ты не сказал, что у нас гости! — упрекнула она супруга, впрочем, весьма шутливым тоном. — Господин Федор, хорошо ли о вас позаботились?

Федор быстро поднялся при появлении женщины и, поклонившись ей на европейский манер, ответил:

— Благодарю, добрая фрау, Якоб угостил меня отличным вином.

Нельзя было не заметить, что Федор восхищается госпожой Миллер. Ни один москвитянин не назвал бы Гретхен красивой, но ее свободное обращение с мужчинами, аккуратное платье по европейской моде, подчеркивающее талию, и высоко уложенные на головке косы, из которых выпускались отдельные закрученные пряди — все это привлекало молодого купца непохожестью на русских женщин.

Фрау Миллер пришла не просто так: в руке она держала письмо, которое принесла мужу.

— Прости, Якоб, что мешаю вашей игре, но я не успела тебе днем рассказать о письме от тетушки Эмилии.

При этих словах Якоб оживился и, чтобы гость не засмутился своего присутствия при обсуждении домашних дел, объяснил Федору:

— Семья тетушки Гретхен живет в Тюрингии, но мы очень, очень близки. Они подумывают о переезде в Московию. Гретхен, любовь моя, что тетушка пишет о твоей кухне?

— Представь, они решились и отпускают милую Анну к нам в гости. Она приедет вскоре после Нового года в торговом обозе!

Якоб хлопнул в ладоши, потом поцеловал руку жены и сказал:

— Какая славная новость! Вот, Федор, познакомишься с кузиной Гретхен, мы обязательно устроим прием в ее честь.

— С радостью познакомлюсь, если юная фрейлин хоть немного похожа на свою родственницу. — Федор любезно кивнул в сторону хозяйки дома.

— О, в нашей семье я считаюсь дурнушкой! Малютка Анна с самого детства поражала всех очарованием и красотой! — Узкое личико фрау Миллер искрилось лукавством.

Трудно было сказать, разыгрывали ли супруги Миллер хорошо подготовленную сцену перед гостем, или это был удачный экспромт, но события развивались к обоюдному удовольствию сторон. Гретхен принесла вышивание и села неподалеку от игроков, время от времени бросая какое-нибудь незначительное, но непременно приятное замечание. И всегда к месту, всегда ненавязчиво, хотя и чуть игриво. К моменту завершения шахматной партии Федор утвердился в мысли, что присутствие понимающей в политесе женщины в мужском обществе не только допустимо, но и желательно. И про себя усмехнулся, представив, как ревел бы по-медвежьи Игнат Тимофеевич, услышь такие слова.

Однако развлечения и достойные для отдыха занятия — это хорошо, но и о делах забывать не стоило. Якоб пригласил приятеля в свой кабинет — это помещение вызывало у Федора чувство, близкое к поклонению. Такого чуда он не видал в самых богатых домах Китай-города, даже когда там стали селиться боярские семьи.

Кабинет Миллера представлял собой небольшую комнату, в которой находился дубовый стол и такие же стулья. Но вот шкаф у стены, наполненный книгами и всяческими диковинками вызывал мальчишеский восторг! А еще глобус — Федор едва удерживался, чтобы не сесть на пол перед ним и не крутить туда-сюда, рассматривая изображения далеких земель и стран.

Миллер — человек практической хватки — не только внимательно выслушал Федора, но и записывал некоторые моменты, а также делал свои пометки. У молодого купца было что предложить немецкому торговцу, или, как предпочитал себя называть сам Миллер, «честному негодянту». Мало-помалу у двух купцов сложился совместный план, который Федор твердо намеривался скрыть от Игната Тимофеевича.

Вечер завершился совместным распитием вина «на дорожку», и Федор, пересмеиваясь с Гретхен, выспрашивал у нее подробности о кухне. Якоб добродушно прислушивался к их разговору, но тут к нему подошел Антип и попросил господина Миллера выйти с ним для небольшого разговора. Если Якоб и удивился, то, не подав вида, выполнил просьбу слуги.

Когда возок купца отъехал от гостеприимного дома, Федор крикнул Антипу:

— О чем это ты шептался с Якобом? Мы же вроде все обговорили.

— Нет, Федор Иванович, я бы не посмел в твои дела вмешиваться! Мне совет нужен был по своей надобности. Понимаешь, у меня есть кое-что, что теперь оказалось не нужно. Хотел, чтобы господин Якоб помог продать в Кукуе — тут можно больше получить.

— А, понимаю, — Федор откинулся назад, запахивая меховой полог, — ты хотел сделать подарок бедной Лукерье. Конечно, потраченные средства надо вернуть.

Антип на облучке передернул плечами и сгорбился, понукая лошадь.

Уже в Китай-городе Федор вспомнил об обязательствах перед Ефросиньей Крякиной. В столь поздний час можно было избежать встречи с хозяйкой, вызвав для разговора ключника. Так он и любезность проявит, и с Ефросиньей разговаривать не придется. Ему казалось, что от купеческой вдовы пышет жаром, обжечься о который ему не хотелось. Он приказал Антипу остановиться у ворот усадьбы Крякиных. Привратник хорошо знал Федора, так что не только открыл ворота для проезда лошади, но и не стал задерживать гостя у крыльца, предупреждая ключника — порядки допускали подобные вольности между близкими соседями. К тому же челядь в обеих усадьбах чесала языками о возможности скорого объединения семейств Демина и Крякиной. Откуда пошли слухи, кто их пустил: как водится, узнать было нельзя, они словно рождались из воздуха.

Осторожный Федор взял с собой Антипа, чтобы потом никто не сказал, что купец Василев в одиночестве посещал вдовицу в неурочный час. Да и направились они из сеней сразу в покои, отведенные ключнику. Покои были невелики: две небольшие горницы, в одной из которых Иван Кривцов работал, а в другой спал. Очевидно, личной прислуги у ключника не было, поэтому Федор и Антип застали Ивана врасплох — когда они вошли в горницу, ключник, стоя на коленях перед иконой, молился.

Федор, сам открывший дверь и вошедший первым, растерялся и замер на пороге. Сзади топтался Антип, не понимая, почему хозяин не проходит дальше. Прерывать моление никому не пристало, и Федор про себя выругался, что никто его не предупредил и не провел в другое помещение.

От неожиданного вторжения Иван Кривцов вздрогнул, но не повернулся, а, быстро перекрестившись, поднялся, прикрыл икону белой кружевной салфеткой и лишь после этого повернулся к незванным гостям. Лицо его, обычно бледное, сейчас побагровело от возмущения. Он сложил руки в рукавах домашнего зипуна и, едва разжимая губы, процедил:

— Что угодно? Зачем ты беспокоишь нас в такой час, Федор Василев?

Федор, сжав в руках шапку, повинно повесил голову.

— Прости, Иван! Нас и привратник пропустил к тебе, и в сенях ни одна шельма не остановила. Да разве бы я к тебе ворвался, если бы знал, что ты молишься?

— По моему разумению, каждый православный в это время перед отходом ко сну должен предаваться благим делам и помышлениям. Но, видеть, времена сейчас совсем иные, чем раньше. Так что ты хотел-то?

Федор прошел несколько шагов по горнице, что дало возможность и Антипу переступить порог. Он скромно остановился у самой двери, не смея присесть на лавку — такое впечатление на него произвела отповедь ключника.

— Да хотел, не беспокоя Ефросинью Петровну, поговорить с тобой о бумагах покойного хозяина. Они у меня с собой, но не думал, что дела займут, почитай, весь день.

Он достал из внутреннего кармана кафтана перевязанные лентой бумаги, и Кривцов, вздохнув, взял их. В этот момент из левого рукава выпали два небольших кожаных треугольника, бывшие подвесками чего-то, оставшегося скрытым в рукаве. Они были пронзительно синего цвета, а внутри белыми бусинами были выложены какие-то буквы. Иван немедленно убрал кожаные подвески с глаз. Любопытный Федор, обожающий непонятные диковины, хотел расспросить ключника, хотя тот явно не был расположен к дружескому общению. Обычно люди тянулись к приятному собеседнику, но он подозревал, что угрюмый Иван — исключение. Впрочем, долго раздумывать ему не пришлось. Дверь распахнулась, впустив холодок из сеней, и в горницу почти влетела сама хозяйка усадьбы — сияющая Ефросинья Крякина.

Глава 10

Что подумал про себя Федор, увидев Ефросинью Петровну, он предпочел не оглашать, но лицо его озарила дружеская улыбка.

Антип, которого хозяйка усадьбы оттолкнула от входа, тенью метнулся в другую сторону и тотчас замер в углу.

— Ах, я даже не поверила, когда мне сказали, что Федор Иванович у нас! — воскликнула Ефросинья.

Если она и собиралась ко сну, по наряду и украшениям это было незаметно. Вдова блистала золотыми нитями и драгоценностями, словно собиралась на праздник. На правах доброй знакомой она позволила себе ласково упрекнуть Федора, что не послал за ней прислугу.

— Да как же, Ефросинья Петровна, — склонился в поклоне Федор, — время позднее, а дело у меня к Ивану. Зачем тебе эти скучные разговоры? Я подумал, что ты уже почивать изволишь.

— Что я, старуха древняя — спать в такое время? Обязанностей у меня немало, и я с ними хорошо справляюсь.

— Что ты, что ты! — взмахнул руками Федор. Как раз об этом я и подумал: ты вся в хлопотах домашних, а тут я с документами...

При появлении хозяйки ключник поджал губы, но выразил почтительность. Ефросинья томно опустилась на лавку, плавным движением руки приглашая присесть Федора. Ему пришлось послушаться, хотя больше всего он мечтал, чтобы между ним и соседкой воздвиглась непроходимая пуща.

— Иван, прикажи подать чаю, да сам с нами откушай, — велела хозяйка.

Ефросинья прекрасно понимала, что вдовью честь надо блюсти, и лучше представить происходящее как обсуждение деловых вопросов в горнице ключника в его присутствии.

Словно по волшебству, на столе мгновенно появилась скатерть, вышколенная челядь в две минуты выставила сдобные булки, пироги и коврижки с медом, аромат доброго чая поплыл по горнице. В дальнем углу Антипу досталось только глотать слюни — о нем никто не побеспокоился.

— Федор Иванович, у меня душа не на месте, — вздохнула Ефросинья, для убедительности прижав ладони к пышной груди, — что же такое делается? Слухи по Китай-городу ходят, что в вашей усадьбе хозяйничают люди князя Ромодановского. Все ли ладно у вас с Игнатом Тимофеевичем? Не могу ли я чем помочь дорогим соседям?

— Все проходит, и это пройдет, Ефросинья Петровна, тебе не стоит беспокоиться. — В голосе Федора явственно звучала беззаботность.

Поначалу он не собирался посвящать соседку в подробности следствия, начатого поручиком Прошиным — достаточно и тех слухов, о которых упомянула Ефросинья. Но совершенно неожиданно вмешался Иван Кривцов. Он рассказал о том, что поручик его посещал, задавал вопросы. Ефросинья Петровна весьма достоверно изобразила ужас, в растерянности придвинувшись к Федору и уронив ему на плечо голову. Ее украшения позвякивали, потому что вдова дрожала от бурных переживаний. Федору пришлось отпаивать ее чаем, хотя куда больше он желал расспросить Ивана.

Впрочем, ключник сам проявил невиданную для него разговорчивость и о вопросах поручика поведал во всех подробностях. Хозяйке он дал понять, что его ни в чем не подозревают, зато с плохо скрываемым злорадством сообщил, что офицер Прошин много внимания уделил Антипу и его посещению усадьбы Крякиных.

В ответ Федор лишь пожал плечами, бросив, что поручик, видимо, не подумал, о чем спрашивать. Ефросинья пришла в себя и, слегка отодвинувшись от Федора, принялась расспрашивать его о смерти Лукерьи. До этого она, вероятно, даже не помнила имени простой служанки, но сейчас ее интересовало буквально все. При этом она потчевала гостя пирогами,

чаем и вареньем, о котором в слободе ходили сказания, и никому не удавалось вызнать рецепты. Земляничное варенье сыграло с Федором плохую шутку — он разговорился.

Впрочем, жадность к новым сведениям со стороны вдовы была ему понятна. Сидит женщина дома в окружении одних и тех же людей, выходит лишь в церковь. А тут что-то новое, пусть и смерть служанки — все увлекательнее ежедневной круговерти. Он сочувствовал однообразным будням купеческих жен и дочерей, особенно после того, как зачастил в немецкую слободу. Федор рассказал о Лукерье, что знал: о ее незатейливой жизни и веселом нраве. Печально поведал, как нашли погибшую девушку. Не смог он избежать цепких вопросов Ефросиньи о расследовании: она вытянула все, что делал и говорил поручик Прошин. Федор не заметил, как сам увлекся, и, завершая рассказ, сообщил о том, что узнал сегодня.

— Особенно жаль, что Лукерья так хотела покрасоваться в красивой одежке! Она упросила Прасковью Архиповну отдать ей беличий полушубок. Та, добрая душа, позволила девушке поносить его. А вещь действительно хороша, моя покойная сестрица его Прасковье подарила. В нем бедная Лукерья и погибла. Не довелось ей показаться перед молодцем этакой красой...

В горнице повисло молчание — все прониклись жалостью к погасшей юной жизни. Ефросинья откинулась на стену, глядя на угол с иконой, хотя ключник закрыл ее салфеткой, и беззвучно что-то зашептала, вероятно, молитву.

Иван слушал соседа с привычной сдержанностью, его интерес к происходящему выдавали только горящие глаза. Как отреагировал Антип, видно не было — в его стороне свечи не зажгли, да никто на него и не смотрел.

Надо сказать, что отклик Ефросиньи на рассказ удивил Федора. Конечно, доброта и мягкость, присущие женской природе, должны были проявиться, но он хорошо помнил, что доселе лишь Танюша удостоивалась от Ефросиньи внимания. Да и то, как подозревал молодой купец, потому, что девушка являлась членом семьи Деминых, а сама по себе мало интересовала соседку. И вдруг бурные, но, без сомнения, искренние чувства из-за какой-то служанки!

Расстроенная Ефросинья поднялась и поклонилась Федору со словами:

— Благодарю тебя, соседка, что провел с нами время. Я бы хотела еще поговорить с тобой по поводу дел торговых, но час поздний. Все же прошу тебя найти время, чтобы мы могли потолковать. Хоть я и баба неразумная, но, поверь, помочь тебе смогу.

Хозяйка усадьбы выплыла из горницы, и Федору показалось, что она борется со слезами. Проводив ее, купец повернулся к ключнику:

— Еще раз прости, Иван, — никогда более не войду к тебе без предупреждения. Да и вечерами не стану беспокоить вас с хозяйкой. Антип, выводи лошадь!

Иван замер возле стола, и Федор понял, что тот не слышал ни слова. Ключник смотрел на дверь застывшим взглядом, а под рукавами было видно, как костяшки пальцев его двигаются, словно он что-то лихорадочно перебирает.

— Иван! — довольно громкий окрик привел ключника в чувство. Он перевел взгляд на гостя, облизнул пересохшие губы и кивнул в знак того, что слышит. Поклонился Федору, открыл перед ним дверь, но провожать не пошел.

Так и отправился Федор домой со смутным чувством, что произошло нечто, смысл чего от него ускользнул. Недолгое время он размышлял по поводу странностей чаепития у Крякиной, но потом мысли его приняли соответствующее направление. Да и усталость дала о себе знать...

Следующее утро напомнило, что до исполнения царского указа о праздновании Нового года осталось три дня. У Демина для окончательного расчета с кортомщиками весь заказ полностью собрался. Несмотря на святочные гуляния, он намеривался связаться со старостой артели, чтобы подвода от епархии незамедлительно прибыла в Москву. Из-за того, что ушиб Семена еще давал о себе знать, Федор наутро после встречи с Якобом Миллером и посещения усадьбы Крякиной предложил самому съездить в артель с важной вестью. Ночь вновь выдалась снежной, и дороги замело так, что за город по проселкам и сугробам добраться можно было лишь на широких и тяжелых розвальнях.

Игнат, сильно недовольный тем, что шурин повадился в немецкую слободу, решил, что молодому купцу не помешает настоящее дело.

— Поезжай, Федя, только возьми с собой работников. Все же беспокойно, говорят, вокруг Москвы. Антип тоже пусть поедет.

— Артель не так далеко — до вечера обернусь. Антипа не возьму: у меня есть всякие дела, и он должен их выполнить. В дороге сам справлюсь. К тому же, мне свободное место в розвальнях понадобится. — Федор заулыбался так хитро, что Демин насупился: снова шурин затевает какую-то потеху.

— Ну, как знаешь, — буркнул он.

Федор быстро собрался и уехал, а Игнат с Семеном занялись последней проверкой товара, примериваясь, что с чем грузить. Дела нашлись и на складах, так что Игнат Тимофеевич погрузился в них, и все остальное отступило на второй план.

Этого момента и дожидались Танюша с Прасковьей. Конечно, прислуги в усадьбе находилось немало, и отсутствие дочери хозяина не осталось бы незамеченным, зато, занимаясь домашними делами и находясь постоянно на глазах челяди в поварне, кладовых и подклетьях, Таня могла отвлечь внимание от Прасковьи, достаточно было сказать, что та занята шитьем в своей светелке.

Прасковье удалось покинуть усадьбу, потому что отсутствие сурового хозяина дало слугам передышку. Будь дома Семен, не миновать бы лентяям выговора, а то и плетки. Но поскольку Игнат воспользовался возком шурина, верный слуга поехал тоже — недалеко, и дороги не то, что за городом.

Одетая в скромный тулуп Лукерья, Прасковья проскользнула между конюшней и сараями, когда Таня передавала конюхам кувшин с теплым сбитнем и пирогами. Дары были приняты с радостью, и все приставленные к конюшне работники поклялись бы, что никто мимо них не проходил к воротам.

Игнат Тимофеевич никогда не давал в руки дочери ни копейки, даже пожертвования в храмах всегда делал сам от ее имени, если считал нужным. Равно как и все в усадьбе должны были сообщать о необходимых тратах ключнику, а тот — хозяину для окончательного решения о выделении средств. Порой это усложняло хозяйственную жизнь большого дома, но воздействовать на Игната не смог даже Федор, стоявший за более свободный образ жизни для всех, включая челядь. Когда племянница подросла, а особенно после кончины ее матушки, Федор потихоньку давал время от времени небольшие суммы Танюше и Прасковье. Да только девушка потратить их не могла, потому что не ходила по ярмаркам и торговым рядам. Если Прасковье удавалось вырваться из дома, она покупала приятные мелочи, но большая часть подарков дядюшки оставалась нетронутой. И вот настало время, когда зашитые Прасковьей в старую душегрейку монеты пригодились.

В Китай-городе находился Посольский двор, и гости из далеких стран любили посещать слободские храмы. Однажды английский дипломат пожелал присутствовать на православной службе в храме Святой Троицы — от Посольского двора до него было рукой подать, и необыкновенная красота церкви манила иностранцев. К нему приставили юного Матвея Зуева, который с удовольствием рассказывал англичанину об особенностях убранства церкви. Матвей заливался соловьем до той минуты, пока не узрел погруженную в тихую молитву Татьяну Демину. Эта встреча изменила его жизнь и жизнь купеческой дочери. Неприкрытое восхищение молодого человека привлекло внимание девушки, а дальше... Было сказано все, что положено в подобных случаях, было множество пылких писем с обеих сторон и встречи в церкви. И если бы не осторожность Прасковьи, Игнат Тимофеевич куда быстрее проведал бы о тайне дочери.

Прасковья, бывшая не только старше Танюши по возрасту, но и лучше знакомая с жизнью за воротами купеческой усадьбы, успела узнать у Матвея, где он живет, и как к нему добраться по Москве. Писать письмо было опасно — по приказу Демина его могли перехватить, поэтому Прасковья, пройдя от усадьбы в сторону рыночной площади, наняла возок до Ордынской слободы.

Удача сопутствовала ей с самого начала. Она не встретила никого из знакомых на улице и на площади и довольно быстро оказалась на Ордынке.. Дом Зуевых, по меркам китайгородских купцов, жалкий, ограждал деревянный забор, да и то с задней стороны. Его фасад выходил прямо на улочку, что у богатых вызывало насмешки. Прасковья оглянулась: прохожих было мало, никто не смотрел на нее. Рассчитать время было практически невозможно из-за Игната Тимофеевича, но Прасковья знала, что у Матвея Зуева есть матушка, и надеялась, что почтенная дворянка обязательно пойдет в это время в церковь.

Она робко постучала в дверь — никто не отозвался. Постучала громче и подняла голову, пытаясь рассмотреть через оконце. Шуметь ей не хотелось, как не хотелось и просто ждать Матвея на улице — надо было как можно скорее возвратиться в Китай-город.

И тут за дверью раздался топот, зычный мужской голос что-то закричал в глубь дома, и дверь перед Прасковьей распахнулась. Она испуганно отпрыгнула в сторону, а на крыльцо выскочил чернявый молодец с блестящими темными глазами.

— Ох ты, красавица невиданная! — воскликнул он. — Мы таким девицам завсегда рады!

Прасковья попятилась назад, чуть ли руки вперед не выставила, чтобы отбиваться.

— Да ты не бойся, — на всю улицу пропел молодец, — я тебя не обижу, красавица. Тебе кто нужен-то?

— Дворянин Матвей Зуев, — тихо ответила Прасковья и добавила: — Наверное, я ошиблась домом?

— Не ошиблась, милая, тут Матвей и проживает. И сейчас он дома.

— Прошу, сударь, позови его сюда... — Прасковья даже глазом моргнуть не успела, как ее подхватили под руку и словно пушинку увлекли в сени. Там было сумеречно и довольно тесно.

— По нашему казачьему обычаю, входя в дом, гости целуются на пороге! — воскликнул молодец и, повернув Прасковью за плечи к себе, вытянул губы для поцелуя.

— Тьфу, ирод! — рассердилась она, отпихивая весельчака к двери. — У меня дело важное к Матвею Андреевичу, а тут пристал какой-то...

— Илья Фомин, есаул Войска Донского, старшина зимовой станицы на Москве! И ты, красавица, сердце мне перевернула глазками своими...

— Матвей Андреевич, ты дома ли? — громко закричала Прасковья и рванулась вперед. Из сеней она попала к главной лестнице, чуть не упала на ступеньки, но тут ее подхватил и удержал сам Матвей Зуев.

— Прасковья Архиповна, ты ли это! — тепло обнял он женщину. — Как тебе удалось выйти? А как моя Танюша? Здорова ли, голубка?

— Погоди, все расскажу, — выдохнула Прасковья и присела на ступеньку, прижав руку к груди. — Что за лиходеи меня встретил? Неужто твой родич?

— Это мой друг, Илья Фомин. Никакой он не лиходеи, а замечательный человек! Просто ты его не знаешь.

— Да и узнавать что-то не хочется. Нам бы с тобой переговорить с глазу на глаз. Я не помешала?

— Что ты! Не представляешь, как я рад. Пойдем в столовую, дома нет ни матушки, ни слуг. А кухарка спит так, что пушками не разбудишь.

Матвей повел гостью в небольшую столовую, расположенную направо от лестницы, за ними следом туда вошел Илья Фомин.

— Ух, и лютая у тебя знакомая! — смеялся есаул, так и прожигая Прасковью глазами. — Просто огонь!

— Пусть он уйдет, — прошептала Прасковья, — чай, дело у нас тайное.

— Ты не понимаешь, — ответил Матвей. — Илья все знает: и про Таню, и про Игната Тимофеевича. Он и придумал, как помочь.

Прасковья с ужасом оглянулась на есаула и воскликнула:

— С ума ты сошел, парень! Чем он нам поможет?

Илья, откинув полы роскошного кафтана, сел на лавку, упершись руками в колени и, усмехнувшись, произнес:

— Ошибаешься, милая. Я, конечно, человек простой, но мыслю так. Батюшка девицы съест собственные сапоги, но не отдаст ее замуж за друга моего Матвея, верно? А девица Татьяна, насколько я понял из слов Матвея, ни за кого другого замуж идти не желает, так?

На глаза Прасковьи против ее воли набежали слезы, она промокнула их кончиком платка и кивнула.

— Ну а Матвей Андреевич готов ради своей зазнобы на что угодно, я ему верю. Можно звать мудрецов из всех московских приказов, да всю Боярскую думу в придачу, все одно никакого решения, чтобы все сопричастные остались довольны и счастливы, быть не может. Иными словами, кто-то должен... пострадать: либо влюбленные, либо батюшка. Ты, милая, кому счастья желаешь?

— Танюше, конечно. А раз ее счастье в Матвее Андреевиче, то и ему.

Илья Фомин вскочил на ноги и прошелся по горнице, приплясывая в каком-то чудном танце.

— Тогда мы пришли к единому мнению: придется купцу Демину остаться... э-э-э... с носом. Девицу мы украдем — я все устрою.

Прасковья тоже вскочила, щеки ее залила краска.

— Да как же это? Разве можно украсть честную девушку?

— А что такого? — удивился есаул. — Раздобудем лихих коней, возок, расписанный дивными птицами. Я подготовлю убежище, приведу туда папа — добром не захочет, силой притащу...

— Хватит молоть чепуху! — топнула ногой Прасковья. — Это в каких землях принято так жен добывать? Матвей Андреевич, ты на это согласился?

— А что делать? Игнат Тимофеевич своего решения не изменит да выдаст Танюшу замуж за купца какого-нибудь.

— Она не пойдет ни за кого другого. Послушай, Матвей, помнишь, Таня тебе говорила о своем дядюшке?

— Тот, что помощник Игната Тимофеевича?

— Да, Василев Федор Иванович. Так вот, он вам с Таней сочувствует. А Федор Иванович шибко умный, он придумает, как помочь. Не рубите сплеча, побег — это самый крайний случай.

Но слова Прасковьи, кажется, не переубедили Матвея. Он помолчал и ласково взял женщину за руки:

— Я сейчас письмо Танюше напишу, хорошо? В двух словах опишу нашу задумку, и ты с ней уедешь. Подожди здесь, я мигом.

Матвей убежал наверх, в свои покои, где у него всегда наготове были перья и бумага. А Илья остался в горнице с Прасковьей и явно не собирался уходить. Заметив, что женщина его сторонится, он усмехнулся.

— Не бойся меня, Прасковьюшка! Я девиц и бабенок никогда не обижаю. Ты узнай меня поближе, а там, глядишь, и по нраву придусь.

Прасковья отвернулась от него, сложив руки на груди. Но не тот человек был Илья Фомин, чтобы отступать перед трудностями. Он сходил куда-то на пару минут и вернулся с кожаным поясом, на котором были приделаны ножны с кинжалами.

— Хочешь, повеселю тебя, душа-красавица?

Илья разложил на лавке кинжалы, доставая каждый из ножен и проводя по стали пальцами. Испуг Прасковьи лишь забавлял есаула.

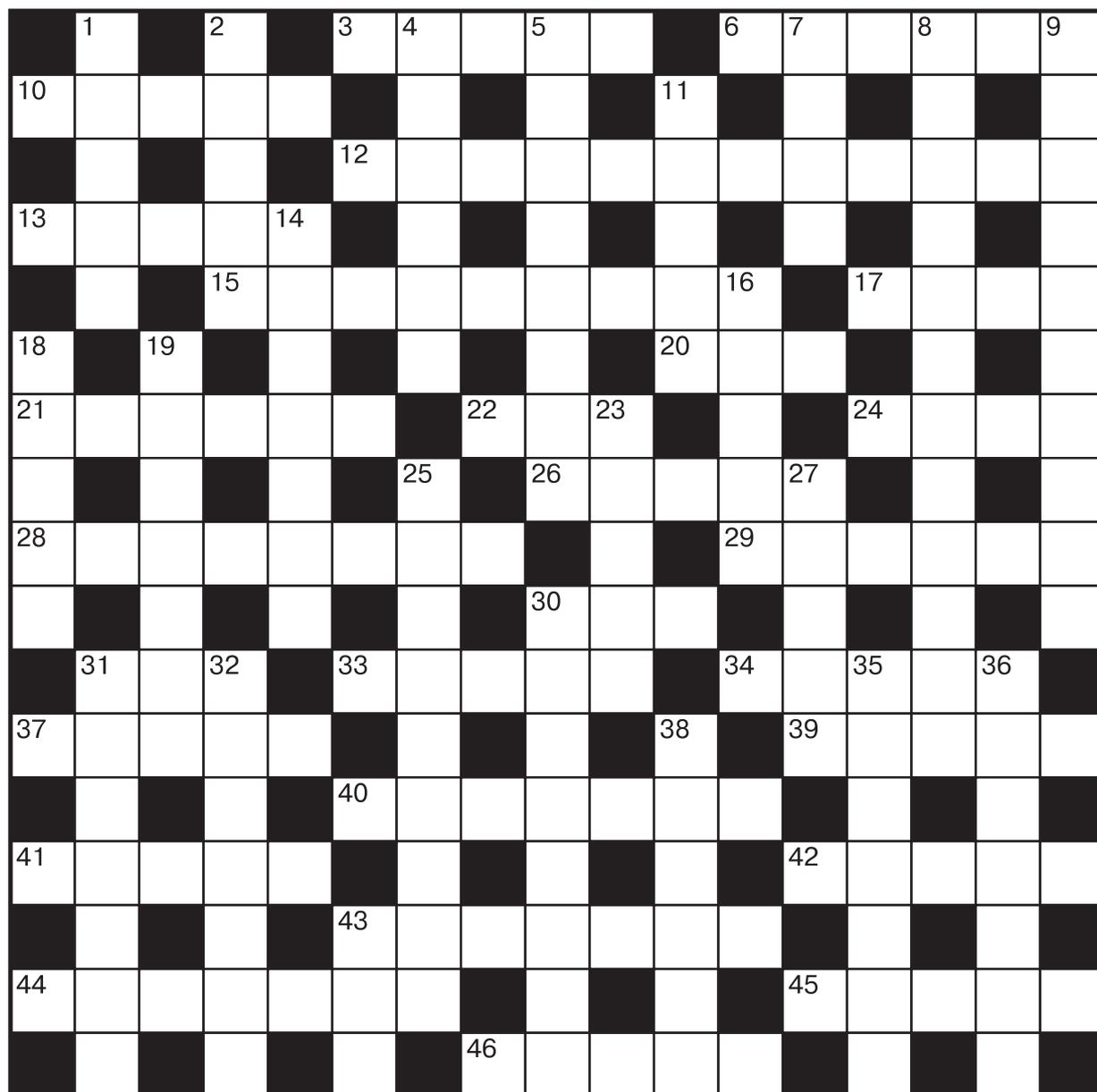
— Пора Матвею обновить горницу, — усмехнулся он, подмигнув Прасковье и, красуясь перед ней, начал метать кинжалы в дальнюю стену над столом — четко друг над другом. Потом собрал ножи и вновь бросил, но уже по кругу.

Потеху прервал Матвей, появившись с листом, перевязанным атласной лентой. Илья настаивал проводить Прасковью до усадьбы Демина, но она твердо отказалась, пообещав Матвею нанять возок, и направилась к Ордынской площади. Илья долго смотрел ей вслед, пока Матвей не дернул его за рукав, напомнив, что Алеша ждет их.

Когда друзья рассказывали поручику о своем расследовании в Оружейной палате, Марья Ивановна вернулась из церкви и собралась отобедать. Войдя в родную столовую, увидела прямо над своим местом в стене кинжалы, расположенные аккуратно по кругу, и громко закричала... □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Цветок с пламенеющим именем. **6.** Какого слугу Мольер сыграл лично? **10.** «Тонкое искусство заставить мужчину быть довольным самим собой». **12.** Клиент стюардессы. **13.** Бравый солдат, чьи похождения описаны Ярославом Гашеком. **15.** Основа масок против

перхоти. **17.** Найковская галочка. **20.** Что испытывал от холодных чисел Валерий Брюсов? **21.** «Конькобежец по асфальту». **22.** Агент нечистой силы. **24.** Куда пойдут служить сегодняшние нахимовцы? **26.** ... принятия решений. **28.** Вор среди чиновников. **29.** Успокоительное утром с «боль-

шого бодуна». **30.** Какой ключ носят в голове, а не в кармане? **31.** Вставка в паз. **33.** Сильно повзрослевший Пятачок. **34.** Чем маляр краску раскатывает? **37.** Самый древний фрукт из всех, что нам известны. **39.** Спасатели определяют ... поиска. **40.** «Пернатый царь лесных певцов» у Александра Пушкина. **41.** Какой остров в момент открытия Христофор Колумб принял за Индию? **42.** Аллюр, чтобы убежать от хищников. **43.** Кто из наших классиков прослыл «Летописцем Колымского ада»? **44.** «Нашумевший диалог». **45.** Кого из миллиардеров однажды арестовали за нарушение правил вождения? **46.** Какой кардинал спонсировал графа Калиостро?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Из какого фрукта выделили вещество, сильно замедляющее деление раковых клеток? **2.** Дэниел из «Кванта милосердия». **4.** Кто находит выход из любого тупика? **5.** Какой меч зато-

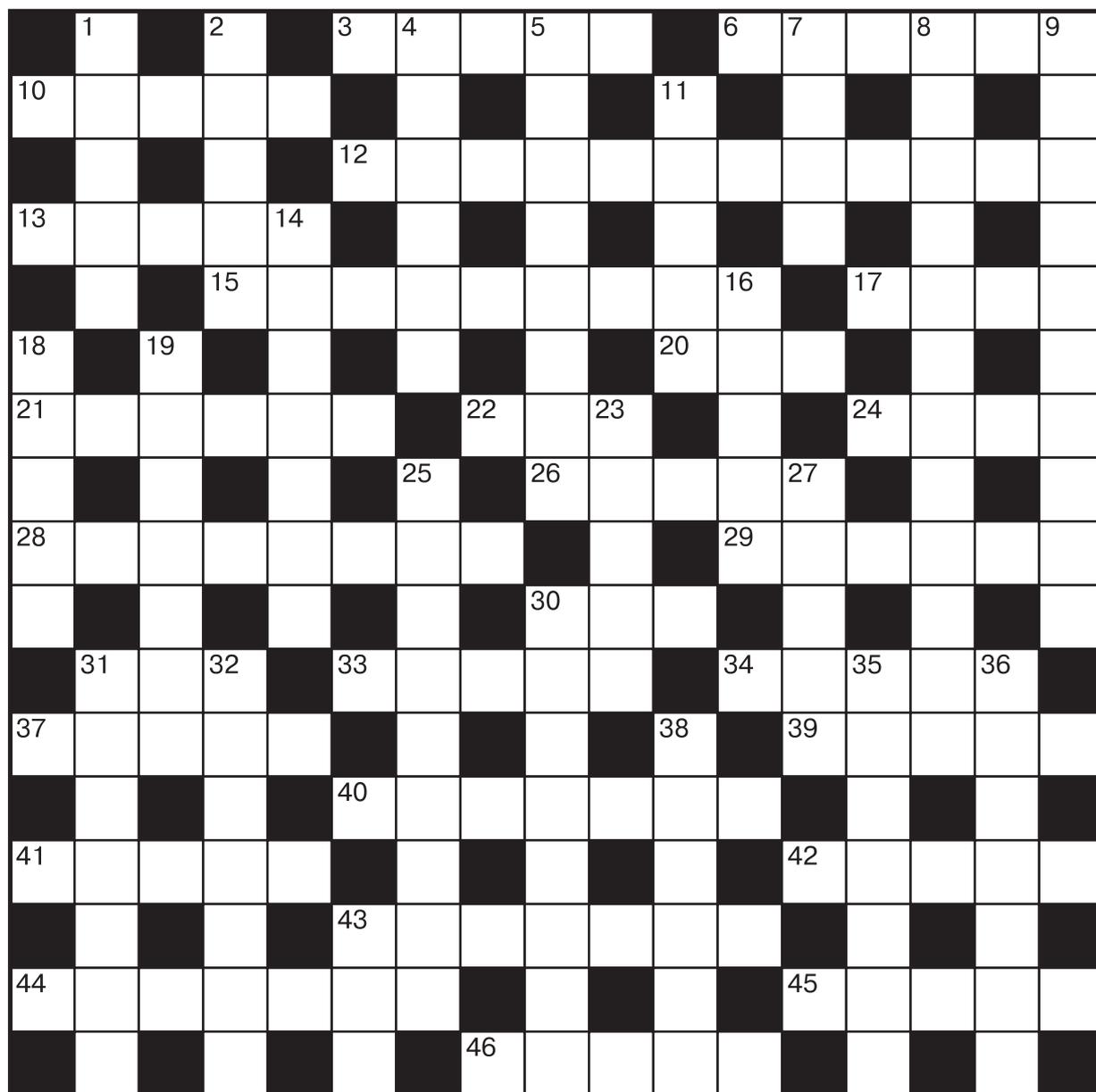
чили под змея Горыныча? **7.** С каким островом связывают возникновение японской цивилизации? **8.** Чьей фамилией дикую лошадь окрестили? **9.** ... правил дорожного движения. **11.** Где умер Оскар Уайльд? **14.** Чей роман лег в основу сериала «Открытая книга»? **16.** Кто отверг и орден Почетного легиона, и Нобелевскую премию? **18.** Что у нас отнимают стрелки часов? **19.** Парнишка с волшебной лампой. **23.** Кто руководил первой российской экспедицией к Северному полюсу? **25.** Искоренение деревьев. **27.** «Спидометр гаишника». **30.** «Красная река» на карте США, чьими притоками являются «Зеленая река» и «Синяя река». **31.** Сезонный промысел советской эпохи. **32.** С чем обычно Интернет сравнивают? **35.** Малый госпиталь. **36.** Плеяда выдающихся деятелей. **38.** Кому призывал не верить Булат Окуджава, «когда она бравые песни поет»? **43.** Мера пройденного.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Дюма. **3.** Язык. **7.** Амеба. **11.** Лайм. **12.** Австралия. **13.** Анонс. **14.** Плов. **17.** Римус. **20.** Расист. **21.** Мак. **22.** Заикание. **24.** Джокер. **28.** Автопортрет. **29.** Прибой. **30.** Идеал. **34.** Гамбургер. **37.** Сименон. **38.** Радио. **39.** Гейша. **41.** Ссуда. **42.** Гусар. **43.** Усик. **44.** Вишня. **45.** Лиана. **46.** Якорь. **47.** Край. **48.** Басов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Джаз. **2.** Мясник. **4.** Залп. **5.** Кляп. **6.** Яйцо. **8.** Монисто. **9.** Бонасье. **10.** Арбуз. **15.** Ланцет. **16.** Вред. **17.** Разведчик. **18.** Садок. **19.** Скотт. **23.** Лобачевский. **25.** Жербер. **26.** Куба. **27.** Рейн. **31.** Сан. **32.** Облепиха. **33.** Ярошенко. **34.** Голдинг. **35.** Ракушка. **36.** Литавра. **40.** Пуск. **41.** Сила.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какому герою посвящен музей, где играет музыка Владимира Дашкевича? **6.** Какой жрец получил «золотую стрелу» от бога Аполлона? **10.** Земляная печь у армян. **12.** «... двухмерно и плоский дух его колбасен». **13.** Рыбное блюдо с желе. **15.** «Измеритель» силы пламени.

17. Польский народный танец. **20.** Злодейский Гарган из вселенной Marvel. **21.** Кукла, надетая на руку. **22.** Современный аналог обычной половой тряпки. **24.** Демон из индуизма. **26.** Росчерк в подписи. **28.** Живописный классик среди завсегдаев богемного салона Лили Брик. **29.** Какой элемент в 1967

году открыли ученые из группы Георгия Флерова? **30.** «Горный клоун» среди попугаев. **31.** Король Дримландии из мультсериала «Разочарование». **33.** Какое пиво воспел Софокл? **34.** Игрушка от Mattel. **37.** Какой материал подарил миру немецкий химик Юстус фон Либих? **39.** Первый месяц библейского года и седьмой гражданского в еврейском календаре. **40.** Русский ботаник в учителях у Климента Тимирязева. **41.** Большой индийский носорог. **42.** Какую белужью икру считают самой редкой? **43.** Съедобный моллюск в японской кухне. **44.** Самогон с Кипра. **45.** Самый распространенный в Испании сорт белого винограда. **46.** Соленая капуста по-корейски.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Соавтор первой в мире оперы. **2.** «Первый обманщик» среди эллинов. **4.** Долги по векселям. **5.** Прибор ювелира. **7.** Генерал в градоначальниках Пет-

рограда во время Февральской революции 1917 года. **8.** Родственник карпа. **9.** Разблокировка ради доступа к файлам. **11.** Откуда родом звезда поттерианы Том Фелтон? **14.** Фанат тусовок. **16.** Балет, который Сергей Дягилев заказал у Эрика Сати для своей труппы. Кстати, сюжет сочинил Жан Кокто, а Пабло Пикассо оформил. **18.** Американский аист. **19.** «Царь саранчи». **23.** Граф, связанный с убийством Павла I. **25.** «Цветок эльфов». **27.** Фермент в аппарате Гольджи. **30.** Самые плохие лапти на Руси. **31.** Кто издал первый в Белоруссии и на Украине печатный букварь? **32.** В каких горах черпал вдохновение Николай Рерих? **35.** По какому канату «пролетают» над ущельем экстремальные туристы? **36.** Какой священный город стал третьим по значимости для христиан после Иерусалима и Вифлеема? **38.** Французская карета. **43.** Условие продажи товара.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кика. **3.** Акия. **7.** Тафия. **11.** Герс. **12.** Автоматон. **13.** Мутон. **14.** Якша. **17.** Латес. **20.** Бабура. **21.** Моб. **22.** Лабретка. **24.** Скарфи. **28.** Агломерация. **29.** Айкучи. **30.** Друид. **34.** Кабасаран. **37.** Шемихан. **38.** Самум. **39.** Хилер. **41.** Хакне. **42.** Выгиб. **43.** Емец. **44.** Битюг. **45.** Никол. **46.** Хаски. **47.** Угия. **48.** Скотч.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кнар. **2.** Коттаб. **4.** Кото. **5.** Ягня. **6.** Фриш. **8.** Асумбра. **9.** Изограф. **10.** Ампел. **15.** Кэтрин. **16.** Абас. **17.** Логгерхед. **18.** Салем. **19.** Урбан. **23.** Бонификация. **25.** Кайлас. **26.** «Раум». **27.** Ириб. **31.** Ман. **32.** Василиск. **33.** Бабелютт. **34.** Карнеол. **35.** Налыгач. **36.** Кулижки. **40.** Леру. **41.** Хени.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1 полугодие 2026 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой заказной бандеролью _____

За 1 номер — 330 рублей 00 копеек _____

За полугодие — 1980 рублей 00 копеек _____

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ С 1-ГО ПОЛУГОДИЯ 2026 ГОДА НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №1-2026**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

СМЕНА

«*Константин Ивлев — всенародно любимый и главный шеф-повар страны. Его обожают, ему подражают, учиться у него мечтают. Общение с ним приносит огромное удовольствие. Мы расскажем вам, какие сюрпризы он приготовил для нас на 2026 год, и предложим вашему вниманию несколько его рецептов блюд, которые обязательно должны быть на новогоднем столе.*

Интервью провела журналистка Дарья Парчинская

«*Яков Иванович Ростовцев — генерал от инфантерии, один из главных разработчиков реформ по отмене крепостного права, начальник Главного штаба Его Императорского Величества по учебным заведениям и... по мнению многих, причастных к декабрьскому восстанию на Сенатской площади, предатель!*

Александр Ралот «Предатель или реформатор?»

«*Всю жизнь братья Якоб и Вильгельм Гримм провели вместе. Они были очень разными: Вильгельм — жизнерадостный и открытый, Якоб — замкнутый и необщительный. Однако разность характеров не мешала братьям быть лучшими друзьями, жить вместе и вместе творить свои бессмертные сказки.*

Евгения Гордиенко «Братья Гримм, чьи сказки живут до сих пор»

«*Павла Глобу можно назвать самым знаменитым российским астрологом, предсказания которого не только чаще всего сбываются, но и спасли жизни многим людям. Нас сегодня в первую очередь интересует судьба нашей страны. Так вот Глоба считает, что впереди Россию ожидают долгие мирные годы... Павел говорит, что астрология — некая модель, которая имеет большую степень совпадений с реальностью. А задача человека — из нескольких вариантов выбрать наилучший...*

С известным астрологом беседовала Белла

Продолжение детектива Натальи Рыжковой «Расследования поручика Прошина»

№12 декабрь 2025